

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: Север–Юг

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

Сказания Меекханского пограничья

Роберт М. Вегнер

**Сказания Меекханского
пограничья: Север – Юг**

«АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

Вегнер Р.

Сказания Меекханского пограничья: Север – Юг / Р. Вегнер —
«АСТ», 2009 — (Сказания Меекханского пограничья)

ISBN 978-5-17-107474-6

Горная Стража – последний оплот Меекханской империи на ее северных границах. Здесь, в узких долинах и заброшенных деревеньках, все еще таится древнее зло. Но стражники не спасают мир. Они просто выполняют свою работу: охраняют мирных жителей от диких кочевников, от племен, подпавших под влияние дикой магии, от культов кровожадных богов... И Шестой роте приходится тяжелее прочих: раз за разом она попадает в жуткие, смертельно опасные ситуации – и за всем этим начинает проступать некая зловещая закономерность... А на юге империи безрассудный купец нанимает в телохранители искусного воина по имени Йатех из таинственного племени иссаров, что всегда скрываются под маской – и безжалостно убивают любого, кто увидит их лица. Купец еще не знает, каким испытаниям подвергнет свою семью, и о том, что его решение положит начало событиям, которые поставят на кон судьбу всего Меекхана и приведут людей к противостоянию с богами...

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-107474-6

© Вегнер Р., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Сказания Меекханского пограничья. Север – Юг	6
СЕВЕР	6
ЧЕСТЬ ГОРЦА	6
ВСЕ МЫ МЕЕКХАНЦЫ	32
БАГРЯНЕЦ НА ПЛАЩЕ	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Роберт М. Вегнер

Сказания Меекханского пограничья. Север – Юг

Robert M. Wegner

Opowiesci z meekhanskiego pogranicza. Polnoc-Poludnie

Każdy dostanie swoją kożę

Copyright © 2009 by Robert M. Wegner

Copyright © 2009 by Powergraph

© Сергей Легеза, 2016, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Книга покоряет размахом и искусным исполнением. Вегнер – невероятно одаренный и кропотливый архитектор, который с нечеловеческой тщательностью творит меекханскую вселенную. Степень реализма книги настолько высока, что во время чтения невозможно воспринимать Империю как еще одну выдуманную страну: она живая.

POLTER.PL

Потрясает умение автора творить связный и подробный мир, в котором боги и магия сосуществуют с законами физики – словно автор не творил, а лишь описывал нечто, что видел собственными глазами.

GILDIA.PL

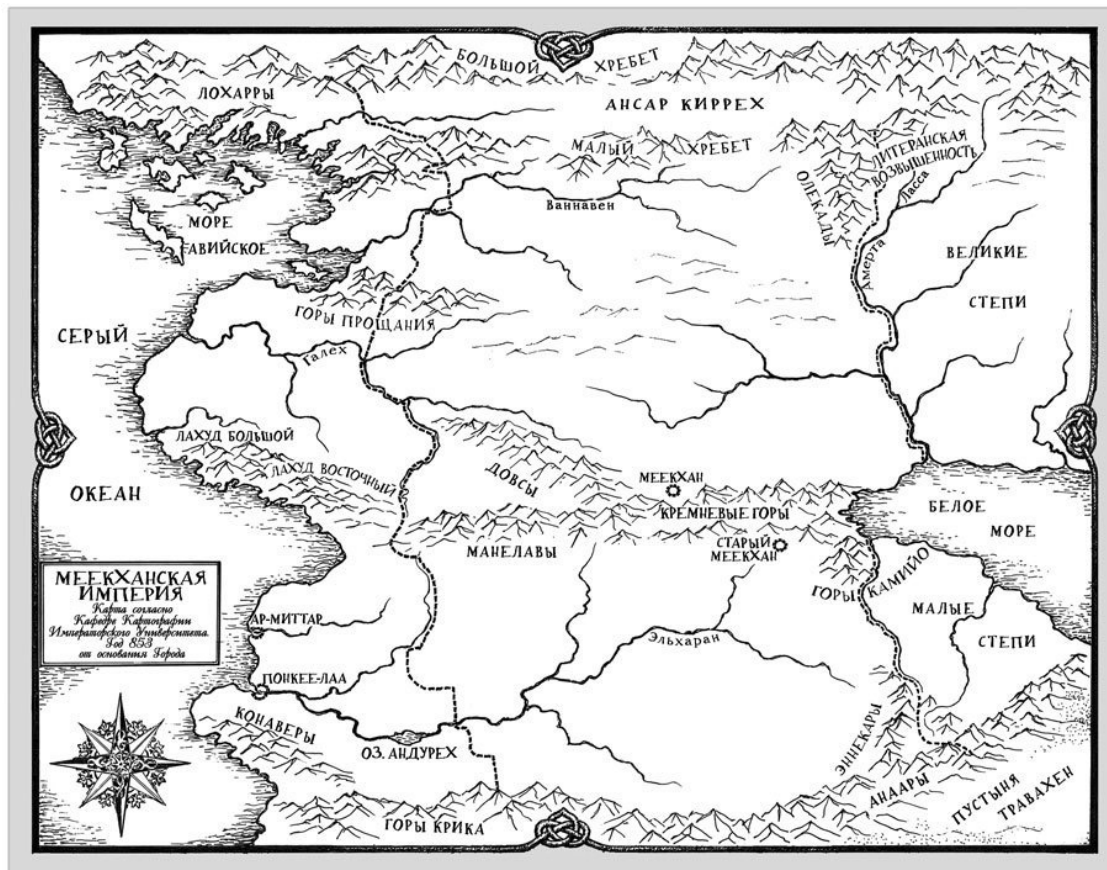
Если когда-либо в Севре решат положить рядом с эталоном метра и килограмма эталон хорошего фэнтези, должно использовать произведения Вегнера.

NOWA FANTASTYKA

Истинная жемчужина польской фантастики. В книге можно найти все то, благодаря чему – пока мы читаем – внешний мир перестает существовать.

KSIAZKA.NET

Сказания Меекханского пограничья. Север – Юг

СЕВЕР ТОПОР И СКАЛА

ЧЕСТЬ ГОРЦА

Шадори появились именно с той стороны, откуда их и ждали. Двенадцать груженных, словно мулы, мужчин вышли из леса на восточном краю горного луга, полонины. Остановились на линии деревьев. Выглядели они так, словно шли без остановки несколько последних дней: грязные, обросшие, задыхающиеся. Близился вечер, и солнце било им в глаза, а привольно раскинувшаяся полонина, чуть неровная и припорошенная свежим снегом, казалась пустой и спокойной. Соблазняла, обещая легкую дорогу и отсутствие засады.

Конечно же, обманывала.

Первый из мужчин сделал несколько шагов, по колени проваливаясь в мягкий пух. Снег, должно быть, выпал не раньше прошлой ночи. Пришлец поправил на спине большой мешок, что-то рывкнул остальным и двинулся вперед, намереваясь, как видно, пересечь луг наискось, кратчайшим путем. Остальные последовали за ним, держа дистанцию в несколько футов. Шагов через сто проводник остановился, тяжело дыша, и подал знак второму в цепочке, чтобы тот его заменил. Сам подождал, пока остальная группа минует его, и занял место в конце. Еще через сто шагов произошла следующая смена, потом еще одна. Для людей, наверняка шедших

без остановки всю ночь, они удерживали хороший темп. За четверть часа одолели половину дороги.

И тогда полонина их предала.

Снег в десятке-другом мест по обе стороны от растянувшейся змеей группы взорвался. Из взвеси ледяного пуха выскочили укутанные в меха, размахивающие оружием фигуры. Воздух задрожал от крика:

– Горная Стража! Бросить оружие!

Шадори и не подумали подчиниться.

* * *

А вскоре все закончилось. Лейтенант Кеннет-лив-Да-равит равнодушно смотрел, как его люди проверяют ножами, не притворяется ли кто из бандюганов мертвым. Двоих, взятых живьем, как раз вязали в сторонке. Полонина уже не походила на оазис покоя – на стоптанном снегу, меж трупами и брошенными выюками, расцвели пятна яркого багрянца. Местами выглядывала и прошлогодняя травка.

– К хренам пошел живописный вид, – пробормотал он в пространство.

– Вы о чем, господин лейтенант? – Стоящий чуть в стороне десятник взглянул вопросительно.

– Ничего, ничего, Вархенн. Я после ночи в норе всегда сам с собой болтаю. Какие потери? Татуированное лицо младшего офицера расцвело.

– Трое раненых. Но только один серьезно: получил удар в колено и не сможет идти.

– Нормально, я и так должен отправить гонца в Беленден. Когда присоединятся остальные, приготовьте сани и собак.

– Так точно.

Лейтенант глянул на пленников.

– А эти?

– Один молокосос и один идиот. Толку от них не будет.

– Посмотрим. – Офицер повернулся к группе солдат: – Андан! Удостою-ка вниманием своего командира!

Андан-кейр-Треффер, самый молодой из его десятников, послушно подскочил, и, казалось, ни тяжелый чешуйчатый панцирь, ни пояс, оттянутый саблей и топором на короткой рукояти, ему не мешали. Кеннет знал, что это отнюдь не чрезмерное усердие и не желание выслужиться. После ночи, проведенной в вырытых в снегу норах, каждая возможность движения казалась благословением. Младший офицер был невысоким и кряжистым, к тому же заросшим, словно медведь: на темной улице наверняка бы перепугал до полусмерти кого угодно. Лейтенант мысленно вздохнул и перевел взгляд на другого десятника.

Вархенн Велергорф, седой и усатый, в короткой кольчуге, кожаных портах и косматом кожаном наброшенном на спину, выглядел сущим разбойником. Щеки, лоб и тыльные стороны его рук покрывали голубые, серые и черные племенные татуировки. Напоминающий палаческое орудие топор с длинной, дюймов в десять, бородкой он держал небрежно переброшенным через плечо. Железо все еще оставалось липким от крови. «Выгляди́м мы, прокля́тущее прокля́тие, ху́же банды головорезов, – подумал Кеннет. – Ничего странного, что нам велят кричать пароль при каждой встрече».

– Андан, – сперва обратился он к молодому десятнику. – Собери людей. Хочу сказать им пару слов. Потом обыщи шадори. Может, узнаем, куда они шли.

Десятник исполнил нечто, при определенной фантазии могущее сойти за салют.

– Та-а-аточно. А чародей?

Офицер скривился.

– Не стану его дожидаться. Знает не больше нашего, а хлопот от него... Да и не затем я приказывал Берфу держать его подальше, чтобы теперь дожидаться его милость мастера, – сказал он с иронией. – Ах да, Андан, никаких отрезанных ушей, не у этих сукиных детей.

– Ясно.

– Бегом!

Коренастый младший офицер вперевалячку направился к солдатам. Кеннет повернулся к Велергорфу:

– Когда Андан закончит, пошлешь несколько человек, чтобы приготовить на краю леса большой костер.

– Так точно.

– Потом допросим этих двоих. Что же до сбора... Ты помнишь о моей просьбе?

Седой десятник слегка усмехнулся.

– Помню, господин лейтенант.

– Тогда держи уши на макушке.

Кеннет повернулся в сторону закатного солнца. Там полонина выглядела чистой и спокойной. «А ведь в мерзейшее дерьмо мы вляпались, – подумал он. – И прежде чем дело закончится – перемажемся по уши».

В десятке шагов позади Андан закончил строить отряд в шеренгу. Семнадцать солдат – живописная компания, облаченная в дивную коллекцию панцирей, шлемов, щитов и самого разного оружия. Только трое озаботились надеть плащи со знаками Горной Стражи. Лейтенант зашагал в их сторону.

Он знал, что и сам выглядит не лучше. Носил меховой кубрак, наброшенный на рубаху сурового полотна, крепкие сапоги и штаны из кожи молодого тюленя, шитые, по ахерской моде, шерстью внутрь. Дополняла все латаная кольчуга, простой шлем, длинный меч и округлый щит с островерхим умбоном. Если бы не светло-серый плащ с вышитыми на груди двумя шестерками и стилизованной мордой vessирской овчарки – символом Горной Стражи – никто бы в здравом уме не посчитал его императорским солдатом.

Горная Стража была одним из тех подразделений Меекханской империи, чья история уходила во времена предмеекханские. Прежде чем империя в своем движении на север уперлась в горы Ансар Киррех, этими землями владела свободная лига vessирских племен, чьей главной силой были как раз отряды воинственных горцев, именовавшиеся Горной Стражей. Во время войны с Меекханом стражники, знающие окрестности как свои пять пальцев, не раз и не два утирали нос имперской пехоте, вызывая удивление и неохотное признание оккупантов. Через шесть лет война закончилась принятием империей протектората над землями между рекой Ванавен и горной цепью Большой хребет. За следующий десяток-другой лет протекторат мягко перерос в аннексию. Случилось это благодаря крайне рассудительной политике империи, которая признала за туземцами полноту прав, какими пользовались родовитые меекханцы, и особо не вмешивалась в местные обычаи и традиции. А славившаяся прагматизмом имперская армия при случае прибрала к рукам и Горную Стражу, оценив ее умения и навыки. В местах, лишенных проложенных дорог, на горных тропках, в узких ущельях и на ветреных пиках стражники попросту оказались куда лучше регулярной тяжелой пехоты. Им даже позволили сохранить первоначальное деление на отряды, насчитывавшие сто и тысячу человек, однако назывались они теперь – уже в соответствии с меекханским обычаем – ротами и полками. Если сравнивать с полками меекханской пехоты, насчитывавшими двенадцать рот по двести человек, отряды Горной Стражи были меньше, но куда быстрее и значительно мобильней. Идеальные для горных схваток. Стражники рекрутировали солдат из местных горцев, позволяя каждому сохранять собственное вооружение и использовать любимый стиль битвы, поскольку в этих местах редко доходило до сражений в строю, сомкнутыми отрядами, щитом

к щиту. В результате всякий отдельный отряд Горной Стражи выглядел бандой разбойников. И лейтенант Кеннет-лив-Даравит, собственно, перед таким отрядом и стоял.

– Смирно! – У десятичника Андана-кейр-Треффера для его роста был мощный голос. Шеренга выпрямилась, более или менее удачно пародируя уставную стойку.

– У вас нынче все прошло легко. – Кеннет остановился перед солдатами, пристально глядя на каждого. Проклятие, да большинство из них – старше него. – И знаете почему? Потому что они шли сюда ночь и день без отдыха. Половина сразу легла от стрел, а остальные оказались слишком измучены, чтобы отбиваться, как могли бы.

Он остановился, дав им минутку, чтобы обдумать его слова.

– Это было доброе сражение. Но следующее может оказаться куда тяжелее. И мы все еще не знаем ни где укрылась остальная часть клана, ни сколько их вообще осталось. – Он не слишком понимал, что делать с руками, потому заложил их за пояс. – Теперь мы подождем Берфа и чародея. Десятник Велергорф найдет занятие для кое-кого из вас. Остальные займутся установкой палаток и разведением огня. После двадцати часов в норах нам пригодится теплая еда.

Они откликнулись согласным гулом.

– Однако прежде нужно убраться. Согласно приказу, от шадори не должно остаться и следа. Это скверная работа, но вместо нас ее никто не сделает.

Шеренга хранила мертвое молчание.

– Для начала – по полкружки водки на человека. – На этот раз гул был куда более радостным. – А для тех, кто не стыдится собственных знаков, – по полной.

Кеннет выразительным жестом указал на троих солдат, одетых в серые, обшитые белым кантом плащи из некрашеной шерсти. – Разойтись.

Лейтенант вздохнул. Он все еще не чувствовал себя в подобных ситуациях уверенно – и, что хуже, ему казалось, что и остальные прекрасно об этом знают.

– Господин лейтенант. – Велергорф вырос перед ним, словно из-под земли. – Я насчет вашего приказания.

– Помню. Давай-ка сюда.

Они отошли на десяток шагов.

– И как?

При Велергорфе Кеннету можно было не притворяться. Они служили вместе пять лет – сперва в одной десятке, как обычные солдаты, позже он сделался десятиником, а Велергорф – его правой рукой. Приняв командование над только что созданной шестой ротой, Кеннет отдал ему собственную десятку, полностью доверяя умениям и опыту старого горца. А потом отвел его в сторону и попросил, чтобы тот следил за его руками и указывал на ошибки.

– Неплохо. Коротко и по сути. – Десятник говорил шепотом. – Не много есть вещей хуже, чем командир, часами напролет строящий и отчитывающий людей после сделанной работы. Но не делите их на худших и лучших из-за плащей. Иначе начнутся проблемы.

– А как же их заставить носить знаки собственной роты?

Десятник зачерпнул горсть снега и принялся оттирать кровь с лезвия топора.

– Им нужно время, – помолчав, заговорил старый солдат. – Эта так называемая рота – лишь четыре десятки, набранные из разных отрядов и дополненные рекрутами. Десятка Андана пришла от Черных Штанов Берхоффица, а о них – кто не слышал? Берф – из восьмой роты Двенадцатого полка, из Диких Псов. И это тоже славное имя. А парни, которых вы мне дали, – это Забияки из Галлена. Первая рота, Четвертый полк. Все – известные и заслуженные отряды. Они годами работали на свою славу. А что здесь? Их перебрасывают в Шестой полк, который и возник-то с год назад и за которым нет ни серьезной кампании, ни побед: он и формироваться-то еще продолжает. К тому же все они попадают сюда лишь потому, что полк не может совладать с единственным кланом одичалых горцев. Они просто чувствуют себя обма-

нутыми. Их забрали из собственных отрядов и придали самому молодому полку в Страже. И ко всему – самой свежей роте, которой командует не пойми что за молокосос.

– Я не просил о звании.

– Я слышал. Значит, мало того что молодой, так еще и глупый...

Кеннет громко рассмеялся. Несколько стоявших неподалеку солдат повернули к ним головы.

– Хорошо. – Велергорф тоже улыбнулся. – Если командир смеется, значит, все идет как надо. А еще хорошо, что вы... ну... того...

– Рыжий?

– Да, господин лейтенант. Все знают, что горы любят красноволосых. И это суеверие все еще живо отсюда аж до восточного Джехира.

– Ну, за это я могу благодарить отца, поскольку тот женился на самой рыжей девушке округи, хотя все его отговаривали. Но речь не обо мне, а о моих людях, Вар-хенн. На что еще мне следует обратить внимание?

– Просто дайте им время, господин лейтенант. – Десятник заткнул топор за пояс и почесал подбородок. – К тому же здесь дело еще и в... хм... качестве материала. Когда Берхоффиц, Вер-Иллен и остальные получили приказ поделиться людьми с нашим полком, они прислали наименее ценных. И я их за это совершенно не виню, сам бы сделал так же. Не то чтобы эти парни были совсем уж никчемными, но наверняка – менее опытные и куда норовистей прочих; они – те, кого ставят в дозор, когда ожидают засады. Некоторые восприняли перевод в Шестой полк как наказание. Незаслуженное наказание.

– Так что? Мне сделать так, чтобы рота обрела такую же известность, как Черные Штаны? Это может занять всю мою оставшуюся жизнь. Причем довольно короткую, коли стану слишком стараться...

– Нет, господин лейтенант. Сперва будет достаточно показать им, что могут вам доверять. Что вы знаете толк в работе и что не получили звание благодаря дядюшке при штабе.

– А я думал, что у меня неплохо получается.

– Верно. Когда вы отдали приказ разделить роту и перейти ночью перевал Калл-Андер, я думал, что это величайшая глупость. В эту пору года там обычно по шею снега. Без собак и саней мы бы могли увязнуть. Но его там оказалось не больше, чем если б козел набздел. Потом вы приказали нам притаиться здесь, в норах, под снегом, на добрую половину ночи и почти целый день. Еще час назад вас все проклинали за этот марш и ночевку на земле. Но когда шадори вышли из леса ровнехонько в том месте, которое вы указали... Ну-ну. О чем о чем, а об этом станут долго говорить.

– Они полгода уходят от нас, потому...

Десятник покачал головой.

– Можете не объяснять мне. Вы – офицер. Правда, всего лишь месяц, но это не имеет значения. Все увидели, что вы обладаете нюхом и понимаете горы. Теперь достаточно будет доказать, что это не было простой удачей.

– Хотел бы я и сам тому верить.

Вархенн Велергорф легонько улыбнулся.

– Это горы, господин лейтенант. Здесь счастье ластится лишь к детям и идиотам.

– И к кому же ты отнесешь меня?

На этот раз рассмеялся десятник.

– Об этом наверняка станут рассказывать. – Велергорф бесцеремонно высморкался в снег. – Мы вырезали банду шадори, а затем встали над трупами и принялись точить лясы. Как думаете, когда до нас доберется остальная часть роты?

– Ты имеешь в виду тех двадцатерых парней и десять псов? Если Берф удержит темп, как я приказал, они должны прибыть еще до полуночи.

– И что потом?

– Пока не знаю. Решу, когда Андан найдет что-либо, что поможет нам разгадать цель путешествия банды.

Велергорф насупился.

– Андан. Именно, господин лейтенант. Надо бы его осадить.

– Осадить? – Кеннет понимал, о чем идет речь, но хотел, чтобы десятник подтвердил его наблюдения.

– Эти его «та-а-аточно» и «ясно», стойка «смирно», словно он вот-вот обосрется, забывчивость насчет того, чтоб отдать честь, и все такое. Еще чуть-чуть – и начнет спрашивать, отчего вы приказали так, а не иначе, вместо того чтобы выполнять, что сказано. А остальные возьмут с него пример. Это опасно. Вы моложе его и меньше служили. Ему... нужно напомнить, кто тут командует.

– Я им займусь. – Лейтенант кивнул. – Спасибо.

– Не за что. Мне за это и платят.

Они одновременно ухмыльнулись, несмотря на то что шутка была с бородой.

– Как думаешь, – Кеннет указал на лежащие тела, – куда они могли идти?

Седой десятник почесал двухдневную щетину.

– Отсюда? Только в Гиретен или на Высокие Пастбища.

– Хм... Ну не знаю. Как-то оно слишком очевидно.

Он услышал поскрипывание снега. К ним подошел Андан-кейр-Треффер, неся что-то в руке. Выражение лица его было странным. – Не Гиретен и не Высокие Пастбища, – сказал он. – Или я невинный пастушок.

И показал им найденное. Это была странная сандалия: деревянная подошва со множеством набитых гвоздей, снабженная несколькими кожаными ремешками.

– Привязывают ее к сапогам, – пояснил он не пойми зачем.

– Знаю. Чтобы не скользить по льду. Что еще?

– Крюки и веревки. Прилично сделанные. Видать, знают, как ими пользоваться.

– Ледорубы?

– По одному на морду.

Кеннет сцепил зубы.

– Вы ведь понимаете, что это значит, верно? Крысы прячутся по ту сторону Старого Гвихрена.

– Это невозможно. – Велергорф указал на маячащую на севере белую стену. – Они должны оказаться безумцами, чтобы переходить через ледник.

– А они и есть безумцы. Наверняка во время перехода погибла половина женщин и детей, но они прошли и скрываются где-то по другую сторону. Именно поэтому мы полгода не можем их найти.

Старый десятник поглядел на него блестящим глазом.

– Вы ведь знали, вы ведь уже догадались! Именно поэтому приказали нам встать в засаду именно здесь!

– Я рисковал. – Кеннет пожал плечами. – Как я уже говорил, мы ищем их полгода, наш полк и еще два других. За это время мы даже сурков выкурили из нор, а бандиты из клана появляются неизвестно откуда и исчезают неведомо куда. Убивают людей по всей провинции. Но они никогда не наносили удара дальше чем в трех-четыре днях дороги от ледника.

Андан покачал головой.

– Но чтобы притаились по ту сторону? Ахеры их выбьют в три дня.

И он был прав. Старый Гвихрен, называемый местными горцами Белой Стеной, а ахерами – Гвихренх-омер-гааранаа, или Отец Льда, был крупнейшим ледником севера. Начинался он где-то меж вершинами восьмимильных гор Большого хребта и двигался на юго-запад, с дерзо-

стью заявляя, что, коли понадобится, он проложит себе дорогу силой. Он целиком заполнял дно широкой долины, стиснутой высокими хребтами, потом выплескивался из нее пятидесятимильным языком льда, впадающим в озеро Дорант.

В этом регионе ледник был границей, в которую уперлась меекханская экспансия на север. За ним начинались земли ахеров и тех немногих горских кланов, которые ни за что не хотели принять имперскую власть. Впрочем, границей он служил исключительно непроходимой и безопасной. Старый Гвихрен в самом широком месте был восьмью миль шириной, а его рассеченная щелями и трещинами спина оказывалась смертельной ловушкой даже для опытейших горцев. Кое-кто из магов утверждал, что ледник по дороге цепляет за мощный источник Силы с аспектом Мрака, другие вспоминали об Урочище, прикрытом рекою льда. Неважно, какую именно тайну он скрывал, – перейти его было признаком безумия. Именно поэтому земли к югу от ледника считались территориями куда более спокойными. По крайней мере до времени появления шадори.

– Хорошо, – решил прервать затянувшееся молчание Кеннет. – Я не спрашиваю, делают ли они это, поскольку наверняка ходят через Старый Гвихрен, словно через каток. Я спрашиваю, где именно они скрываются.

– Сразу при выходе из долины. – Велергорф, как видно, уже успел освоиться с этой мыслью. – Там самое узкое место. К тому же если задуматься, то именно в ту сторону они и шли.

– Мне тоже так кажется. Андан! – Кеннет повернулся к кряжистому десятнику. – Собери их крюки, веревки и ледорубы.

Младший офицер заколебался:

– Мы пойдем на ту сторону?

– Да. Клан, скорее всего, сумел как-то договориться с ахерами. Когда эта группа не вернется, они переберутся в другое место и спрячутся. Потом придет зима, и нам снова останется лишь ждать очередную Коори-Аме-неск. – Лейтенант сжал губы. – А этого я не допущу.

– Та-а-а точно. – Младший десятник слегка усмехнулся. Кеннет даже не моргнул.

– Что ты еще нашел?

Андан сделался серьезен.

– То, что осталось от семьи шорника из Хандеркеха. Если порубить взрослого мужика, двух баб и четверых детей – как раз поместятся в таких мешках, как там.

Сказал он все это быстро, тихо, сквозь сжатые зубы. Кеннет выругался. Когда несколько дней назад они нашли перевернутую телегу и следы крови, у всех была надежда – как бы это ни звучало, – что семья из Хандеркеха стала жертвой обычных разбойников. Те редко убивали детей и женщин.

– Нам придется сжечь и их тела.

– Так точно, господин лейтенант, – кивнул Велер-горф. – Но мы разожжем им отдельный костер.

– Согласен. – Кеннет внезапно почувствовал себя уставшим и злым. – Вархенн, у тебя остался тот снежокрыс, который пытался тебя цапнуть вчера?

– Да, господин лейтенант.

– Тогда пойдем к пленникам.

Тех было двое: низких, кряжистых и согбленных. Лежали в снегу, связанные так, что едва могли шевелиться. У обоих – низкие лбы, плоские носы и широкие скулы. Если бы не явственная разница в возрасте, могли бы сойти за близнецов. При виде приближающегося командира солдат, охранявший пленников, выпрямился и пнул старшего шадори, который как раз подполз и, похоже, намеревался укунить его за ногу. Тот тихонько заскулил, а потом взорвался пронзительным хохотом. Младший пленник, совсем еще пацан, издевательски усмехнулся, обнажив несколько заостренных, подпиленных зубов.

– Да, повежло вам, шобачки. Хотите кошточку? – сказал он.

Посмотрел им в глаза и замолчал. Потом отвел взгляд в сторону. От него шел сильный тошнотворный дух. Кеннет скривился.

– Что так смердит?

– Должно быть, бараний жир, господин лейтенант, – отозвался охранявший их стражник. – Они все им перемазаны.

– Жир? Жир! Жи-и-и-ир!! – заорал старший из пленников. Глянул на них безумно и прошипел: – Жир с маленькой овечки, что никогда не давала шерсти. Теплый и с-с-сладкий.

Солдат приоткрыл рот и побледнел. Потом быстрым движением выхватил из-за пояса топор и замахнулся на лежащего.

– Стоять! – выплюнул приказ в последний момент Кеннет. – Чуть погода.

– Но, господин лейтенант...

– Я же сказал: чуть погода, стражник. Он сперва должен со мной поговорить.

Младший из пленников перекатился на бок и попытался харкнуть ему на сапоги. Однако положение было неудобным, и шадори только заплевал себе подбородок. Офицер глянул на него сверху вниз.

– Вижу, ты все еще не понимаешь. Мне ничего не нужно от тебя узнавать. Я уже все, что мне надо, знаю.

– Ничего ты не знаешь, дерьмояд. – Молодой шадори внезапно перестал пришепetyвать.

– Да? Уже четыре дня как за вами идет остальная часть моей роты. И один очень дельный волшебник. Это он прочел ваши мысли и узнал, куда и зачем вы направляетесь. Мы были здесь уже вчера ночью, дожидаясь вас, отдыхая и скучая, словно лежи подо льдом. Ну почти скучая. Вархенн, покажи ему, что мы поймали.

Десятник вытащил из-за пазухи нечто казавшееся клубком белых нитей. Один конец клубка был украшен пастью, из которой торчали в несколько рядов острые конические зубы.

Кеннет взял тварь и сунул пленнику под нос.

– Эвенхир, беляк, снежокрыс – его по-разному называют. Идет зима, и они вместе с ней перемещаются к югу. Пробуривают туннели под снегом. Обычно питаются падалью, но горячую кровь чувствуют за милю. – Он бросил мертвую тварь в снег. – Мы завтра двинемся за Старый Гвихрен за остальными из твоих, но через какие-то четыре-пять дней – вернемся. Думаю, ты еще будешь жить, хотя стопы и ладони они тебе уже наверняка обгрызут до костей. Да и лицо тоже. Но убить – не убьют. Слишком они ценят свежее мясо, чтобы убивать быстро.

На лице пленника проступили капельки пота. Кеннет подошел ко второму, все еще хихикающему, и зловеще ухмыльнулся.

– А чтобы ты не чувствовал себя одиноким, оставим здесь и твоего притворяющегося идиотом приятеля...

Высокий смех внезапно оборвался, а второй шадори выпрямился и сел. Блеснули в бороде зубы, а сам он сказал:

– Мудрила, да? Наверняка матушку твою трахнул чародей какой-нибудь.

Кеннет вернул ему не менее отвратительную ухмылку.

– Зато уж наверняка не ее собственный папаша.

Пленник ощерился дико и распахнул пасть. Кеннет ударил его по лицу – нехотя, презрительно.

– Как я уже сказал, у меня нет нужды ничего у вас узнавать. – Лейтенант видел, как исчезает самоуверенность из глаз мужчины. – И я не стану. Через пару часов нас догонит остальная часть роты, и наш чародей прочтет из вас все, чего еще не выяснил издали. И тогда через четверть часа я буду знать кличку овцы, с которой ты потерял девственность.

Бородач набрал воздуха, будто собираясь плюнуть, – и упал ничком, ударенный в затылок обухом топора. Велергорф развел руками:

– Прощу прощения, господин лейтенант, но...

– Не объясняйся. Он жив?

Десятник склонился над пленником.

– Да, но до вечера в себя не придет.

– Пусть полежит. – Кеннет глянул на молодого пленника, который уже не улыбался издевательски. – Этот нам ни к чему, чародей все выдавит из старшего. Хм... оттяните его чуть подальше и оставьте. Только рот заткните, чтобы его вопли не привлекли сюда чего похуже беляков.

– Так точно! – Велергорф вытянулся, словно струна, после чего склонился над пленником: тот теперь побледнел хуже полотна. Десятник схватил его за руки и, крикнув, поставил на ноги. – Тяжелый ты, сынок, – произнес он почти ласково. – Ежели развяжу тебе ноги – пойдешь сам? Тут недалеко, клянусь.

Положил пленнику руку на плечо.

Молодой задержался и дал петуха:

– Н-н... н-нет... н-нет! Нет! Не хочу! Не-е-ет!

Кеннет отвернулся.

– Забери это дерьмо с глаз долой.

– Нет! Расскажу! Все расскажу!

Лейтенант скривился.

– Я уже тебе говорил, что ты не знаешь ничего, чего бы уже не знал я или не смог бы узнать без больших проблем. Ну, может, кроме одной вещи, которая меня немного интригует.

Пленник глупо поглядел на него. Велергорф толкнул парня в бок.

– Господин лейтенант кое-чем интересуется, – пояснил ему.

– Скажу. Чего только не захотите – все скажу, господа хорошие.

– Н-да? – Кеннет приподнял бровь. – Ну тогда поясни мне одну вещь. По ту сторону ледника живут три племени ахеров. Вен'дохи, Айерхаки Дех'хиралл, те, которых зовут Красными Псами. На территории какого племени вы устроили себе лежбище?

– У Псов, господин.

– Да-а? Но Псы – многочисленное и воинственное племя. Что их удерживает от того, чтобы выбить вас до последнего человека?

– Боя... боятся.

– Чего?

Пленник внезапно перестал трястись. Встал ровно, сцепил зубы.

– Того, что вырвет душу и всем твоим тоже, собака. Вырвет, прожует и выплюнет. А когда ты начнешь выть и скулить, я буду смеяться, пусть бы меня жрали все беляки мира.

Кеннет перевел взгляд на Велергорфа и почти незаметно кивнул. Топор мелькнул без предупреждения, и голова молодого бандита взлетела по широкой дуге. Тело рухнуло на колени, потом завалилось набок, несколько раз дернулось и сделалось недвижимо. На снегу расцвело очередное пятно крови.

– Второго тоже. – Кеннет отвернулся от трупа. – Только быстро.

– Господин лейтенант, – стоявший в стороне солдат с яростным выражением на лице взмахнул топором, – позвольте мне.

– Хорошо.

Никто и не моргнул, когда солдат поднял и опустил оружие.

– Итак, теперь мы уверены, – офицер отвел взгляд от тел и посмотрел на десятников, – они скрываются за ледником.

Никому не захотелось это комментировать. Через минуту Андан откашлялся и ткнул в трупы:

– Когда разойдется весть о том, что было в мешках, многим не понравится, что вы пода-рили этим сукиным сынам быструю смерть.

– Это мое решение, десятник.

– Та-а точно. – Андан пожал плечами. – Но... Может быть, нам подождать чародея?

– Наш чародей не слишком хорошо управляет с чтением мыслей.

– Понимаю. Что теперь?

Кеннет повернулся к нему так, что взметнулись полы плаща. Десятник побледнел.

– Приказы уже отданы. Вархенн займется приготовлением костра. Двух костров. Ты возьми людей – пусть здесь приберут, а потом разбивают лагерь. – Лейтенант говорил все медленнее и тише. – Когда появятся остальные, мы перейдем через ледник, отыщем клан и завершим всю эту историю. Если ситуация заставит что-то изменить, я, несомненно, дам тебе знать. Все понял?

По мере того как он говорил, пренебрежение сходило с младшего офицера, как снег с горного пика по весне. При последнем вопросе Андан-кейр-Треффер уже стоял по стойке «смирно», напрягшись, словно струна.

– Так точно!

– Прекрасно, десятник. А теперь – марш! Оба. И ты тоже, – рявкнул он на солдата, что все еще охранял трупы.

Вся тройка молниеносно исчезла.

Кеннет в последний раз взглянул на безголовое тело молодого пленника. Парню было никак не больше четырнадцати лет.

«Почему я? – подумал он. – О Госпожа, почему именно я?»

Этого он, конечно же, не знал.

Все началось с год назад и сперва не выглядело опасным. Ну некий пастух исчез из шалаша или пропал ребенок, посланный в лес за хворостом. Таких историй случалось в горах без счета, и список вероятных виновников был длинным и живописным. Но потом, где-то за месяц до зимы, патрули Стражи начали наткаться на нехорошие следы. Примитивные боины, где потрошили не только животных, и угасшие кострища, навевающие жуть почерневшими берцовыми костями, черепами и гребнями ребер. Человеческих ребер. Это не удалось удержать в тайне – и провинция забурилась. Обвиняли Пометников, колдунов, диких горцев, ахеров и нелюбимых соседей. Даже чародеи не могли помочь в поисках злодеев, свои неуспехи объясняя туманно и мутно. Виновные оставались неизвестны, пока – один за другим – не исчезли трое имперских мытарей. Все они должны были собрать недоимки с живущего в глуши клана горцев. Первый поехал только с одним спутником, поскольку дорога была легкой, а сумма не слишком большой. Второй взял троих крепких парней. С третьим отправилось десять солдат. Вернулся из них один, поседевший, с безумием в глазах и горстью таких жутких вестей, что сначала им не поверили. Он рассказывал о товарищах, убиваемых стрелами в спину, о потрошении и разделке живых еще солдат, о каменном очаге, где пекли окровавленные куски человеческого мяса, и о людоедском пире, в котором принял участие весь клан с малыми детьми и беззубыми старухами.

Приговор мог быть лишь один. Рота Горной Стражи с приданными пятьюдесятью лучниками из Второго пешего полка выдвинулась к селению клана. Долину, где стояло с десятков бедных халуп, окружили и попытались схватить преступников. Впустую. Клан растворился в воздухе. Найдены были только многочисленные следы, подтверждавшие рассказ уцелевшего солдата, порядком награбленных предметов, человеческие останки, множество костей и прикопанные в земле горшки со странным желтоватым жиром. Десять дней продолжалась большая облава, поскольку предполагалось, что группа из ста человек с бабами и детьми не сумеет скрываться слишком долго.

Спустя еще десять дней оказалось, что это предельно здоровое и логичное предположение, похоже, ошибочно. Клан шадори растворился в воздухе.

Тем временем настала зима. Снег закрыл дороги сугробами высотой в рослого мужика, засыпал перевалы и ущелья, затаился на отвесных склонах уснувшими лавинами. Со снегами пришел мороз и пронзительный, северный ветер. Жизнь в горах замерла, в летаргию погрузились отрезанные от мира села и городки, которые – случилось – и по три месяца пребывали без связи с остальным миром. Даже Горная Стража с ее собачьими упряжками уменьшила число своих патрулей. Новый Ревендат был имперской провинцией, дальше прочих выдвинувшейся на север, и на несколько месяцев в году настоящую власть над ней обретала Андайя, Госпожа Льда. И императору как-то приходилось проглатывать эту обиду.

Однако потом, как и во всякий год, с юга повеяли теплые ветра, а солнце начало подниматься все выше. И зиме пришлось отступить на север, на покрытые вечным льдом вершины. Как и во всякий год.

Но ту весну все запомнили надолго. И причиной было малое село с длинным названием Коори-Аменеск. Как большинство окрестных поселений, оно лежало в небольшой долине, соединенной с миром единственной дорогой. Обитатели выпасали свои стада на ближайших лугах и несколько раз в год ездили в ближайший город торговать шерстью, овечьими сырами, солониной, шкурами, овсяными коржами и всем, что удавалось выжать из этой негостеприимной земли. С соседями конфликтов у них почти не было, считались они людьми вполне порядочными.

Когда снега сошли, а дороги открылись, один из горцев, у которого в Коори-Аменеск были родственники, выбрался туда с визитом. Вернулся он бегом, перепуганный едва ли не до безумия.

Кеннет сжал зубы, вспоминая, что нашли в селе. Он добрался туда со своей десяткой первым. Просто-напросто оказались ближе остальных, когда громыхнуло известие о пропаже всех обитателей. Но судьба тех проявилась слишком быстро. В селе нашли яму, полную костей взрослых и детей. Обнаружили также множество других вещей, странных и ужасающих. Остатки остались в памяти.

Сам он лучше всего запомнил яму, заполненную дерьмом.

Он стряхнул тяжелые воспоминания и осмотрелся вокруг. Солнце уже почти скрылось за горами. Начал падать снег. Завтра полонина снова будет выглядеть свежей и чистой.

– Быстрее! – рявкнул он. – Не то ночь вас нагонит.

Двое ближайших солдат, тянувших мертвое тело в сторону леса, откуда слышался стук топоров, пошли быстрее.

* * *

Остальная часть роты подошла ночью. Двадцать солдат, десять псов и чародей. Никто не выказал удивления при виде круга палаток, разбитых на краю леса, и никто не прокомментировал две кучи прогоревших дров шагах в двухстах дальше, хотя ветер время от времени приносил оттуда запах горелой плоти.

Кеннет приготовил для встречи короткую речь. Он построил прибывших в шеренгу, в нескольких словах сообщил о случившемся и отослал людей к палаткам, освободив от караулов. Давненько не видел настолько измученных солдат.

Сам он пошел искать чародея.

Аманделларф, казалось, ожидал его. Стоял подле одной из догорающих дровяных куч, глядя в красные угли. Одетый, как обычно, в простое сочетание коричневого и черного, он казался слегка уставшим. Пока офицер подходил, чародей повернулся боком, чтобы стал лучше виден его совершенный аристократический профиль.

– Вижу, что Горная Стража всегда тщательно выполняет приказы, – сказал он негромко, а Кеннет сразу же ошетинился. Удивительно, как единственной фразой удается высказать неодобрение, пренебрежение и... презрение.

– Мы стараемся, – пробормотал он, дав себе слово, что не позволит себя спровоцировать. Чародей был ему нужен.

– Для этого вы отослали меня со второй группой? Чтобы я не помешал резне? И убийству пленников?

Кеннет вздохнул.

– Если бы я решил, что нам нужна помощь чародея, я бы, несомненно, ею воспользовался. Но необходимости не было. Что случилось по дороге? Люди с ног валяются.

– На Втором перевале сошла грязевая лавина. Нам пришлось идти в обход. И что теперь, лейтенант?

– Клан скрывается где-то по ту сторону ледника. – Не требовалось уточнять, какого именно: в здешних горах ледник был только один. – Поищем их там.

– И убьете?

– А мы можем сделать что-то другое?

Чародей не ответил, только некоторое время глядел на офицера с выражением, понять которое было нелегко.

– А задумывались ли вы, лейтенант, отчего вас так быстро повысили и поставили во главе этого сброда? У вас нет ни должного происхождения, ни, уж простите за прямоту, соответствующих заслуг. Последние пять лет вы гонялись со своим десятком по горам за овечьими ворами. Представилось не так уж много случаев показать себя, а?

– К чему вы ведете, мастер? – Кеннет не выдержал и подчеркнул последнее слово. Кажется, чародей не обратил внимания на сарказм.

– Вы слышали о монете Квалленна? Той, у которой две решки? Мошенник, подбрасывающий ее, всегда выигрывает.

– И что здесь общего со мною?

– А как завершится эта история? Вы или найдете клан и вырежете его до последнего человека, или не найдете, и наступит еще одна зима. Если вы их уничтожите, то, кто знает, какие истории станут рассказывать через пару лет? Может, позабудут о клане каннибалов и будут помнить лишь о солдатах Горной Стражи, убивающих женщин, детей, стариков? Слава мясников не нужна ни одному отряду, а шестая рота может быть распущена так же быстро, как была создана.

Кеннет стиснул зубы.

– А если их не найду – буду идеальным козлом отпущения, верно? И я проиграю вне зависимости от того, каким образом закончится вся история?

– Как я погляжу, вы умеете совмещать факты. А это редкая черта для военного.

– Легко читать в судьбе другого. Но в горах немного бывает тем, чем кажется на первый взгляд.

Чародей издевательски ухмыльнулся.

– Я тоже надеюсь, что выступаю лишь как ложный пророк, лейтенант. Поскольку это могло бы вернуть мне веру в человеческую добропорядочность.

Он вежливо поклонился и зашагал к лагерю. Кеннет остался в одиночестве, хмуро раздумывая, отчего эта беда свалилась именно ему на голову. Раз в сто сильнее он хотел бы заполучить к себе в отряд одного из военных магов, из которых каждый имел звание и место в иерархии и с которыми можно распить бочонок пива да сорвать горло, распевая неприличные песенки. Но военных чародеев было мало: в трех полках, что принимали участие в облаве, – еле-еле одиннадцать. Пришлось дополнять их наемниками из чародейских гильдий. И все из-за того, что обнаружилось в уничтоженном селце.

Посреди Коори-Аменеск, сразу подле колодца, росла яблонька – четырехлетнее, не старше, деревце, сверху донизу обсыпанное белыми цветками. Как будто бы ничего странного, но цветущая яблоня, до половины ствола заваленная снегом, – не то, с чем сталкиваешься в горах каждый день. Она первой бросалась в глаза. Потом обнаружились и другие вещи. Двери одной из хибар оказались шириной едва лишь в восемь дюймов, а ее двор все еще стерег каменный пес, привязанный к будке. В другой стены покрывали зеленые отростки, а на потолке проступали хрустальные узоры. В колодце вместо воды булькала черная вонючая жижа.

Однако больше всего нашлось следов случайного, хаотического использования магии. Один из домов оказался вмят в землю, словно по нему ударил гигантский молот, другой некая сила перерубила напополам. Нашли стол, воткнувшийся четырьмя ножками в потолок, и кухонную утварь, перемолотую в муку. Во многих местах виднелись следы гари, некоторые – размером в пару дюймов, другие – во всю стену сараев.

Армейский чародей, прибывший на место через три дня после десятки Кеннета, только подтвердил то, что все и так увидели. В клане жил некто, одаренный Талантом, но необученный и едва справляющийся со своим даром. Такие люди, если их вовремя не отыскивали и не начинали обучать в одной из чародейских гильдий, быстро умирали либо впадали в безумие. И тогда становились способными на самые страшные поступки.

В определенном смысле после этого открытия все вздохнули с облегчением. До того момента шадори были чем-то отвратительным, нечеловеческим и пугающим. А теперь быстро состряпали объяснение, согласно которому один из горцев, скорее всего юноша, одаренный Талантом, сошел с ума и заразил остальных своим безумием. В анналах магии значились такие случаи, а в истории клана нашли информацию, которая, кажется, подтверждала эту теорию. Шадори много лет лишь случайно контактировали с соседями и вот уже несколько поколений не заключали браков с кем-то вне собственного клана. Это означало, что все они – родственники. А родство в немалой степени облегчило бы контроль над ними, взятый на себя безумным чародеем.

К тому же это объясняло, каким образом клан исчез и почему его след обнаружился только весной, а попытки выследить шадори с помощью магии не увенчались успехом. Один из законов, касающихся обладающих магическими талантами, гласил, что они, даже необученные, инстинктивно окружают себя охранительным заслоном, затрудняющим их обнаружение. И именно это заставило командование Горной Стражи обратиться за помощью к трем величайшим гильдиям чародеев, имеющим свои представительства на севере. С того времени к каждому отряду Стражи был приставлен маг, а поскольку военных магов было слишком мало, большинству солдат пришлось служить вместе с дерзкими, самоуверенными и самонадеянными «мастерами». Аманделларф попал в шестую роту лишь восемь дней назад, а Кеннет уже едва ли не с десятков раз готов был приказать ему убираться ко всем проклятым. Однако он не мог не принимать во внимание потенциальную полезность этого человека. Чародей был мастером Тропы Камня, Тропы Льда и Тропы Воздуха, и, если иметь в виду место, в которое они отправлялись, от его умений могли зависеть жизни лейтенанта и его людей.

Офицер отвернулся от догорающего кострища и зашагал в сторону лагеря. Уже не в первый раз ему начинало казаться, что он еще пожалеет о своем внезапном повышении.

* * *

Несчастье случилось в конце пути через ледник. До этого момента Старый Гвихрен обращал к ним неожиданно ласковое лицо: они взобрались на его спину всего за час и двинулись на север, видя перед собой ровную, словно стол, ледяную поверхность. Ветер с гор сдул с ледника снег, а потому им не пришлось использовать ни снегоступы, ни другие приспособления, не было ни слишком скользко, ни морозно, не попадались и отвесные места. Каждый отряд

связался веревками, и четыре группы двинулись на север, оставаясь в десятке шагов друг от друга. Слишком много рассказывали об укрытых под тонким слоем льда разломах, идущих до самой черной утробы ледника, чтобы отряд мог двигаться другим строем. И именно потому во главе каждой десятки шел солдат с копьём, которым он время от времени ударял впереди себя, прислушиваясь – не раздастся ли какой неожиданный звук. Несмотря на это, все они удерживали скорость, которой славна Горная Стража. Казалось, доберутся до северного края ледника еще до полудня.

И вот, когда солнце встало в зените, а они уже видели дорогу вниз, Старый Гвихрен вспомнил о надлежавшей ему дани.

Место во главе строя как раз заняла десятка Андана. Группа Кеннета шла сразу за ней, а потому офицер видел все предельно отчетливо. Идущий впереди солдат ударил копьём за пару шагов от себя, но вместо глухого звука они услышали мрачное гудение, а потом и самый ужасный для них звук – ломающегося льда. Андан, третий в цепочке, заорал:

– Назад!! Все назад!!

Десять солдат бросились наутек, когда под их стопами с демоническим треском развилась гигантская щель. Первые шестеро исчезли сразу, седьмой попытался упасть на лед и воткнуть в него кинжал, но, увлекаемый тяжестью в несколько сотен фунтов, канул вслед за теми шестью. Последние трое сумели упасть на землю, вбивая в лед что сумел: нож, топорик, трофейный ледоруб. Несмотря на это, начали сползать в сторону щели все быстрее и быстрее.

Кеннет со своей десяткой бросился к ним на помощь, когда раздался властный голос:

– Стоять! Стоя-а-ать!!! Ни шагу! Это «проклятая чаша»!

Командир остановился, чувствуя подступающий к горлу комок желчи. Проклятая Чаша – расщелина в форме обрезанного купола: она узкая вверху, расширяется к основанию и достигает дна ледника. А значит, и его десятка может стоять над пропастью, отделяемая от смерти едва ли несколькими футами подтаявшего льда. Поэтому они могли только ждать и смотреть.

И лишь потом Кеннет увидел, кто его предупредил. Аманделларф. Чародей уже успел отвязаться от своей группы и теперь бежал – нет, скорее, скользил надо льдом – в сторону сражающихся за жизнь солдат. Добрался до них в миг, когда крайний из тройки все еще находившихся на поверхности отчаянно заорал и задержал ногами над пропастью.

Чародей остановился подле них, развел руки, приподнялся на несколько дюймов. В воздухе раздался металлический лязг, запахло озоном.

Через мгновение, длившееся вечность, десятка Андана перестала сползать вниз. А спустя еще мгновение – куда длиннее предыдущего – солдат, висевший над пропастью, засопел от удивления и без усилия пополз наверх.

– Помогите ему! – Кеннет наконец-то справился с онемением. – Вытаскивайте остальных!

Из-за края показался следующий стражник. На лице его замерло выражение безмерного недоверия, но в руках он все еще стискивал топор. Мгновенно воткнул его в лед и подтянулся выше. Теперь уже четверо солдат помогали чародею вытаскивать своих товарищей из пропасти.

Лейтенант взглянул на Аманделларфа. Кеннет знал о магии лишь столько, чтобы понять: сплетение Силы без слов, только жестами и концентрацией воли, должно стоить чародею немалых усилий. И это становилось заметно. Глаза мага были прикрыты, губы – сжаты, по лицу стекали капельки пота.

«Выдержи. – Офицер не смел произнести это вслух. – Еще только двоих или троих. Выдержи!»

Следующий из спасенных солдат, казалось, был без сознания: двигался по льду словно куча тряпья. А вот тот, что висел за ним, сразу воткнул в лед два кинжала и принялся подтя-

гиваться. Веревка ползла вверх все быстрее. Седьмой, восьмой, Кеннет поймал себя на том, что мысленно считает их.

– Девятый, – шепот стоявшего рядом солдата был тише вдоха.

– Все! – Другой стражник внезапно взорвался радостью. – Всех вытащил, сукин кот!

Аманделларф взглянул на них с легкой усмешкой.

– Отползайте от расщелины, – сказал он, опускаясь на лед. – Здесь опасно.

– Вы слышали, парни, – Кеннет повернулся ко все еще ошеломленной десятке Андана. – Отползайте.

И тогда они услышали очередной треск. Не такой, как раньше, глухой и рокошующий, но резкий, глубокий, разрастающийся с каждым мгновением.

– Бегом!!! – Чародей отчаянно взмахнул перчатками. – Всем бегом!!!

Десятка Андана стремглав кинулась прочь, остальные три – тоже, но Кеннет еще заметил, как чародей поскользнулся и упал – на колени, выставив руки перед собой; открыл рот в крике, заглушённом нарастающим рокотом. Вероятно, пытался произнести заклятие. А еще лейтенант увидел, как шагов за сорок от края разъявленной пасти пропасти появляется новая трещина, как молниеносно бежит вперед, отрезая огромную глыбу льда со все еще стоящим на коленях магом. На миг взгляды их встретились, и лейтенанту показалось, что в глазах мага он видит мрачную решимость человека, который понимает, что уже погиб. Потом глыба льда рухнула вниз, и все затянул снежный туман.

Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Некоторое время Кеннет еще смотрел на то место, где мгновение назад стоял чародей, потом до него долетел некий звук. Это молился один из солдат. За душу мага, которого еще вчера любой из них жаждал собственноручно приколоть ножом.

* * *

Следника они спустились только вечером. Обходя расщелину, пришлось набросить изрядный крюк, а Кеннет еще и приказал идти настолько медленно, насколько было вообще возможно. Следующая Проклятая Чаша могла обойтись им в полную десятку. Подле ледника они и заночевали, с двойными караулами, вслушиваясь в звуки ночи. Уснуть сумели немногие.

Утром они отправились на запад. Велергорф со своей десяткой шагал первым, за ним Кеннет, Берф и Андан. Потеря чародея произвела меньшее впечатление, чем опасался лейтенант, – в его людях пробудилось то характерное для местных горцев мрачное упрямство, благодаря которому они были едва ли не единственными, кто умел выжить в этом негостеприимном краю. Хотели сражаться, а уничтожение банды, вырезавшей семью из Хандеркех, явно укрепило их мораль. Внезапное же открытие, что шестая рота готова доверять своему командиру, заставило и его самого почувствовать себя куда лучше.

Не сказать, что Борехед появился внезапно. Поступи он так – получил бы несколько стрел, не успев и глазом моргнуть. Он проявил предусмотрительность, показавшись им на расстоянии ярдов в триста. Впадина, которой они шли, широкая и пологая, в том месте как раз резко сужалась, уходя стенами вверх и заворачивая вправо. Из-за того поворота и вышел, неся зеленую ветвь, ахер, одетый только в короткую юбочку. Кеннет жестом остановил отряд.

– Вторая – налево, третья – направо, четвертая – в тыл. Десятники ко мне.

Велергорф, Берф и Андан подошли. Отряд перестроился в ошестинившийся оружием круг.

– Вы знаете, кто это. – Кеннет посчитал, что вопрос будет неуместным. – Я слышал только об одном ахере, бритом наголо.

– Мясник Борехед. – Берф сплюнул в снег. – Я думал, его убили.

Велергорф фыркнул.

– Я то и дело, раза три-четыре в год, слышу, что кому-то достались его уши.

– Что будем делать, господин лейтенант? – Андан решил не комментировать того, что знаменитый ахер жив.

Кеннет пожал плечами:

– Он один, несет зеленую ветвь. Хочет говорить, а значит, я пойду к нему.

– Это опасно. – Велергорф сделался серьезен. – Позвольте пойти мне.

– Без обид, Вархенн, но ты – всего лишь десятник. Он на тебя и не посмотрит. Вождю должно говорить с вождем.

– Это может быть ловушка, – не уступал старый десятник.

– Я знаю, но это – Борехед, Великий Шаман, Уста Небес и все такое. Он в любой миг может созвать двести – триста воинов. Желай он нашей крови, мы бы уже увидели клинки их мечей.

Тем временем ахер преодолел уже половину дороги. Остановился у ближайшего к ним валуна, небрежным жестом смел с того снег и уселся, демонстрируя покрытую татуировками спину.

Кеннет скривился и поправил оружие.

– Ну теперь-то выхода нет. Я пошел.

– Сосчитайте его шрамы, – сказал Берф.

– Что?

– Шрамы, господин лейтенант. Говорят, что во время инициации этот сукин сын танцевал с пятьюдесятью камнями. А после – еще не менее чем с сотней.

Кеннет понял, о чем речь. Шаманская магия ахеров отличалась от человеческой. Их колдуны не ходили Тропами и не черпали Силу из Источников аспектов. Вместо этого во время обряда инициации они бросали вызов духам, демонам и другим созданиям, обитавшим между мирами. Молодой шаман протыкал себе кожу, протягивал сквозь рану ремни, к которым привязывал камни самого разного веса. В каждом из них находился заклятый дух. Потом кандидат в колдуны принимался танцевать, вертаться в ритме играющих барабанов и свирелей. Отягощенные камнями ремни рвали тело, а он не мог прекратить, пока последний из них не отпадал. Если он выдерживал, существа, которые приняли вызов, становились его слугами, верными и всегда послушными. Если же переставал танцевать и падал или терял сознание – пожирали его тело и душу.

Магия эта была куда более дикой, древней и бесконтрольной, нежели человеческая, а попытки освоить ее людьми сурово запрещались гильдиями чародеев и всеми религиями империи, которые проявляли в этом удивительное единогласие. Магия ахеров, магия духов-прислужников – не для людей. Сила может контролироваться разумом, без посредничества других существ. После разрывавших континент великих религиозных войн, итогом которых стало возникновение империи, было заключено множество соглашений и пактов между гильдиями и храмами, регламентирующих, какого рода магия создана для людей и использование какой безопасно. Карой за нарушение Великого Кодекса были петля, кол или костер.

– Велергорф принимает командование, – пробормотал Кеннет, снова поправляя пояс с мечом. – И если со мной что-либо случится – проследите, чтобы этот сукин сын на сей раз действительно сдох.

– Так точно! – Вся троица вытянулась и отдала честь.

Лейтенант двинулся в сторону ахера. Все как будто бы ясно. Борехед показался им издали, безоружным, неся зеленую ветвь, и ожидал теперь, повернувшись спиной. На универсальном межрасовом языке гор это означало как минимум «не хочу битвы, хочу разговора». Но из-за ошибок в истолковании таких жестов эти горы и носили название Красных Вершин. Кеннет шел, раздумывая: успеет ли он в случае чего выхватить меч?

Он прошел мимо ахера и развернулся. То, что увидел, вполне стоило риска. Для представителя своей расы Борехед был высок: полных пять футов роста; а ко всему прочему, не имел ни единой черты, характерной для приземистых кряжистых тел его народа. Наоборот, был он худощав и жилист, будто старый волк. Под темной кожей перекачивались узлы мышц, напоминавшие сплетения угрей, кишащих на мелководье. Глубоко посаженные глаза посверкивали под выступающими надбровными дугами, а выдвинутая вперед челюсть пугала мощными клыками, заходящими аж на верхнюю губу. Не только спина его, но и все тело покрывали шрамы. Некоторые же из них были окрашены голубым, красным, зеленым и черным. От этих разноцветных, извивающихся узоров рябило в глазах. Согласно традиции, кожу его украшали татуировки, представлявшие историю жизни их владельца от рождения до получения статуса великого шамана. И большинством историй, которые рассказывало о Борехеде его тело, можно было пугать детей.

– Насмотрелся?

У ахера оказался низкий, гортанный голос. Исключительно неприятный.

– Да. – Сидеть было не на чем, а потому Кеннет стоял, глядя на шамана сверху вниз. – Я не ожидал увидеть тебя здесь.

– Я там, где во мне есть потребность.

– И что теперь?

Борехед ощерился в пародии на ухмылку.

– А ты слышал о доверии?

– Ага. – Офицер кивнул, красноречивым жестом положив ладонь на рукоять меча. – Самая смертельная болезнь в здешних горах.

Ахер засмеялся во всю глотку. И это звучало почти по-человечески.

– Хорошо. И мудро. А что скажешь на это?

Взял горсть снега и протянул его перед собой. Через миг снег растаял, и в ладони ахера осталось немного воды. Борехед плеснул ею между ними.

– Пусть льется вода вместо крови.

Кеннет с трудом скрыл удивление. Борехед предложил ему Узы Воды, один из старейших ритуалов ахеров, признаваемый даже самыми яростными из их фанатиков. Он отцепил свою флягу и вылил несколько капель на то же место.

– Пусть льется вода и кровь наших врагов.

Ахер усмехнулся.

– Ты знаешь обычай. Это хорошо. Теперь можем поговорить. Зачем вы пришли?

Офицер колебался. Врать было бы глупо и бессмысленно.

– Мы ищем клан шадори. Они скрываются где-то здесь.

– И что с ними сделаете?

– Убьем их.

Борехед фыркнул.

– У тебя трижды по десять и восемь воинов, их же – около сотни.

– Теперь уже меньше. Два дня назад мы убили дюжину на Холодном плато.

Ему показалось, что ахер слегка приподнял брови.

– Хорошо. Но и так их – в два раза больше. Есть ли среди вас хотя бы чародей?

– Погиб вчера на леднике.

– Как?

– Отец Льда вспомнил о нем.

Борехед вздрогнул, впервые посмотрев ему прямо в глаза. Были у него удивительные светло-зеленые радужки. Кеннет выдержал этот взгляд с изрядным усилием.

Внезапно шаман вскочил с камня.

– Собери своих людей, и пойдем со мной, – сказал он тоном, не подразумевающим распросы, и двинулся к повороту.

Лейтенант махнул остальному отряду. Солдаты шагали с осторожностью людей, ожидающих засады, но когда подошли – никто не произнес ни слова. Хватило и того, что их командир и ахер не попытались друг друга убить.

– Мы идем за ним. – Кеннет указал на шамана. – Держать строй.

Ушли они не слишком далеко. На первое тело наткнулись ярдах в тридцати за поворотом. Девушке на вид было лет пятнадцать. Одета в меховую куртку и штаны, она держала в руках насаженную на древко косу, а из груди торчали три стрелы. Борехед стоял над ней, глядя в неглубокую долинку, чьи склоны усеивали дыры пещер.

– Со мной пришли двести воинов и двое Мудрых в помощь, – сказал он как ни в чем не бывало. – Мне казалось, что этого хватит. Теперь у меня – пятьдесят и я – один.

Он обернулся и внимательно оглядел отряд.

– Много лет наши гааххеры будут петь о битве – скорее, резне – в этой долине. Посмотрите, люди. Так выглядит место, где атаковали десяток безумных магов.

Он мог этого и не говорить. Было похоже, словно сквозь долину прошло торнадо с градом, штормом, метелью и внезапным пожаром. Все пространство почернело и обгорело, словно от ударов молний. Местами в земле виднелись дыры и разломы, и, если судить по их краям, можно было подумать, что в землю – изнутри – лупил гигантский боевой молот. Центр впадины потерял тонкий слой грунта и светил залысинами голой скалы, а склоны пятнали сотни камней и валунов, вбитых в землю с такой силой, что они едва выступали над поверхностью. Слева высилась глыба льда шириной в двадцать футов и в десяток футов высотой. Кеннету показалось, что он заметил внутри застывшие в неподвижности фигуры. Не сумел разобрать, люди это или ахеры.

Впрочем, и люди, и ахеры лежали везде окрест. Тела порубленные, сожженные, разорванные в клочья, забрызгавшие все вокруг кровью. Некоторые – еще сплетенные в схватке, словно даже смерть не могла сдержать их боевую ярость. Кеннет смотрел на двоих ахеров, вцепившихся в труп молодого мужчины. У одного были оторваны обе ноги, но он продолжать сжимать копье, воткнутое человеку в живот, второй же оказался почти полностью освежеванным, но все же сумел сжать зубы на глотке горца. Лежали они неподалеку от мертвой девушки.

– Да, – казалось, шаман читал его мысли, – этот стал для нас неожиданностью. Не должен был стоять на страже, не должен был пользоваться магией и не должен был поднять шум. Но он стоял, пользовался и поднял. Потому наше нападение превратилось в побоище.

Лейтенант оглядел место сражения. Солдаты позади него стояли в совершеннейшей тишине.

– Сколько шадори владело магией? – Кеннет не мог не задать вопрос, хотя и знал ответ: куда больше, чем предполагало командование Горной Стражи.

Борехед сплюнул в снег:

– Владели? Нет, солдат, не они владели магией. Это она владела ими. Когда использовали ее, убивали, как своих, так и наших, а то и выстреливали ни на кого не нацеленными фейерверками. Но фейерверков тех было так много, что невозможно оказалось не обжечься. – Шаман замолчал на мгновение, после чего добавил: – Десятеро, ежели хочешь знать. Десятеро, а я, как дурак, полагал, что трое, самое большее – четверо. И потерял свыше сотни лучших воинов.

Внезапно вскинул руку вверх и издал протяжный, отдающий безумием крик. Эхо отлетело ему с противоположного конца долины. Когда он повернулся к людям, лицо его снова было маской спокойствия.

– Но даже в этом случае не погибло бы столько, когда б не тот из шадори, который умел накладывать чары, словно один из ваших боевых магов. – Шаман говорил все быстрее и громче. – Он не терял ни времени, ни энергии, не убивал своих. Его чары были как удары

мастера меча: быстрые, точные и смертельные. Это благодаря ему остаткам группы удалось от нас сбежать. Только благодаря ему.

Стражники заворчали. Кеннет утихомирил их жестом и во второй раз выдержал взгляд ахера.

– Ради воды, которой мы напоили горы, Расскажи нам все, что ты знаешь, шаман.

Борехед успокоился, оглядел лица стоящих вокруг, словно еще раз подсчитывал их число. Потом кивнул:

– Хорошо, стражник, но не здесь. Пойдем в лагерь, и там я расскажу тебе все остальное.

* * *

Четырьмя часами позже Кеннет вместе с половиной своих людей лежал на краю неглубокого ущелья, в нескольких милях от той долины. Другая половина отряда таилась на противоположной стороне. Ждали. Ничего, кроме этого, они не смогли бы сделать. Борехед был слишком убедителен. Пообещал, что если сойдут с места, то он лично проследит, чтобы ни один из них не вернулся на ту сторону ледника. И только глупец пренебрег бы его обещанием.

Ровно столько и стоило здесь доверие.

Кеннет вспоминал, что рассказал шаман. Тогда они стояли в лагере ахеров, разбитом у небольшой пещерки, где что-то непрерывно шевелилось, постанывая голосом, не похожим ни на что из слышанного лейтенантом ранее. Он оставил своих людей в сотне ярдов от этого места, положившись на рассудительность десятников, и отправился за Борехедом. Вокруг было множество ахеров, чаще всего – раненых. Они не обращали на него внимания – словно он стал вдруг прозрачным. Сказать честно, это нисколько Кеннету не мешало. Сам он бесцеремонно осматривался, оценивая, как они выглядят, их одежду и оружие. Большинство было низкими и коренастыми, с темной кожей и черными волосами. Нижние клыки характерным для их расы образом заходили на верхнюю губу, а глубоко сидящие глаза раз за разом вспыхивали диким огнем. Почти все одевались в шкуры и меха, но он увидел и несколько кольчуг с кирасами, наверняка трофейных, и множество разнообразных шлемов. Те же, кто их не носил, вплетали в волосы кусочки рога, кости или птичьи перья. В последние годы ахеры все чаще облачались в железные доспехи, использовали наголенники и щиты. И все чаще вместо деревянных дубин и топориков из бронзы воевали они мечами, топорами и копьями из доброй стали. Учились, и как офицеру Стражи ему это было не по вкусу.

– Сбежало четырнадцать, – начал шаман без вступлений. – В том числе четверо владеющих Силой: один парень, две женщины и тот чародей. Я знаю, что они идут к Гвиххренх-омергааранаа, хотят перейти на вашу сторону. Дорога, которой они сбежали, приведет к леднику часов за десять. Но я знаю путь вполтину более короткий.

Кеннет скривился, когда ветер принес отвратительный смрад со стороны пещеры. Это ему что-то напомнило.

– Так зачем тебе нужны мы? – спросил он. – Опреди их и заверши дело.

Борехед совершенно по-человечески покивал:

– Хотел бы. Тогда я сумел бы привести больше воинов и поприветствовать вас как должно.

Офицер даже не моргнул.

– О, – шаман приподнял брови, что придало его лицу едва ли не комичный вид, – ты сдержался и не положил руку на меч. И не стал грозно хмуриться. Значит, правду говорят: волосы цвета огня свидетельствуют или о глупце, или о сильном характере. И у людей – точно так же.

– Продолжай. – Лейтенант проигнорировал его слова.

– Мои воины происходят из трех разных племен, что заключили на время союз. Они разъярены вчерашним поражением, и наш союз может рухнуть в любой момент. Только я и удерживаю их вместе. Если не отправлюсь с ними, они найдут повод вцепиться друг другу в плотки. Они знают, что мы уже изгнали шадори с нашей земли, и лишь немногие понимают, что те могут вернуться, – а горячих голов у нас более чем достаточно.

– Тогда иди с ними.

– Не могу. – Ахер дотронулся кулаком до груди. – В этих шрамах скрыта Сила. И мне необходима как минимум пара дней, чтобы ее замаскировать. Сейчас же тот чародей почувствует меня за милю точно так же, как и я его. Мы не сможем устроить засаду. Но я могу послать вас. Ты ведь и сам говорил, что сумеешь с ними справиться. Мы их на вас выгоним.

– Четверо владеющих Силой, – напомнил офицер. – Мы должны стать куском мяса в капкане на медведя?

Борехед медленно двинулся к входу в пещеру. Кеннет заметил, что по мере того, как росло разделяющее их расстояние, взгляды окружающих ахеров утрачивали равнодушие. Появлялось в них нечто недоброе. Нечто, вызывавшее мысли о кривом, щербатом острие, скрежещущем о ребра. И он пошел за шаманом.

– Теперь ты понимаешь, – произнес воитель, не поворачиваясь и не сдерживая шаг. – Они знают об Узах Воды, но уважение к ним дорого им обходится. И это даже когда я нахожусь рядом. Я не могу послать их в засаду одних и не могу быть там с ними.

– Ты не ответил на вопрос.

В миг, когда он открыл рот, дуновение ветра снова принесло со стороны пещеры волну столь отвратительного смрада, что он остановился, будто уткнувшись в стену. Внезапно лейтенант понял, что именно это ему напоминает, – и побледнел.

Борехед тоже остановился.

– Слишком чувствительный нос?

– Нет. Не из-за вони, но из-за того, что находится в пещере. Я уже видел нечто подобное.

– Где?

И тогда, стоя перед пещерой, в предназначении которой он теперь даже не сомневался, Кеннет рассказал ахерскому шаману о Коори-Аменеск. И о наполненном дерьмом погребке, который они нашли в селе.

– Они бросили туда всех, кто пережил первое нападение, – рассказывал он, словно видя все перед внутренним взором. – Мужчин, женщин, детей. Три месяца никого из них не выпускали, разве что прямиком на рожон, либо чтобы забавляться, мучить и истязать. Раз в два-три дня бросали им немного еды и давали попить. Сорок восемь человек, закрытых в погребке, четыре шага на шесть. Те знали, что их ждет, не могли не знать. Те, кто умел писать, ногтями выцарапывали на стенах молитвы, проклятия, заклинания. Большинство впали в апатию, сошли с ума или совершили самоубийство.

Он смотрел на вход в пещеру, чувствуя сухость во рту. Когда Кеннет снова заговорил, слова рвались, будто гнилая пряжа:

– Одна из женщин была беременной. Шадори не убили ее сразу. Наверняка жаждали попробовать мяса новорожденного. Уж не знаю, отчего ждали естественного развития событий, вместо того чтобы вырезать из нее ребенка в последние дни беременности. Ждали, пока родит сама. И я не знаю, почему она себя не убила. Может, ее удерживала мысль, что помощь придет, что кто-то появится, вытащит ее из этого ада. Жила дольше прочих... Одна. Последняя из рода... Зная, что родит только для того, чтобы...

Он прервал себя, сжав до боли кулаки. В день, когда они закончили обыскивать тот погреб, он дал себе клятву. Обещал не отдыхать, пока шадори не исчезнут с лица земли. Не думал тогда, что эта клятва заведет его на северную сторону ледника и заставит разговаривать с одним из наиболее опасных ахерских шаманов.

– Она родила за неделю до срока, удушила ребенка пуповиной и утопила в дерьме. Да, в дерьме, почти три месяца сорок человек срали и ссали под себя. Когда мы пришли в село, дерьма в погребе было по колено. Тебя это удивляет?

– Нет. Она убила себя? – Борехед не выказывал никаких чувств.

– Да. Наш чародей считал всю историю со стен подвала. Три дня их обманывала, чтобы тело младенца сделалось несъедобным. Потом зубами перегрызла себе вены и умерла, лежа в том самом дерьме, в котором утопила своего ребенка. Они ее не съели – быть может, не были слишком уж голодны.

Шаман повел его в сторону пещеры.

– Смотри, – процедил.

Из пещеры вытекал мутно-коричневый ручеек. Воняло от него на милю. По знаку Борехеда двое воинов вошли внутрь и вытащили оттуда скулящее существо. Кеннету потребовалась минута, чтобы понять, что это – молодая ахерская девушка, почти ребенок. Нагая, перемазанная экскрементами и чем-то еще, коричневой засохшей скорлупой, которая, трескаясь, открывала живое мясо. С ее черепа сняли скальп, и единственным чистым местом на худом теле оставалась белая кость черепа, окруженная венчиком гноящейся кожи. У нее не было носа, губ, зубов, ее глазницы стали пустыми ямами. Создание отчаянно застонало и припало к ногам ближайшего воина, слюнявя его сапоги. Потом подняло голову и завывало. Между почерневшими деснами трепетал обрубок языка.

Офицер отвернулся.

– Скверное зрелище, верно? У них здесь было три такие пещеры, но только в одной мы нашли кого-то живого, если можно это так назвать. – Шаман подал знак, и девушку завели назад в пещеру.

Кеннет попытался вдохнуть глубже.

– Отчего вы не прекратите ее страдания?

Борехед развернулся на пятке с огнем в глазах.

– Спрашиваешь, отчего мы не разобьем ей голову камнем, как делаем это со своими ранеными? Или отчего не натравим на нее – развлечения для – одного из наших боевых псов? Воины хорошо бы повеселились. Я знаю большинство ваших рассказов о наших обычаях и развлечениях. Тех, что распалют в сердцах ненависть и презрение. «Ахеры» – вот как вы нас с отвращением называете, создания тьмы, помет Нежеланных. Убить их, выжечь, очистить от них нашу прекрасную землю. Ахеры. – Шаман выплюнул слово, будто оно обжигало ему уста. – Помнишь начало вашей Книги Черных веков? «И пришли с севера легионы демонов, Нежеланных, Властителей Боли, вирфов, гриэллов, ахеров и всяческой мерзости. И наступили Черные века, когда даже солнце скрыло лицо, не в силах глядеть на лихо и горе, что обрушились на люд мира». Да, я ее знаю. Я обучился читать по-вашему, чтобы понять... Вы говорите: познай своего врага. Мудро.

Шаман приблизился к лейтенанту.

– Если бы ты собственными глазами увидел настоящего ахера, человек, ты обоссался бы от страха, а потом стал бы орать, пока не разорвались твои сердце и легкие. Мы же – аг'хеери, Народ Гор. Много лет мы жили с людьми в мире, друг подле друга. Торговали, работали и развлекались вместе. Были и кривды, лилась кровь. Но всегда мы умели договориться. Наши деревни стояли на сотню миль к югу от Отца Льда. А потом сюда пришла империя. Меекханцы со своими законами и религией, предрассудками, чувством превосходства и жадностью. Внезапно оказалось, что долины, в которых стояли наши села, должны принадлежать людям, потому что в них слишком плодородные земли, что горы, к нашему несчастью, скрывавшие в своих недрах богатые залежи золота, серебра, меди и железа, прежде всего железа, – слишком хорошее место для низшей расы. И потому вы вывернули наше имя, чтобы оно стало подобным одному из племен Нежеланных, и решили, что можно у нас забрать все. Наша магия, Танцы

с Духами, Песни Камня и Воды, вдруг сделалась дикой формой почитания Мрака, хотя она существовала еще до того, как прибыли Нежеланные и начались Войны Богов. Вы оттеснили нас сюда, на край мира, между Большим хребтом, за которым нет уже ничего, кроме ледяных пустынь, и стеной вашей ненависти. С одной стороны непроходимые горы, с другой – мечи и топоры, а посередине голод и нищета.

Шаман замолчал. Воцарилась враждебная тишина.

– Оказалось также, – продолжил он, помолчав, – что уж коли мы сделались самым северным народом, то должны быть ахерами, – он презрительно ощерил клыки, – потомками порождений тьмы. Еще тридцать лет назад жрецы Реагвира золотом платили за прокопченные мумии наших детей, чтобы вывешивать их в святынях, а губернаторы провинции назначали награду за каждого убитого аг'хеери. Впрочем, уже тогда никто не использовал этого названия. Это ведь так просто, верно? Дать кому-то новое имя – и отобрать все остальное вместе с правом на жизнь. А знаешь, что хуже всего? Не погромы, не резня и не убийства. Хуже всего, что мы уже и сами понемногу начинаем называть себя ахерами. Наша молодежь говорит «аг'аххер», забывает... забывает, кто она такая, кем должна быть. Жестокость она считает достоинством, жажду крови – причиной для гордости. И именно за это я ненавижу вас сильнее всего, человек. Вы почти уничтожили нас, еще поколение-два – и не останется народа аг'хеери. Пребудут только ахеры.

Кеннет откашлялся.

– Я не...

– А она... – Борехед оборвал его и кивнул на пещеру, – ее зовут Инхал. Она была... она и сейчас дочка моего лучшего друга. Я знал ее с рождения. Носил на руках. Она из рода вождя, и только другая женщина из этого рода может отворить ей двери в Дом Сна. Но никого из них нет на расстоянии нескольких дней пути. Потому мы не поим ее, чтобы умерла как можно быстрее, вот только она... не желает умирать. Держится за жизнь и кричит. Почти беспрерывно, – добавил он тихо.

И словно в подтверждение его слов, из пещеры донесся скулеж, от которого зашевелились волосы на голове.

Кеннет взглянул на шамана и быстро отвел глаза. Он не хотел помнить выражения его лица. Слишком хорошо понимал, что когда встретятся они снова – уже не будут разговаривать, наверняка не будут.

Но этот миг миновал очень быстро, так быстро, что Кеннет не был уверен, не померещилось ли это ему, потому что перед ним снова стоял Борехед – Мясник из Рвиф. И он произвольно дрогнул под тяжестью этого взгляда.

– Я не стану умолять тебя, чтобы ты нам помог, – сказал ахер. – И не стану рубить Узы Воды. Если вы сейчас же развернетесь и отправитесь назад на ледник, ни один из моих воинов не обнажит против вас оружие. Вода высохнет, лишь когда последний из вас поставит ногу на той стороне.

Это был чрезвычайно вежливый способ завершить столь хрупкий союз. Кеннет посмотрел на пещеру. Оттуда снова раздались скулеж и вой.

– Не кричи, – сказал он, хотя шаман нисколько не повышал голоса. – Мы идем с вами.

Таким-то образом он и попал сюда со своими людьми, в распадок, почти лишенный снега, каменистый и негостеприимный. Вокруг не найти было и следа жизни, даже мох не желал здесь расти. «Скверное место для смерти, – подумал Кеннет. – Охренительно скверное место».

Двое ахеров, которых придали им как проводников, теперь лежали в нескольких шагах сбоку, в своих серо-коричневых одеждах напоминая случайные кучки камней. Вот уже час ни один из них даже не пошевелился – только глаза поблескивали из-под капюшонов. В искусстве маскировки его солдаты могли бы у них многому научиться.

Небольшой камешек перелетел через распадок и скатился вниз. Все замерли. Это был сигнал от связанных из второй группы. Шадори приближались.

Первым шел высокий мужчина в темных одеждах и с капюшоном, натянутым на глаза. За ним две женщины и молодой парень. Борехед утверждал, что владеющие Силой будут держаться вместе, а значит, это были они. Потом появились и остальные. Картина нужды и отчаяния. Большинство – полуобнаженные: убегали они в том, в чем их застало нападение ахеров. Половина не имела даже сапог, они едва волоклись, останавливаясь и отмечая каждый шаг ржавыми пятнами. Было видно, что они на исходе сил, а вперед их гонит лишь страх. Кеннет не почувствовал при виде шадори ничего: ни гнева, ни ненависти, ни мстительного удовлетворения. Хотел лишь, чтобы все поскорее закончилось.

Группа одолела половину дороги. Лейтенант потянулся к лежащему подле него арбалету и плавным движением поднял его, прицеливаясь. Это был сигнал. В мгновение ока из-за края распадка выползло двадцать стрелков.

– Давай!

Они не требовали сдаться. Не за тем они сюда пришли.

Залп собрал богатый урожай, но не такой, как хотелось бы. Согласно приказу, большинство арбалетов были направлены в идущую впереди четверку. Обе женщины и парень пали, пораженные несколькими стрелами. Умирали тяжело, бились на земле, словно рыбы, проткнутые острой. Как и другие. Но только не мужчина в капюшоне. По несчастливой случайности, в миг, когда Кеннет привставал, проводник поднял голову, оглядывая края распадка, сразу же яростно закричал и мгновенно окружил себя переливчатой поволокой. Все стрелы отлетели от нее, отрикошетив с металлическим звоном. Взгляды солдата и шадори встретились. Офицер замер. Из-под капюшона на него смотрело лицо Аманделларфа, чародея, погибшего на леднике.

Маг выбросил перед собой руку, и воздух разрубил яркий, как молния, луч света. Слишком поздно. Лейтенант был уже на половине дороги к дну распадка, съезжая в небольшой лавине камней и грязи и отчаянно балансируя руками. Он не заботился, бегут ли за ним остальные солдаты, ему было все равно, что он может свернуть себе шею и что, согласно плану, после арбалетного залпа они должны были засыпать распадок ливнем дротиков, а потому лучше оказаться наверху, чем внизу. Где-то на половине дороги до него дошло: только что он снова подтвердил распространенное мнение о рыжих. Но ему было наплевать. Именно в тот миг он понял, что случилось с кланом шадори и кто в ответе за весь этот кошмар. Хотел лишь добраться до мага. И убить.

Услышав громоподобный рык, Кеннет понял: остальной отряд стремглав кинулся за ним. Но он был первым. Приземлился на дне распадка, выхватил меч и пошел на чародея. Тот жестоко оскалился и выбросил перед собой ладонь с растопыренными пальцами, но в этот момент за его спиной появились двое стражников. Аманделларф повернулся, из его ладони вырвался свет и ударил в солдат, превращая их в живые факелы. Кеннет бешено заорал и метнулся вперед. Маг не выдержал, крутанулся и побежал распадком вниз, перепрыгивая через мертвых и расшвыривая живых. Казалось, что он, как на леднике, движется, не касаясь земли. Лейтенант мчался за ним. Не раздумывая, отбил неловкий удар тупым топором и срубил атаковавшего, рассекая челюсть, щеку и глазную впадину. Нападавший, обросший мужик с безумными глазами, выпустил рукоять топора и заскулил, обхватив лицо руками. Кеннет помчался дальше, оставляя его своим людям и видя только удаляющуюся спину чародея. На волосок разминувшись с копьём, ударом щита отшвырнул последнего шадори, заступившего ему дорогу. Маг добежал до конца распадка, повернулся и закричал.

Перед ним возник вихрь, воздушная линза. Затанцевали подхваченные камешки, земля и куски грязи. Кеннет метнулся, перекатившись, в сторону и едва разминувшись с летящей в него глыбой льда размером с человеческую голову. Сразу вскочил и снова с яростным рыком

бросился на мага. Тот опять не выдержал, помчался вверх по ровному, словно стол, плато, что обрывалось, будто обрезанное ножом, в каких-то двухстах шагах. Отсюда не было дороги к бегству. Разве что для чародея.

Кеннет оглянулся. Последнее заклинание ударило в склон распадка, вызвав оползень из камней и грязи. Пройдет некоторое время, прежде чем его люди с этим совладают. Оставалось преследовать мага в одиночку.

Расстояние между ними постепенно сокращалось. Двадцать шагов, восемнадцать, пятнадцать. Но и пропасть была все ближе, и он уже понимал, что не успеет добраться до мага, слышал шум крови в висках, воздух сделался гуще смолы, а чародей продолжал двигаться вперед, словно скользя по льду.

«Метну меч, – подумал он. – Если он не остановится – метну».

Чародей встал у самого края пропасти и обернулся с искаженным яростью лицом.

– Ты! Все из-за тебя! Ты, грязный наглый мальчишка! Если кто и должен мне за все заплатить, то это будешь ты! – Воздух вокруг него чуть затуманился, снег на расстоянии нескольких шагов начал таять. Он копил Силу.

Кеннет сгорбился и поднял повыше щит. Двинулся на Аманделларфа, не спуская взгляда с его рук. В одном он был уверен: маг всегда освобождал заклęcia жестом. На губах чародея появилась кривая ухмылка.

– А ведь правду говорят о Горной Страже. Нет у вас ни капли рассудка. Слишком глупые, чтобы понимать, когда следует отступить. – Он словно нехотя прицелкнул пальцами, над рукою его затанцевали крохотные огоньки. – Ты ведь знаешь, что сейчас случится, верно? Я убью тебя, а после перескочу в безопасное место, как там, на леднике. Потом позабочусь, чтобы ни один из вас не вернулся на другую сторону. Никто никогда не узнает правды, твоя карьера завершится, а твое доброе имя будет запятнано. Но ты, несмотря на все это, не желаешь отступить. Если бы все не было настолько безнадежно жалко, я бы почувствовал даже что-то вроде удивления.

Кеннет приблизился шагов на десять. Знал, что, несмотря на похвальбу, чародей измучен и ждет случая, чтобы ударить колдовством наверняка. За спиной Аманделларфа скала обрывалась, отвесно падая вниз: оттуда доносился рокот воды. Для мага единственным шансом бегства был путь одной из Троп Силы.

Делая вид, что поправляет щит, офицер отстегнул ремень, крепящий его на предплечье.

– Зачем, чародей? Зачем?

Аманделларф опустил руку и взглянул на него, словно на внезапно заговорившее животное.

– Ну вот, пожалуйста, – теперь мы задаем вопросы. И откуда взяли мы такую манеру? Отказались мы от слепого исполнения приказов и пробуем понять, что вокруг нас происходит? Напрягаем ту капельку разума, которую ранее использовали лишь для жратвы, питья и поисковдыры, в которую можно было бы засадить своего шустрика? И до чего же мы додумались?

Кеннет остановился в десяти шагах от мага, опустил руки и вздохнул поглубже, пытаясь успокоить колотящееся сердце.

– Талант наследуется, – начал он, делая полшага вперед. – Об этом знают даже дети. Но также знают они и то, что у чародеев и чародеек всегда проблемы с продолжением рода и здоровым потомством. Рождаются у них чаще всего чудовища, искривленные Силами. Талант наследуется по боковым линиям, от тетушек, дядьев и прочих родственников. И найти способ контролировать наследственность – сотни лет мечта любой гильдии чародеев. Это дало бы ей превосходство над другими: вместо того чтобы месяцами, а порой и годами искать талантливых детей – создать питомник. Династии магов, из поколения в поколение все более сильных и все более знающих. Пока – в конце концов – никто не смог бы им противостоять.

С лица чародея исчезло выражение презрительного пренебрежения.

– Я недооценил тебя, стражник. Что еще мне расскажешь?

– Шадори были экспериментом. В этом роду на протяжении последних трехсот лет появилось несколько магов, а потому вы решили проверить, что будет, перестань они разбавлять кровь. Говоря «вы», я имею в виду твою гильдию, Братство из Верхенна. Уж не знаю, известно ли это другим гильдиям, но не думаю, что это так. Вы слишком цените тайны и секреты, чтобы ими делиться – даже между собой. Вы сами запланировали это или воспользовались случайной оказией?

Чародей легко улыбнулся.

– Назовем это случаем, которому мы слегка помогли.

– Но эксперимент вышел из-под вашего контроля. Завершился фиаско. Шадори оказались неуправляемы – и их не получалось выследить, поскольку необученные таланты обладают хорошей охранительной аурой, используют Силу слишком хаотически, чтобы возможно было ее отличить от природных явлений, завихрений в Источниках, пульсаций в Урочищах. А потому, когда их начала искать Горная Стража, вы к нам присоединились.

– Фиаско? – Маг вздернул брови. – Фиаско? Ты не знаешь, о чем говоришь, червяк. Среди них каждый двенадцатый мог черпать из Источников. Один на дюжину, слышишь, человеке? Обычно среди людей таких встречается один на тысячу, талантливых достаточно, чтобы сделаться членами лучших гильдий, – один на десять тысяч, архимагов же – один на миллион. Дети тех, кого вы убили там, внизу, могли бы потрясти мир!

– В этом я не сомневаюсь. – Кеннет сделал следующий шаг вперед. – Но в последнее время в мире и так достаточно потрясений. И как вы собирались их выкормить? И что делать, когда вырастут?

– Каннибализм был приобретенным, а не врожденным пороком, равно как и несколько других погрешностей...

– Нечеловеческая жестокость? Склонность причинять боль и смерть, радость от страдания? Это ты считаешь какими-то там «погрешностями»? Я видел, что они сделали в Коори-Аменеск и здесь, в пещерах ахеров. Они не питались человеческими телами – только их болью. Они страдали от безумия слишком глубокого, чтобы удалось их из него вырвать.

– Ну вот. – Чародей слегка скривился. – А я все ждал, когда же мы придем к выводам, сделанным доморощенным борцом со злом. И какие еще откровения меня ждут?

Снег вокруг его стоп окрасился в глубокий пурпур, и Кеннет понял, отчего так долго длится их разговор. Маг был ранен, одна из стрел пробила магическую завесу, и чародею требовалось время, чтобы сдержать кровотечение и залечить рану.

– Никакие. Скажи мне только: произошедшее на леднике было случайностью или ты планировал это с самого начала?

– Скажем так – мне требовалось оказаться на месте раньше вас. Я знал, что Борехед где-то неподалеку, а догадаться, что его сюда привело, было очень просто. Я намеревался перевести клан в безопасное место, найти ему укрытие на зиму. Признаюсь, недооценил их. А вы? Ну что же, вы должны были добраться до места, наткнуться на этих дикарей, если вам повезет – отступить и отрапортовать, что шадори перестали существовать, вырезанные ахерами, и что я погиб на леднике. Это было бы наилучшее решение. Для всех.

– Для тех, кто умер, – тоже? – Лейтенант сделал очередной шаг. От чародея его отделяло всего несколько ярдов.

– Им уже ничто не могло помочь. Но мы здесь спорим, а мне уже пора. – Маг решил, что разделяющее их расстояние уже достаточно мало. – Если позволишь, я хотел бы горячо попрощаться с тобой.

Кеннет отскочил вправо в тот миг, когда рука мага выстрелила в его направлении. Затормозил в полушаге, развернулся на пятке, отставив руку с мечом далеко в сторону, чтобы сохранить равновесие, и метнул в чародея щит: тот полетел, как гигантский диск, и взорвался, столк-

нувшись с выстреленным магом потоком Силы. Лейтенант, пригнувшись, кинулся в дым этого взрыва, в два прыжка оказался перед чародеем – и ударил. Как сумел, головой в лицо, добавил коленом в пах и, чувствуя, как теряет равновесие, мечом, плашмя, в голову. Аманделларф вскрикнул, зарычал, подавился кровью и... провалился под землю. Офицер отчаянно балансировал, едва избегнув падения в разверзшуюся под ногами пропасть. Не думал, что чародей стоит так близко к краю. В последний миг он сумел отступить и присел, пытаясь услышать удары тела о скальные выступы и звук падения в воду.

Но все ли закончилось? Он почувствовал холодную дрожь. Будь у него достаточно времени, чародей сделал бы все, чтобы ни один из солдат не вернулся живым на другую сторону ледника.

Стиснув зубы, он склонился и глянул вниз.

Аманделларф висел футов на шесть ниже, обеими руками вцепившись в выступавшую из стены ледяную глыбу. Ноги его отчаянно болтались в воздухе. Когда маг запрокинул голову, их взгляды на миг встретились. Несмотря на кровь, льющуюся из разбитого носа и распухающую на глазах щеку, чародей продолжал смотреть нагло и высокомерно. Потом взгляд мага обратился вниз, к кипящей в сотне футов ниже белой купели и торчащим из нее черным спинам камней.

– Знаю, о чем ты думаешь, чародей. – Лейтенант удивлялся, что его голос не дрожит. – Будь здесь двести, а лучше – триста футов, ты мог бы рискнуть. С твоими умениями успел бы сплести Силу и выйти из всего этого без царапины.

– Веревку... – Аманделларф тяжело дышал, а стиснутые вокруг льда ладони подрагивали от усилия. – Кинь мне веревку.

– Нет. За всех людей, которые из-за твоих приятелей оказались убиты и пожраны. За жителей Коори-Аме-неск, за семью шорника из Хандеркеха, за моих парней, которые сложили здесь голову, и за ахеров – да, ты не ослышался, и за ахеров, погибших вместе с ними. И даже за тех несчастных, которых вы заставили спариваться друг с другом, как зверей, и которые сделались чем-то куда худшим, чем звери.

– Не играй мне здесь, урод, в суд, – прорычал чародей. Дыхание его все убыстрялось. – Ты слишком низко стоишь, чтобы судить меня. Кинь мне веревку, и я обещаю, что обо всем позабуду, а ты не пожалеешь. Гильдия умеет позаботиться о преданных людях...

– Ты не понимаешь, верно? – Кеннет склонился и взглянул прямо в глаза магу. – Я мог бы хоть месяц напролет говорить о честности, ответственности, праве и чести – ты бы только смеялся и называл меня сентиментальным глупцом без – как ты там говорил? – капли разума. Для тебя ничто присяга Стражи, а особенно слова об охране и защите всех жителей гор от любого врага. Всех и каждого.

Взгляд чародея загорелся ненавистью.

– Честь, оборванец? Честь и ты? Офицер, братающийся с ахерами и убивающий вместе с ними женщин и детей. Неформально я выше тебя по званию, и ты присягал охранять мою жизнь любой ценой. Тебе конец, лив-Даравит. Клянусь всеми богами, что еще будешь скулить, умоляя меня о смерти.

Кеннет поднялся.

– Чародей Аманделларф, которого я поклялся охранять, погиб вчера героической смертью на леднике. Именно так я и скажу на любом суде. Я не знаю тебя, че-ловече. Не знаю, кто ты таков, кроме того, что ты сражался против моих людей в схватке с шадори. Пусть горы тебя осудят, незнакомец.

Отвернулся и двинулся назад.

Несколько мгновений царила наполненная удивлением тишина.

– Вернись сюда! Слышишь! – Впервые в голосе чародея зазвучал страх. – Вернись, ты, проклятый ублюдок! Я вытащил твоих людей! На леднике!! Я вытащил их!!! Вспомни!!!

Офицер остановился.

– Если бы ты их не вытащил, чародей, – сказал он громко, – если бы ты их не вытащил, я достал бы тебя из этой дыры и отдал бы в руки Борехеда.

А потом он медленно наклонился, тщательно очистил меч снегом и промокнул его подолом плаща. Сунул оружие в ножны и двинулся назад, ощущая, как с каждым шагом сходят с него ярость и усталость. Когда был на половине дороги, проклятия и мольбы чародея внезапно оборвались, завершившись протяжным криком. Кеннет-лив-Даравит остановился, но, кроме шума водопада, не услышал больше ничего.

Впервые за два последних дня улыбнувшись, он зашагал навстречу своим людям.

ВСЕ МЫ МЕЕКХАНЦЫ

Когда бы не та попойка, тяжелое похмелье и неловкость Велергорфа в сочетании с нервным мулом, они бы ни за что не раскрыли шпионов, не зайдя дальше пустых подозрений. Вечером Кеннет позволил людям чуть больше должного. В конце концов, от казарм их отделяло меньше дня дороги, в следующую ночь уже спали бы в собственных постелях, начав отсчет передышки дней в десять, заполненной ремонтом доспехов и оружия, муштрой, надраиванием снаряжения и прочими нудными солдатскими ритуалами. К тому же к Белендену вела прямая, словно стрела, имперская дорога. Могли они подняться порядком после восхода солнца и все равно добраться до казарм еще до ужина.

Он возвращался с патруля с половиной роты, то есть с двадцатью людьми и несколькими псами. Остальные отдыхали в казармах полка. Была это десятидневная спокойная прогулка по безопасной провинции, как раз чтобы в начале весны напомнить людям: Горная Стража бдит. Во времена мира полки действовали именно так: половина стражников в поле, другая – в казармах, чтобы оставаться на случай чего под рукой у начальства. Хотя послать в поле два десятка выглядело сущей насмешкой. С прошлой осени ему обещали как минимум еще человек двадцать – лишь тогда название «шестая рота» перестало бы напоминать дурную шутку.

В трактире, в дне дороги от Белендена, до одного из его солдат добралась весточка. Хавен Рицв, самый младший из его людей, стал отцом. На радостях он спустил половину месячного жалованья, проставляясь всем пивом, вином и водкой. Кеннет позволил им пить и развлекаться, патрулирование проходило спокойно, от казарм были в двух шагах. Что могло случиться?

Выходя утром во двор, он столкнулся в дверях с высоким черноволосым мужчиной, завернутым в обтрепанный лавандового цвета плащ. Брякнуло – и на землю упала лира.

– Прошу прощения. – У чужака оказался высокий, мелодичный голос. – Это моя вина.

Он поднял инструмент левой рукою, правая была перебинтована и подвешена на перевязи.

– Несчастный случай?

Чужак насмешливо фыркнул:

– Нет. Смелчак, господин лейтенант, мой, значит, конь, хотя вы наверняка правы – стоило бы назвать его Несчастливым Случаем. Из-за этой скотины возвращаюсь за Малый хребет, так ничего и не заработав. Что за музыкант, не могущий играть?

Кеннет усмехнулся, почувствовав укол беспокойства. Плащ, шлем и кольчугу он оставил в комнате, накинув лишь рубаху и стеганую куртку. У пояса его был обычный нож. И наверняка они не встречались вчера, так откуда бы тому знать его звание?

– И где это с вами случилось?

– На дороге между Лорстом и Чавером. С гор сошел медведь, а мой конь решил, что всадник – лишь помеха для бегства, потому сбросил меня, хотя до твари было шагов сто, не

меньше. Видно, такой же из него Смелычак, как из меня служитель Госпожи. И мне пришлось вернуться.

Кеннет вспомнил вчерашнюю беседу с трактирщиком. Хозяин что-то говорил о бродячем музыканте в компании слуги.

– А ученик?

– Учеником он станет через год-другой. А пока что просто носит вещи, помогает разбивать лагерь, ну и предоставляет какое-никакое общество, потому как в горах человек в одиночестве ногу сломает в дороге – и хоть с голоду подыхай.

Они шли в сторону конюшни. Офицер, продолжая улыбаться, занял место по правую руку от незнакомца.

– Вы совершенно правы, господин...

– О, простите. Мастер Энвар из Вереха.

– Идете за горы? Через Беленден? А потом? Перевалом Прохода Двоих, через Лысицу и вниз? Не успеете до ночи.

– И мысли такой не имею. – Музыкант легко усмехнулся. – Хорошо, если удастся нам добраться до перевала, а там заночуем в стражничкой. Мы и так поздно встали. Когда бы я не спешил, попросили бы вас о сопровождении, однако хочу сойти с гор завтра к полудню, а потому стоит выходить уже сейчас.

Они вошли в конюшню. Шесть лошадей стояли в загонах, а двух верховых и мула седлали в дорогу. Вверху, на сеновале, продолжали храпеть солдаты. Кеннет как раз шел устроить побудку. Они слегка заспались, ждал их теперь быстрый завтрак и еще более быстрый марш, если желали поспеть до сумерек. Он почти с завистью поглядел на лошадок музыканта и его ученика, уже оседланных и готовых к дороге. Крупный недоросль, наверняка спутник Энвара, как раз приторачивал переметные сумы на хребет выючного мула. При виде мастера скорчился и заторопился.

Из отверстия под крышей выглянул десятник.

– Уже на ногах, господин лейтенант?

– Да, Вархенн, судьба офицера – последним ложиться, первым вставать, и все такое. Спускайся.

– Уже иду, господин лейтенант. Голова аж разрывается...

– Насколько я помню, Вархенн, вы уперлись вчера, что каждый проставится в свой черед. Только псов и освободили от этой повинности.

Десятник болезненно улыбнулся, сел на край, сполз вниз, повис на руках и тяжело соскочил на пол. Покачнулся, ругнувшись, сделал пару быстрых шагов и, чтобы не упасть, легонько оперся о зад мула.

– Осторожно...

Музыкант не успел договорить. Скотинка издала дикий рев, будто почувствовав вдруг на шкуре медвежьих когти, и встала дыбом. Парень, пытавшийся приладить на ее спине очередной выюк, получил копытом в грудь. Выюк распался, и во все стороны полетели свитки, карты и бумаги. Кеннет глянул мельком. Рисунки гор, городов, селений, дорог.

– Вы не говорили, что вы еще и художник, мастер. – Лейтенант подошел к рассыпанным бумагам, одновременно подав рукою знак Велергорфу.

Внимание. Опасность.

– Это не я, это Маллен, господин лейтенант. Паренек. Позволяю ему рисовать, что захочет, иначе не оставил бы меня в покое. Может, придется отдать его в научение к художнику.

Музыкант, который позволяет ученику тратить время на рисование, вместо того чтобы заставлять его бряцать на лютне. Интересно. Офицер присел, поднял один из свитков, развернул его.

– Карты тоже он рисует? И откуда ты знаешь, что я лейтенант, если не ношу знаков различия?

Заскрежетало. В миг, когда офицер отвернулся, Энвар бросился на него, шелестя плащом. В правой руке, чудесным образом освободившейся от перевязи, он сжимал стилет с узким клинком. Кеннет швырнул ему в лицо карту, поймал за руку и, чувствуя, как нападающий переносит вес тела на выставленную вперед ногу, быстро повернулся так, что колено, должное ударить его в пах, попало в бедро. Попало больно.

Он навалился на фальшивого музыканта, слегка подался назад и ударил головой в лицо противника. Мужчина сумел уклониться, Кеннет не расквасил ему нос, но попал в скулу.

– Вархенн!

Свистнуло. Деревянное ведро-поилка описало короткую дугу, грохнуло шпиона по затылку – и все закончилось.

* * *

Побудка вышла боевой. В неполные три минуты солдаты отряда стояли при оружии и в полном облачении. Похмелье или нет, а оставались они Горной Стражей.

Пленника раздели до набедренной повязки и связали. Как и полагал Кеннет, правая рука его оказалась здоровой. Зато в одежде крылось множество неожиданностей. Нашли четыре метательных ножа, стальную гарроту, шпильку в шесть пальцев с закаленным острием и несколько маленьких бутылочек, наполненных жидкостями без цвета и запаха. Восемь отмычек и маленький ножик с острием из бронзы и медной рукоятью, весь покрытый пиктограммами. Когда Кеннет взял его в руку, ему показалось, что оружие вибрирует. Магия.

Собрались во дворе. Шпион лежал навзничь, почти нагой, по-прежнему не подавая признаков жизни.

Трактирщик подошел к офицеру и уважительно поклонился:

– Парень должен выжить, господин лейтенант. Сломаны ребра, пару дней будет без сознания, но коли боги дозволят – выкарабкается.

– Это хорошо.

Во всей этой суматохе помощнику досталось сильнее всех. Хотя, с другой-то стороны, местные мулы были знамениты тем, что ударом копыта могли убить горного льва. Парню, как ни крути, повезло. Однако Кеннет решил не рисковать и не нести его в таком состоянии в Беленден. Юноше надлежало оставаться в трактире, под охраной нескольких стражников, завтра за ним пришлют повозку. А вот более важного пленника они забирали с собой.

Он дал знак двум солдатам, что уже держали наготове ведра с водой.

– Не нужно. – Связанный внезапно открыл глаза. – Зачем бы мне идти мокрому?

Стражники взглянули на командира, тот спокойно кивнул.

Два потока ледяной воды ударили мужчину в грудь. Тот грязно выругался и попытался вскочить, но один из солдат вжал его ногой в грязь.

– Это предупреждение. – Кеннет встал над шпионом и заглянул ему прямо в глаза. – Ты не станешь больше притворяться потерявшим сознание. Если сделаешь так еще раз, прикажу сломать тебе руку – просто так, на всякий случай. Кроме того, если замерзнешь, то будешь двигаться быстрее, а я хочу оказаться в казармах до вечера. А теперь мы тебя развяжем, и ты оденешься.

Указал на старые портки, соломенные лапти и грязную рубаху, которые они позаимствовали у трактирщика.

– А моя одежда? – Даже лежа в грязи и трясясь от холода, пленник сумел подпустить в голос возмущения.

– В ней слишком много любопытных мелочей, а я не уверен, все ли мы нашли. Командир полка сообщит местным Крысам, а уж те осмотрят ее куда пристальней.

Агенты имперской внутренней разведки называли себя Крысами. Кеннет, говоря по правде, не знал ни одного из них, но полковник Акерес Геванр, командир Шестого полка, наверняка имел с ними контакты.

Лейтенант подал знак, солдат убрал ногу с груди шпиона и вздернул его вверх. Когда резали пути пленника, в руках у нескольких стражников появились взведенные арбалеты, но солдаты даже не стали в него целиться. Он не выглядел дураком.

Пленник, кривясь и трясясь от холода, натянул принесенные лохмотья, после чего ему снова связали руки за спиной.

– А теперь – выступаем. – Кеннет повысил голос, чтобы все его услышали. – Пойдем быстрым маршем, потому отлить и оправиться сейчас. Следующий отдых – в полдень.

Никто не стал возмущаться, все чувствовали, что дело серьезное. Среди бумаг и свитков, найденных при шпионе, были подробные карты не только всем известных дорог через горы, но и неофициальных проходов, узких тропок и едва расчищенных дорожек, которыми пользовались, главным образом, Горная Стража и бандиты. Местоположение части из этих путей тщательно держалось в секрете, поскольку во время войны, например, быстрое и безопасное перемещение войск имело в горах ключевое значение. Кроме того, среди набросков были пейзажи, изображавшие горные вершины, селения, города, одинокие башни стражи и тщательно, с нескольких сторон выполненный вид на Беленден. Подходы под стены, усиленный гарнизон, городские ворота. Парень, если это и вправду рисовал он, был сущим сокровищем – с такими-то руками и глазомером. Жаль, что, согласно имперским законам, эти руки будут отрублены, а глаза – вырезаны.

Коней оставили на месте, взяв с собой лишь мула, груженного вещами шпиона. Кеннет подозвал Велергорфа:

– Сколько человек здесь будет?

– Четверо. Приказы они получили.

– Хорошо.

Эта четверка станет присматривать за пареньком. Не только чтобы не сбежал, но и чтобы не порезал себе вены. Например.

– Строиться! – Лейтенант повысил голос. – Выдвигаемся через пять минут!

* * *

Не щадили его. Впрочем, как и себя. Быстрый марш Горной Стражи – это четверть часа трусцой и четверть часа быстрым шагом. Попеременно, порой многие часы подряд. Для того, кто привык путешествовать верхом, это оказалось убийственным, и уже час спустя шпион шатался и хрипел так, словно намеревался выхаркать легкие. Связанные за спиной руки бега не облегчали.

Они не держались какого-то установленного порядка. Перед шпионом и за ним маршировало по трое солдат, потом Кеннет с Велергорфом и остальной отряд. В хвосте волочился мул, испуганно кося выпученными глазами на сопровождающих его псов.

– Меекханские дворняги, – прохрипел пленник, впервые подав голос в середине второго часа марша, как раз когда они перешли на быстрый шаг. – Траханые имперские прислужники.

Кеннет проигнорировал его, занятый амуницией. Ремень, на котором он повесил новый щит, немилосердно впивался в плечи, пояс с мечом путался в ногах, а шлем натирал лоб. Кеннет снял его и старательно поправил выстилавшую внутренности кожаную плетенку.

К нему подбежал Хавен:

– Господин лейтенант, у меня просьба.

– Если это не касается пинка некоему сукину сыну, то слушаю.

– Я хотел бы найти камень для сына. На курган при беленденском спуске.

Кеннет позволил себе усмехнуться, когда вспомнил о новости, что добралась до стражника в трактире.

– В десять фунтов? И хочешь нести его до самого города?

– Да нет, господин лейтенант, такой обычный, с кулак.

– Знаю-знаю... Как встанем у ручья – поищешь. Только чтобы красивый отыскал.

– Будет как жемчужина, господин лейтенант! – Хавен отсалютовал, не останавливаясь, и занял место в колонне.

Тогда-то шпион и упал в первый раз.

– Меекханские дворняги, – прохрипел он с лицом, вжатым в землю.

Кеннет жестом поднятой руки остановил отряд, но прежде, чем успел подойти к пленнику, его опередил один из людей десятки Велергорфа. Кейв Кальн, по прозвищу Волк, слыл молчуном себе на уме, но не было лучшего разведчика и следопыта во всем Шестом полку. Одетый в легкий кожаный панцирь и наброшенный поверх него пятнистый кафтан с капюшоном, обычно он превосходно растворялся среди скал. Арбалет его был окрашен в черное, а дополняла его пара кинжалов и несколько ножей за поясом.

– Будешь бежать вместе с нами, или же прикажем тебя привязать к хвосту мула и поволочем за ним следом, – сказал солдат почти равнодушно. – В гарнизоне у нас есть чародей-лекарь, который склеит твои останки, даже если привезем ему безногий обрубок.

Шпион не столько вдыхал, сколько всасывал воздух отчаянными глотками. Горец ухватил его за плечо и поставил на ноги.

– Волк!

– Так точно, господин лейтенант. – Стражник выпрямился, отпустив пленника.

– Он должен дойти на собственных ногах и в таком состоянии, чтобы суметь говорить.

– Так точно! Но... Господин лейтенант, он меня оскорбляет.

– Считаешь себя меекханской дворнягой?

– Нет, господин лейтенант.

– А кем?

– Меекханцем, господин лейтенант.

Кеннет внимательно взглянул на него. В Кейве Кальне было пять футов восемь дюймов роста. Черные волосы, бледное лицо и светлые глаза. Не нашлось бы в нем и грамма лишнего жира. Когда б кому пришло в голову написать картину «Горец во плоти и крови», именно его мог бы выбрать за образец.

– Правда?

Такие слова были необычны. Большинство местных любили подчеркивать свои вессирские корни, как и то, что империя не сумела подчинить Север оружием, а присоединила его дипломатическими ухищрениями. Правда, вот уже триста лет смешанные браки и породнение семей постепенно обогащало местную кровь вкусом – как говорилось – юга, но горцы все еще могли обидеться, когда кто-нибудь по недомыслию называл их меекханцами.

– Вперед! А ты – ко мне. – Лейтенант кивнул Волку. Подождал, пока пленник отойдет на десяток шагов, и лишь потом зашагал сам. – Кейв, мы должны доставить его в казармы живым.

– Понимаю, господин лейтенант.

– И оставь необходимость подгонять пленника мне, в конце концов, мне за это и платят. Понятно?

– Так точно!

– На место, стражник.

Волк удалился рысцой.

– Что это он внезапно сделался таким из себя имперцем, Вархенн? Я-то – другое дело, у меня еще дед был меекханцем, фамилия не врет. Но Волк?

Десятник поглядел на него спокойно, а покрытое синими татуировками лицо не выражало ничего. Потом он слегка улыбнулся.

– Вы знаете, где мы находимся?

– Глупый вопрос, Вархенн.

– Нет, господин лейтенант, я спрашиваю не о городе или провинции, но только об окрестностях. Вы ведь не служили здесь раньше, а я – издавна, однако вы позволили Хавену поискать камень для сына на счетный курган, тот, что при спуске с Лысицы. А зачем это нужно?

– Местный обычай? Древняя традиция? Меня не спрашивай.

– Этой традиции едва четверть века, господин лейтенант. Что лежит за Лысицей?

– Долина Варес и путь на юг, к Калену.

– Верно, путь, которым купеческий фургоны едут в Новый Ревендат и обратно. Главная дорога, соединяющая нас с югом империи.

– Долина Варес... Это там се-кохландийцы вырезали половину Семнадцатого пехотного полка?

– Не половину, а едва третью часть, господин лейтенант.

– Ты там был?

На мгновение лицо десятника сделалось странно неподвижным, закаменевшим.

– Да, был. Вам рассказать?

Кеннет огляделся. Спокойствие, тишина, до следующей пробежки еще несколько минут. Шпион связан и под надзором, а вокруг нет пропасти, в которую тот мог бы броситься.

– Говори.

* * *

– Клянусь железным стручком Реагвира!

Кавер Монель, по прозвищу Черный Капитан, стоял на вершине Лысицы и смотрел на юг. Вид отсюда был прекрасный. На небе – ни облачка, солнце уже высоко на небосклоне, и пейзаж открывался, окажись у кого достаточно острое зрение, миль на пятьдесят. Поля, луга, рыбные озера, обширные куски леса, селения и города, соединенные сеткой дорог. Плодородный, богатый, населенный край.

Лысица была форпостом Малого хребта, горной цепи, в которую Меекханская империя уперлась во время своей военной экспансии. Точнее, империя перевалила через Малый хребет, лишь поглотив – хозяйственно и политически – земли Вессирской Лиги. И сделать это после серии неудачных войн ей удалось лишь путем длящегося вот уже несколько десятилетий процесса соединения родов, сплетения хозяйственных интересов и политических связей. Дело облегчалось тем, что вессирцы не чтили одного бога, но верили, что в пантеоне найдется место для всех; а потому воинственные культы, сотни лет создававшие теократии в других местах континента, не сумели склонить их к своим истинам. Так что религия не стала здесь проблемой. И все же долины между Малым и Большим хребтами, как и земли миль на пятьдесят к югу от Малого хребта, до самой реки Ванавен, все еще считались землями вессирскими. Будь у кого зрение исключительно острым, он смог бы с вершины Лысицы рассмотреть ту реку – серую полосу на горизонте.

Гора была едва ли не в милю высотой и выглядела так, словно некто взял огромный молот и ради забавы изо всех сил ударил в ее склон. Так возникла долина Варес, которая, по сути, долиной не была: овальная лохань диаметром в четверть мили, обьятая с двух сторон скалистыми отрогами и завершающаяся почти отвесной стеной самой Лысицы. Вход в эту как-бы долину не превышал пятидесяти ярдов в ширину. Вел туда имперский путь, каменная дорога,

на которой едва разъехались бы два фургона. Называли ее Калиткой Севера, поскольку было это единственное место на расстоянии почти в сто миль, где купеческие фургоны могли перевалить Малый хребет.

Хотя путь, ведущий на вершину Лысицы, и был узким, вырубленным в отчаянно отвесной стене, но построившие его имперские инженеры заслуживали любых почестей и похвал, какими в силах была одарить их человеческая память и благодарность. Тракт взбирался по откосам, насчитывал восемнадцать поворотов, а общей длины – без малого семь миль. Купеческий фургон, запряженный четверкой крепких лошадей, всходил на вершину за полный день. Но даже в этом случае добирался до Нового Ревендата куда быстрее, чем если бы ему пришлось ехать сто миль на восток, чтобы воспользоваться Большими Вратами.

Вот только нынче купеческий фургон взбирался бы на Лысицу дня три. А то и дольше.

– Словно стадо баранов. – Капитан сплюнул на землю, и было не понять – не то он раздражен открывшимся видом, не то попросту желает очистить рот от скопившейся желчи.

Молодой стражник дернул кадыком. Он и сам бы охотно сплюнул, избавившись от кома густой, липкой флегмы, забившей горло, но не мог. Как правило, офицеру позволено куда больше, чем солдату. Лучшая плата, лучший постой, лучшие порции из общего котла. И право сплевывать, когда пожелает.

Однако нынче он не поменялся бы местами со своим капитаном и ради всех этих несомненных привилегий.

– Значит, ты – мой вестовой? Как звать?

– Вархенн, господин капитан.

Черный Капитан отвел взгляд от долины и внимательней всмотрелся в него.

– Бергенец, что ли? – Он остановил взгляд на племенных татуировках, покрывавших щеки, лоб и тыльную часть ладони молодого стражника.

– По матери и отцу.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, господин капитан.

– А я – зять императора. Сколько, спрашиваю!

– Пятнадцать.

– Ну так-то лучше. Умеешь этим пользоваться? – Капитан ткнул пальцем в тяжелый топор, заткнутый за пояс юноши.

– С детства, господин капитан.

– Это хорошо, пригодится. Что об этом думаешь? – Офицер указал на долину.

Стражник глянул вниз. С этой высоты дно ее казалось волнующимся морем. Люди, животные, фургоны – все перемешано и спутано в огромный гобелен. В горловину долины вливались все новые группы беглецов, ищущие спасения. Имперская дорога была забита людьми, телегами, перегоняемыми стадами. Даже стоя здесь, на высоте, он слышал эту толпу. Голоса людей и крики животных сплетались в грозную, мрачную какофонию. Паника – вот какое слово жгучим комом поднималось в его горле. Одна фраза, один крик о появившихся всадниках – и вся эта масса рванет в сторону дороги, ведущей на Лысицу, примется давить, топтать и умирать. Сперва старики, женщины и дети, а потом остальные. Одно слово убьет больше людей, чем наступающая армия.

Он не знал, что сказать.

– Я тоже так думаю. – Капитан стоял, широко расставив ноги, сунув пальцы за пояс, черненная кольчуга, которую обычно он носил поверх черного кожаного панциря, глухо брякала. – Се-кохландийцы загоняют их, словно рыбу в невод. А завтра, самое большее послезавтра появятся, чтобы выбрать лучшие куски.

Это прекрасно понимали все. Империя вот уже три года шаталась под ударами армии кочевников. Итогом войны стали пока что пять крупных проигранных битв и неисчислимое

число стычек и боев, развеявших миф о непобедимости меекханской пехоты. Кочевники были не какой-то там бандой, которой удалось проскользнуть на территорию империи, но – стотысячной, вымуштрованной в боях конной армией, прекрасно управляемой и умеющей использовать свое превосходство. Передвигались они в два раза быстрее, чем пользующиеся сетью имперских дорог меекханские полки, избегали битв, если не обладали по крайней мере двукратным превосходством в людях, ударили там, где были уверены в победе. Армия кочевников состояла из пяти больших, двадцатитысячных отрядов, а их боевые а'кееры, насчитывающие от ста двадцати до ста пятидесяти лошадей, могли появиться в любом месте к северу от Кремневых гор. Грабили, жгли, убивали и уничтожали все, что оказывалось у них на дороге. А ведь центральные провинции империи вот уже почти триста лет наслаждались миром. Селения, городки, даже большие города не имели стен и были словно отворенные ульи для роя обозленных, голодных шершней.

Десять дней назад пришла весть, что два из этих отрядов свернули на северо-запад, пересекли реку и вторглись в подгорные провинции. Тридцать, сорок тысяч всадников легко разгромили два имперских полка, насчитывавших не более пяти тысяч человек. И принялись сеять смерть. Оба стражника знали: еще вчера небо закрывали дым от горящих селений и городов. Нынче небосклон был чист, но это лишь усиливало ощущение угрозы. Не зная, где находится враг, в сто раз хуже, нежели иметь его прямо перед глазами.

Только вот се-кохландийцы могли теперь не спешить. Капитан Монель был прав: долина Варес – невод, в который жители провинции давали себя загнать, словно неразумные зверушки. Десятки тысяч людей двигались сюда с телегами, груженными всем нажитым скарбом, будто не помня, что дорога к вершине даже у пешехода налегке занимает половину дня. Фургон въезжал по ней целый день, и это при условии, что в него впрягли сильных, здоровых животных, а сам он не был чрезмерно нагружен. А нынче вверх тянулись огромные, тяжелые сельские телеги, до краев полные разнообразным добром и влекомые одной-двумя худыми и ослабленными многодневным бегством клячами. Голова человеческой змеи, взбирающейся на Лысицу, прошла едва ли треть пути. Вархенн знал, что у нее нет ни шанса добраться до вершины к ночи. Долина оказалась смертельной ловушкой.

Капитан вздохнул и снова сплюнул.

– Иди к лейтенанту Каваццу и передай, чтобы тот со своей ротой начал спускаться к подножию дороги. Все телеги нужно убрать с пути, животные могут остаться, но при условии, что не будут задерживать движение. Если кто из них начинает сдавать – резать и волоочь в сторону. На каждом витке пусть поставит двух-трех людей: контролировать ситуацию и подгонять толпу. Никаких простоев. Если кто не сможет справиться, должен уступить дорогу другим. Прочих стражников пусть оставит, им переводить людей на ту сторону, никаких задержек вверху, потому что забьют нам перевал. И пусть их считает. Хочу знать, сколько перейдет через Малый хребет. Я с остальными ротами сойду по стене, сперва третья и восьмая, последней – моя. Пошел!

Молодой стражник кивнул, отсалютовал и помчался в сторону невысокой башни, где ожидал остальной отряд. Черный Капитан привел к Лысице четыре роты, первую, третью, восьмую и десятую из Четвертого полка Горной Стражи. Всего неполных четыреста человек. Приказ они получили меньше пяти дней назад, что свидетельствовало о серьезных проблемах с системами связи, обычной и магической. Се-кохландийские отряды часто шли с сильными племенными шаманами, жереберами, которые с яростным упорством охотились за имперскими чародеями, особенно за теми, кто служил в войске. Таким образом, у армии медленно выламывали клыки, ослепляли и оглушали ее. Сеть же конных гонцов уже давно была разорвана летучими а'кеерами. Кочевники перехватили инициативу, и империя медленно проигрывала войну.

Лейтенант Девен Кавацр, командир первой роты, ни слова не сказав, выслушал приказ и двинулся со своими людьми в сторону спуска. Выпало ему самое неблагоприятное занятие. Но, чтобы хоть кто-то смог выйти живым из ловушки, какой стала долина, необходимо было расчистить путь. Пеший поднимался на гору в два раза быстрее, чем телега, и эта истина обрекала их на определенные действия, поскольку Горная Стража должна прежде всего защищать людей.

Вархенн передал двум другим лейтенантам приказ приготовиться к спуску. Им следовало попасть на дно долины, используя веревки, крюки и ледорубы. Стража умела взбираться по почти отвесным стенам, а потому задание не заняло бы больше двух часов. Когда он бежал обратно к капитану, третья рота как раз начала готовиться к выполнению приказа. Вниз полетели мотки веревок, и первые стражники исчезли за скальными выступами – должны были оказаться внизу раньше, чем рота Кавацра доберется до головы упорно взбирающейся вверх человеческой змеи.

Вархенн застал капитана стоящим на прежнем месте – тот всматривался в горизонт. На юго-востоке появился столб черного дыма, быстро поднимавшийся вверх. Заметив юношу, офицер заговорил:

– Аберех. Малое село. Двадцать пять миль отсюда. Два-три часа неторопливой рысью. Но по дороге есть рыбные озера с теми проклятыми узкими дамбами, а еще речка и лес. Когда бы кто-нибудь там, внизу, имел голову на плечах, можно было бы устроить преотличную засаду. Говорю тебе, нет ничего лучше, чем конница на дамбе и пятьдесят решительных парней с добрыми арбалетами в руках.

– Так точно, господин капитан.

– Ты мне здесь не «такточноствуй», парень. Сколько там внизу людей? Как полагаешь? Молодой стражник взглянул в забитую долину.

– Двадцать тысяч?

– Нет, парень, как минимум тридцать. А может, и больше. Здесь собрались жители Маавах, Лавердона, Старого Опанна и Калесс. И всех окрестных сел. И в два раза больше – в дороге, будут прибывать весь сегодняшний день и всю ночь. Утром здесь окажется шестьдесят тысяч душ, половина провинции, втиснутая в одну пятую квадратной мили. Причем не считая скота, овец, коз и свиней. Знаешь, что это значит?

– Что будут долго всходить наверх?

Капитан остановил на паренке проницательный взгляд. Пристально всматривался в его лицо, словно в поисках хотя бы тени насмешки.

– Это тоже, малой. Но еще – и я могу тебе это сказать наверняка – там не осталось никого, чтобы сражаться. Здесьние земли – нелучшее место для конницы. Поля разделены лесами, озерами и каналами, узкие дороги, скользкие дамбы, два крупных водоема. А они дают загнать себя в ловушку, словно скот, идущий под нож. Это ведь тоже vessirцы, как ты или я, но триста лет меекханского владычества сделали из них южан. Они превратились в меекханцев, мягких и трусливых. Привыкших, что другие подставляют за них шею. Смотри, как удирают... – Он снова сплюнул, на этот раз уже с нескрываемым презрением. – Триста лет назад ни один всадник из этого отряда не вернулся бы на восток. Каждое село им пришлось бы захватывать дом за домом, каждый шаг оплачивали бы кровью. А теперь кочевники заявили, словно охотники, отслеживающие зайца в загоне. И животинка даже не в силах убежать по-умному.

Он отвернулся к долине спиной.

– Идем вниз. Держись за мной.

Спуск проходил быстро и умело. Из куска веревки вязалась простая, но никогда не подводящая упряжь, ее переплетали с главной веревкой. Съезжали прыжками, отталкиваясь ногами от скальной стены. Хорошо вышколенные стражники могли опуститься на дно пропасти в несколько сот фунтов глубиной меньше чем за десяток минут. К счастью, веревками и упряжью нужно было пользоваться лишь в самом начале. Футов триста отвесной скалы, а вот сле-

дующие полторы тысячи они одолевали уже осторожней, спускаясь между густо растущими деревьями. Лес, покрывавший склоны, что охватывали долину, состоял в основном из растущих над обрывами здешних сосенок, а те умели втиснуть корни в самую крошечную скальную щель, цепляясь за камни, словно скупец за последний медяк. Но все равно существовала немалая вероятность, что безумец, который сюда ползет, полетит вверх тормашками, ломая все кости. Именно потому они шли в группах по несколько человек, связанные друг с другом, выверяя каждый шаг.

Вниз они добрались в тот миг, когда над ними, на дороге, начали разыгрываться первые из малых трагедий. Видели все куда лучше, чем им хотелось, несмотря на расстояние: замешательство, сутолоку, солдатские команды. А потом одна из телег, медленно ползущая во главе группы беженцев, оказалась молча и грубо сброшена вниз. Две трети вырубленного в горе пути вели через лес, а идущая зигзагом дорога была разделена полосами деревьев. Потому телега не обрушилась на головы идущих ниже людей, а только ударилась о ствол дерева и переломилась пополам. Те, кто был внизу, отчетливо видели высыпавшиеся из нее узлы, сундуки, ящики, какие-то свертки. Некоторое время ветер даже доносил женские причитания, когда владелица телеги принялась оплакивать свои богатства.

А может, именно потому, что все смотрели в сторону вершины, на их прибытие внимания сперва не обратили.

* * *

– Господин лейтенант, время.

Кеннет огляделся, будто отряхнувшись от чар. Вархенн умел рассказывать как никто другой в роте. Долгими зимними вечерами, когда метели отрезали казармы от мира, он мог сплетать истории, которые похищали у людей время на сон и заканчивались лишь с рассветом. Но никто никогда не жаловался. А истинное мастерство десятник демонстрировал, рассказывая о делах, в которых сам принимал участие.

Нечто в голосе его, в том, как он жестикулировал, в том, как горели его глаза, действовало, словно магнит. Лейтенант поглядел вправо-влево. Несколько стражников приблизились, прислушиваясь, к ним с Велергорфом. Строй начал ломаться, и все выглядело так, словно никому не помешала бы небольшая пробежка.

– Ладно. Стража, бегом. На раз-два-три!

Они побежали.

Четверть часа трусцы по ровной, каменной дороге – такое для солдат Горной Стражи почти отдых. Через десяток-полтора шагов ноги сами ловят ритм, дыхание выравнивается, руки начинают работать, помогая закачивать воздух в легкие. Кеннет уже чувствовал, что щит перестает тянуть к земле, а шлем больше не натирает. Когда бывало нужно передать горными тропами важную весть или быстро добраться до места, где видели некую подозрительную банду, солдаты могли бежать в таком темпе и половину дня. Из-за скорости их порой называли горной кавалерией.

Однако для шпиона такой бег мог оказаться чрезмерным усилием. Потому, когда он раз другой споткнулся, Кеннет вскинул руку, приказывая вернуться к маршу. Подошел с десятником к пленнику.

Фальшивый музыкант, согнувшись в поясе, тяжело дышал, грязная одежда смердела старым потом, волосы липли к черепу. Он ничем уже не напоминал того элегантного, уверенного в себе мужчину, с которым Кеннет столкнулся в дверях нынче утром.

Лейтенант жестко поднял его и приложил к губам пленника флягу.

– Пей, – приказал офицер. – Если начнется обезвоживание, тогда и вправду придется привязывать тебя к хвосту мула.

Пленник послал ему взгляд, которым и хотел бы выразить презрение, но такого непросто добиться, когда задыхаешься, хватая каждый вдох, как если бы тот был последним, а одновременно кто-то еще и вливает тебе в рот воду. Он поперхнулся, закашлялся.

Лейтенант спокойно убрал флягу.

– А неплохая была идея с рукой, знаешь? Ты мог путешествовать по всей провинции – либо как раненый, ищущий лекаря, либо как музыкант, возвращающийся за Малый хребет, чтобы вылечиться. Всякое направление было бы хорошо, и каждый раз ты мог бы убедительно объясниться, верно? К тому же ученик, который на отдыхе что-то там себе рисует. Но я готов поспорить, что самые важные вещи ты скрываешь в голове, правда?

Шпион перестал кашлять и пристально поглядел на него. На этот раз ему почти удалось изобразить гордость и величественность. Он молчал.

– Пей. – Кеннет снова приложил ему флягу к губам.

Пленник сделал несколько длинных глотков, после чего тряхнул головой.

– Ладно. Не хочешь – не нужно. Часа через два встанем на отдых, там получишь какой-нибудь еды и снова напьешься.

– Чей он может быть, господин лейтенант? – Десятник поглядывал на шпиона, кривя татуированное лицо. – Виндерский? Хазерский?

– Не знаю. Но уж Крысы-то это из него вытянут. Умельцы в своей работе. Я бы сказал, что он – винде’кан-нин. Рог у нас все так же торчит за восточной границей, и они давно уже мечтают его обломать. Верно, дружище?

Взгляд пленника не изменился ни на йоту. Офицер холодно улыбнулся.

– Ладно, Вархенн, хватит болтовни, идем дальше, а ты рассказывай.

– А на чем я закончил? А, вспомнил, мы съехали тремя ротами и смотрели, как люди лейтенанта Кавацра расчищают путь. А потом и мы принялись наводить порядок. Одна рота отправилась к устью долины останавливать телеги и животных. С этого времени только люди имели право войти внутрь. Вторая помаршировала к началу дороги в гору. Капитан же тем временем пытался договориться с одним чародеем, которого мы повстречали в долине.

* * *

Когда присутствие стражников заметили, к ним властным шагом подошел мужчина в синей бархатной одежде.

– Вы кто? – У него был глубокий и спокойный голос. Удивительно для кого-то, стоящего перед тремя сотнями вооруженных до зубов солдат самого бандитского вида.

– Горная Стража. – Кавер Монель небрежно продемонстрировал плащ с нашитым спереди номером полка. – А ты кто?

– Мастер Барен-кла-Вердонелл. Чародей. Сейчас исполняю функцию бургомистра Маа-вах. Предыдущий бургомистр не справился. – Мужчина махнул рукою куда-то за спину. – Что там происходит?

Мог и не уточнять, где именно. Ветер все еще доносил вниз вой женщины. Стоны и причитания людей, собравшихся в долине, набирали силу.

– Расчищаем дорогу. При нынешней скорости даже десятая часть беглецов не успеет взойти на Лысицу, прежде чем появятся кочевники.

– По какому праву?

Капитан холодно улыбнулся.

– По императорскому. Именно мы отвечаем за горные тропы, а эта дорога – одна из них. Наверх будут всходить только пешие, фургоны и животные задерживают движение. Это не оспаривается.

Мужчина молчал мгновение, после чего ответил похожей улыбкой – настолько же холодной и взвешенной.

– Слава богам, наконец хоть кто-то с головой на плечах.

– Здесь есть другие чародеи?

– Был мастер Ванель. Владел чарами в аспекте Туч и Луча, – объяснил чародей. – Тропа Света, как говорится. Позволяет путешествовать быстро и на большие расстояния. Исчез совсем недавно вместе с несколькими богатыми купцами. Забрал столько человек, что мог прибыть на место со спекшимся мозгом. Но это его выбор.

– А вы, мастер? Какой аспект?

– Хотите знать, пригожусь ли я для чего-нибудь? – Барен-кла-Вердонелл улыбнулся одними губами. – Нет, я так не думаю. Я вовсе не знаменитый архимаг. Простенькие чары с Тропы Воздуха, аспектированные Дыханием и Гнездом. Предсказываю погоду, предостерегаю от близящихся бурь. Если день хорош для меня, могу разогнать градовую тучу или, по крайней мере, оттянуть начало бури. В городе я бы не заработал на хлеб, но в селах я знаменитый и ценный член местной общины.

– Другие чародеи? – Офицер махнул рукою в сторону толпы.

– Нет, нету. Кроме Ванеля в этих краях был только старый Галех, но и тот умер в прошлом году, и на его место пока никто не позарился. Ведь большинство одаренных тянутся в крупные города, к богатым гильдиям. Чтобы осесть здесь, нужно или любить жизнь в деревне, или не иметь выбора, потому что аспект, которым ты владеешь, в другом месте мало на что годен. – Чародей пожал плечами. – Разумеется, есть несколько сельских заклинателей и знахарок, некоторые слегка владеют Силой, но я не думаю, что они смогут пригодиться. В отряде, что к нам приближается... Даже с такого расстояния я чувствую завихрения, деформацию... Это непросто объяснить кому-то, кто сам не одарен. Там как минимум десять жереберов.

Капитан кивнул.

– Вы можете чувствовать их чародеев? Установить расстояние?

– Мне этого не нужно. Я владею Тропой Воздуха, а воздух переносит звук. Слышу их. – Он прикрыл глаза. – Ближайший а'кеер в двадцати милях отсюда, около ста коней. Разведка. Осторожно едут плотиной меж двух озер, часть остановилась и поит коней. Наверняка вскоре отправятся дальше. Но я уверен, они не прибдут сюда до утра, разве что рискнут путешествовать ночью. И в любом случае не успеют раньше солдат.

– Солдат? Вы уверены, мастер?

– Мерный, ритмичный шаг нескольких сотен людей, звуки барабана, бречанье железа. Армейский отряд – три, может, четыре роты. Фургоны. Не знаю сколько. Они милях в десяти к востоку от нас, идут дорогой на Га-ренс, вдоль гор. Приближаются. Только это и скажу.

Вархенн откашлялся.

– В Гаренсе казармы Семнадцатого полка, господин капитан.

– Вроде бы Семнадцатый был разбит.

– Знаю. Вместе с Двадцать третьим. Но... Гаренс дальше на севере. Может, они просто не успели принять участие в битве.

– Посмотрим. – Улыбка капитана казалась щелью на леднике. – Я охотно встречусь с офицером, который уводит своих людей подальше от врага.

* * *

Бег закончился. Кеннет поправил щит, подтянул пояс с мечом. Они одолели почти половину дороги, еще пара циклов – и устроят длинный привал. Нужно будет что-то съесть и попить. И все же шпион выглядел так, словно был готов вот-вот рухнуть в обморок. На этот раз марш, похоже, несколько подзатянется.

– Полчаса шагом, – приказал лейтенант. – Черный и вправду был таким сукиным сыном? Велергорф широко усмехнулся.

– Даже большим, только вот моя память, как всегда, приукрашивает правду. Помню, как однажды он приказал третьей роте целую ночь бегать вокруг казарм, потому что трое солдат припозднились, возвращаясь из увольнительного. Ничего серьезного, рота и так сидела на зимовке, а парни пошли на свадьбу к семье и слегка перепили. Но... каждый из нас дал бы покрошить себя на кусочки за него.

– Интересно, с чего бы?

– Он никогда не отдавал приказ, который невозможно было выполнить, и никогда не посылал людей на смерть, чтобы покрыть себя славой. Ровно столько мы знали наверняка. А еще он никогда не требовал унижаться перед собой только потому, что он офицер и дворянин. И он всегда выполнял приказы...

* * *

—Нет. Это невозможно.

Вархенн сдвинулся чуть в сторону, чтобы высвободить руку и в случае чего быстро выхватить оружие. Ситуация становилась интересной.

Наведение порядка на дороге заняло целый день. В конце концов им удалось установить хоть какой-то осмысленный темп. Солдаты уже расчистили подъем от повозок, и голова колонны беглецов как раз достигла вершины Лысицы. Внизу телеги отводили в сторону, животных выпрягали и собирали в большое стадо. Вскоре их должны были начать резать, поскольку капитан не намеревался оставлять кочевникам ни одного коня, ни одной коровы, овцы или козы. То, что беженцы не сумеют внести на гору на себе, будет сожжено. Долина превратится в кладбище, а кочевники получат лишь пепел и трупы тысяч животных. Ничто здесь их не оденет, не вооружит и не насытит. Таковы были приказы, и Черный Капитан собирался выполнить их до конца.

Разве что в следующую секунду он умрет.

– У меня тоже есть свои приказы, капитан. – Пехотный офицер поправил плащ, легко прикоснувшись к зелено-черной оборке. – И мне не нужно, полагаю, говорить, что я привык их исполнять...

Вархенн отвел взгляд от полосы, оторочивающей плащ пехотинца. Младший полковник, говорили знаки отличия. Десятники носили бронзу, лейтенанты – багрянец, капитаны – желчь, полковники – зелень, генералы – синеву. Добавление черного означало звание на полстепени ниже, белизны – вполовину выше. Но всего важнее, однако, было то, что эта зелено-черная полоса имела больше власти, чем грязно-желтый с добавлением белого, обметывавший плащ капитана.

Полковник глянул через плечо и подал несколько знаков. Становилось горячо.

Солдаты прибыли далеко за полдень, две роты тяжелой пехоты, рота арбалетчиков и рота артиллерии с грузенной на телеги дюжиной скорпионов и четырьмя онаграми. Вархенн и капитан смотрели, как они приближаются, восемьсот пропыленных, идущих нога в ногу людей, а за ними двадцать фургонов с механизмами и амуницией. Тяжелая пехота, гордость империи, теперь выглядела как стая призраков: серые щиты, серые панцири, серые лица с глазами, приглашенными усталостью и чувством поражения. Впервые за много лет солдатам пришлось помериться силой с врагом, у которого они не смогли выиграть. Кочевники в битве не вставляли лицом к лицу, не бросались в безумные атаки, какие можно было отразить стеной ростовых щитов и градом дротиков. Даже до гор доходили рассказы о сражениях, в которых всадники носились по полю битвы на быстрых конях, засыпая шеренги меекханской пехоты таким количеством стрел, что у солдат опускались руки под весом сотен древков, торчащих из щитов. С

пятидесяти шагов, на полном скаку, се-кохландийский всадник мог попасть в лицо, на мгновение мелькнувшее над щитом. И это ломало воинскую мораль вернее, чем сотни проигранных битв. Когда ты можешь лишь стоять на месте и прятаться за щитом, чувствуя, как растет его тяжесть, – даже у лучших из лучших опускаются руки.

Отряды копейщиков, столь эффективные в других войнах, просто-напросто выбивались стрелами, и теперь численность их везде уменьшилась до одной роты на полк. Пытались увеличить и количество лучников и арбалетчиков в каждом подразделении, но для подобных изменений было слишком поздно. Хорошего стрелка нужно готовить годами, а этих лет империя не имела. Кое-кто полагал, что Меекхану остались считанные месяцы, что, мол, если не в этом году, то в следующем ей придется уступить половину территории, все земли к северу от Кремневых гор и подписать с Отцом Войны се-кохландийцев унижительный мир. Многие уже предвещали конец Меекханской империи, и, глядя на колонну призраков, что приближалась с востока, Вархенн готов был признать их правоту.

– Вы здесь командуете, капитан?

Это были первые слова, раздавшиеся из уст командира прибывшего отряда. Странно, но он безошибочно выделил Черного среди хаоса, все еще царившего у входа в долину. Число уводимых в сторону повозок росло, как и стадо животных, что отчаянно мычали, ревели и визжали. Лейтенант Варех-кэ-Леваль, на шее которого висело руководство этим бардаком, управлялся с ним на диво простым и действенным способом: с двадцать тяжелых и солидно сбитых повозок он поставил по обе стороны дороги и связал их цепями, сузив проход до нескольких локтей. Это позволило контролировать ручеек беглецов, отделять животных от людей и удерживать прочие фургоны снаружи. Очередные партии беженцев добирались до преграды, но возмущаться или пытаться применить силу решались лишь немногие. Выражения лиц солдат не позволяли относиться к ним несерьезно.

Несмотря на это, здесь еще царила изрядная сумятица, взрослые кричали, дети плакали, животные ревели, порой доходило до толкотни и стычек между беженцами. Однако командир приближающейся колонны заметил в этом бардаке стоящего чуть в стороне офицера и безо всяких колебаний направился к нему. Вархенн считал выражение на лице капитана и приготовился к проблемам.

– Я, господин младший полковник. Старший капитан Кавер Монель из Горной Стражи. Четвертый полк... – и оборвал себя с почти оскорбительным выжиданием.

– Полковник Дарвен-лав-Гласдерн. Семнадцатый пехотный полк. – Офицер усмехнулся и чуть поклонился: вежливо, словно ожидая взаимности со стороны младшего по званию.

Зря. Черный Капитан лишь смерил его ледяным взглядом, оценивая кольчугу, шлем и пояс с мечом. Все было запыленным, но не выглядело побывавшим в битве. Полковник смотрелся на тридцать – тридцать пять лет, был гладко выбрит, со светлыми волосами и спокойными карими глазами. Напоминал придворного щеголя, а не офицера имперской армии.

– Вы участвовали в битве? – Еще один вопрос, заданный тоном, за который уже можно было получить вызов на поединок.

Командир Семнадцатого будто не обратил на это внимания.

– Нет. Мы должны были удержать брод на Валесе, чтобы нас не обошли с флангов, пока остальные попытаются выстоять. Но никто не появился, а вместо этого до нас дошла весть о поражении. Оба наших полка вырезаны. Только это мне и известно. Я получил приказ перейти Малый хребет и увести людей на восток, к Арс-Гавеллен. Там назначено место сбора.

– Приказ? Могу его увидеть?

Вот проклятие.

Младший полковник чуть выпрямился и взглянул капитану в глаза. Он уже не улыбался, а взор его утратил мягкое выражение.

– Нет, капитан. Не можете. В имперской армии младшие по званию не расспрашивают старших и не проверяют их приказов.

– Согласно привилегиям, данным Горной Страже императором Хелленрорфом, наши звания считаются на полстепени выше от обычной армии. А потому мы равны.

– Эта привилегия действительна лишь в горах.

– А мы и есть в горах, господин младший полковник. Эта долина и все, что вокруг нее, – вессирская территория. Как раз горы. Здесь всякий из моих солдат – десятник для ваших людей. Даже он, – указал капитан на вестового.

Вархенн пожалел, что не находится далеко. Очень далеко, где нет офицеров, грызущихся друг с другом насчет вопросов иерархии.

Какой-то миг полковник мерил паренька взглядом. Молча.

– А какие приказы получили вы? – Он наконец перевел взгляд на капитана.

– Организовать переход через Малый хребет людям, скольким удастся, не оставляя кочевникам ничего ценного, никакой добычи, никаких животных, и удерживать проход через горы. В такой вот очередности.

– Тогда организуйте переход для нас. И только. Прежде чем солнце закатится, мы будем на вершине.

– Нет. Это невозможно, – сказал капитан, а командир остатков Семнадцатого полка легонько огладил оборку своего плаща, дав понять, что привилегии от мертвых императоров не настолько уж обязательны, после чего и дал знак своим людям.

Наверняка те приготовились заранее, зная, что вход в долину блокирован. За спиной полковника солдаты демонстративно вдевали руки в петли щитов, а группки арбалетчиков словно невзначай занимали позиции на флангах. На баррикаде, преграждавшей вход в долину, тоже началось движение. Лейтенант кэ-Леваль быстрыми жестами собирал стражников. На несколько ударов сердца установилась тишина, гражданские замолчали, с ужасом глядя на готовящихся к схватке солдат, даже животные утихли, будто чувствуя близящуюся резню.

– Так как насчет перехода, господин капитан? – Полковник скользнул взглядом по баррикаде. – Мы его получим?

И приподнял брови, когда услышал насмешливое фыркание.

– Я кое-что покажу вам, полковник. – Черный Капитан приглашающе взмахнул рукою. – Вы поймете.

Они подошли к баррикаде, Вархенн шагал следом. Капитан широким, хозяйским жестом обвел долину. С этого места взгляд невольно останавливался на прямой, словно стрела, дороге, которая от подножия начинала взбираться укосами на вершину Лысицы. Командир Семнадцатого некоторое время просто стоял и смотрел. Люди, животные, повозки... Долина была без малого в пятьсот ярдов длиной и в половину больше – шириной, но хоть так, хоть эдак, а казалось, что наполнена до краев. С такого расстояния человеческая колонна на дороге походила на серую змею, медленно ползущую вверх.

– Шестьдесят тысяч беженцев, а может, и больше. – Капитан говорил тихо, спокойно. – Мужчины, женщины, дети и старики. В большинстве – вессирцы с плато. И я расскажу вам, что случится, если вы попытаетесь выполнить приказ. Вам придется войти в долину, протолкаться между всеми этими людьми и начать подниматься на гору крутой, узкой дорогой, которой сейчас идут пятнадцать тысяч человек. Вам придется сталкивать их с дороги щитами и древками, вам придется колоть мечами тех, кто станет сопротивляться. Сотни трупов, тысячи раненых. Ваши фургоны с механизмами заблокируют дорогу на несколько часов. Купеческие повозки обычно останавливаются у подножия на ночь, чтобы животные могли отдохнуть перед подъемом, а ваши кони шли без передышки как минимум пару дней. Вы заблокируете дорогу наверх, а это значит, что внизу кочевники устроят резню. Убьют всех стариков. Детей, женщин

и здоровых мужчин возьмут в рабство и погонят на восток. А вы, взбираясь наверх, будете на это смотреть.

– Но...

– Нет, полковник. Никаких «но». Ближайший а'кеер в шести милях отсюда. Пока что это разведка, но их главные силы, где-то тридцать тысяч человек, будут здесь завтра утром. Даже если начнете восхождение сейчас, то, когда они придут, вы все равно одолеете меньше двух третей дороги. И заверяю вас, сверху все прекрасно видно.

Вархенн смотрел, как полковник поворачивается и подает знак своим солдатам. Щиты снова переместились за спины, арбалетчики вернулись в колонны. Он медленно выдохнул.

Дарвен-лав-Тласдерн, младший полковник, последний из оставшихся в живых высших офицеров Семнадцатого пехотного полка, стоял у входа в долину и смотрел. Было у него настолько непроницаемое лицо, что казалось, будто на него надета маска.

* * *

Велергорф прервался и потянулся за флягой. Сукин сын знал, когда сделать перерыв. Кеннет осмотрелся. Конечно же, установленный порядок движения развалился, казалось, даже собаки подошли ближе и прислушиваются к рассказу, а шпион перестал тяжело дышать, бормоча проклятия себе под нос.

– Я и не знал, что у Семнадцатого был приказ перейти через горы... – раздалось сбоку.

Лейтенант оглянулся. Волк.

– А разве не ты должен идти главным дозором?

– Хавен поменялся со мной, господин лейтенант. Он торопится сильнее прочих, а еще говорит, что уже сто раз слышал этот рассказ.

– Ты тоже, Волк.

– Верно, но не от кого-то, стоявшего подле Черного Капитана и видевшего собственными глазами полковника лав-Гласдерна.

Оба взглянули на десятника. Тот же припал к фляге, сделал несколько больших глотков, закрыл ее, взболтнул, вслушиваясь в плеск, неторопливо открыл снова и отпил еще раз, потом закрыл, повесил на ремень, тряхнул головой, снова потянулся к поясу...

– Вархенн...

– Да, господин лейтенант? – Покрытое татуировками лицо выглядело совершенно невинно.

– Если тотчас не начнешь рассказывать, мне придется представлять кого-нибудь к повышению – сразу же после рапорта о трагической случайности, лишившей меня десятника.

– Точно-точно, – пробормотал кто-то сзади. – Например, он мог напороться на низко летящую арбалетную стрелу.

Кеннет чуть усмехнулся.

– Итак?

* * *

Вархенн смотрел, как полковник поворачивается и идет в сторону своего отряда. Темно-синий пропыленный плащ печально свисал с его плеч. Странно, но казалось, что с каждым шагом офицер выпрямляется, ступает все легче и свободней. Молодой вестовой готов был поспорить на свое годовое жалованье, что на выбритом лице полковника появилась улыбка. Черный Капитан молчал. Парню впервые пришла в голову мысль, что и молчание может быть чрезвычайно красноречивым.

– А теперь посмотрим, – пробормотал он наконец.

- На что, господин капитан? – отважился спросить мальчишка.
- На то, из железа этот меекханец или из дерьма.
- Понимаю, господин капитан.
- Это хорошо, парень. Это хорошо.
- К ним подошел чародей. Лицо у него было неважнецким.
- Дурные вести?
- Тот главный отряд... Они поехали быстро. Очень быстро. Как минимум рысью. И разделились на три части, – он указал рукою на восток, запад и юг.
- Загоняют отстающих. Хорошо знают, что отсюда им бежать некуда. Когда доберутся до нас?
- При такой скорости? С вершины Лысицы уже наверняка заметен ближайший отряд. А утром увидим их здесь.
- Капитан кивнул:
- Значит, подождем их на месте.
- Некоторое время он молчал.
- Мастер, у меня к вам просьба, – сказал наконец Черный.
- Слушаю, капитан.
- Пусть бургомистры и старосты выделяют по несколько человек для забоя скота. И пусть начнут убивать его прямо сейчас. Не хочу, чтобы это пришлось делать солдатам.
- Почему?
- Люди не должны видеть, как Горная Стража лишает их имущества, как убивает выращенного из жеребенка коня или вырезает любимое стадо рунных овец. Такие вещи должен делать хозяин. Кроме того, у солдат еще будет возможность окропить оружие кровью.
- Понимаю. Когда придет время поджигать повозки, прошу дать мне знать.
- Хорошо. Повозки мы подожжем в самом конце. Дым в этой долине – нелучшая мысль.
- К ним приблизился полковник в компании трех офицеров.
- Капитан Главев, лейтенант кан-Поренн и лейтенант лав-Гервис, – коротко представил их он.
- Главев носил черный кожаный доспех имперской артиллерии. Без слов, просто чуть кивнув, он протолкался меж ними и взглянул на проход к Лысице. На загоревшем, покрытом морщинами лице его появилась хмурая улыбка.
- Ни хрена. Не взойдем, – прохрипел он, отхаркнул, сплюнул бесцеремонно на землю и сказал уже нормальным тоном: – Вы были правы, полковник. Не меньше дня, а с нашими звериками – и того дольше.
- Его командир улыбнулся, извиняясь.
- Артиллеристы. Гордость имперской армии. Настолько же недисциплинированны и бесцеремонны, как и Горная Стража. Лейтенант кан-Поренн командует второй ротой тяжелой пехоты, лейтенант лав-Гервис – ротой арбалетчиков.
- Это любой мог понять и без объяснений. Первый офицер был в полном боевом облачении пехотинца: кожаный доспех, тяжелая, до колен, кольчуга, стальные наголенники, шлем с кольчужной бармицей. Большой щит висел на спине, короткий меч сдвинут вперед. От простого солдата пехоты его отличала только красная кайма на плаще. Второй офицер носил кожаный доспех, дополненный наброшенным поверх него клепаным жилетом, простой шлем и кинжал. Три колчана со стрелами оттягивали его пояс, тяжелый арбалет он держал в руках. Оба ограничились коротким военным приветствием и молча встали сбоку. Черный Капитан смерил их оценивающим взглядом, словно пытаясь найти хоть какие-то слабости.
- Кочевники едут быстрее, – сказал он, когда молчание сделалось уже невыносимым. – Главные силы будут здесь утром. Отдельные а'кееры можем увидеть в любую минуту.
- Это очевидно. – Дарвен-лав-Гласдерн ничуть не казался испуганным.

– Очевидно, полковник?

– Они прибыли сюда за добычей. Не за землей, но за золотом, серебром, драгоценными тканями и рабами. За стадами скота. И все это уплывает из их рук. Они знают, что долина эта – мешок с узкой горловиной, но не желают потерять слишком много. Именно потому они спешат.

– Я не впущу вас наверх вне очереди.

– А какова очередь? – Полковник легко улыбнулся и, что было странно, не положил руку на меч.

– По мере прибытия. А значит, вы можете войти раньше их, – Черный указал на приближающуюся группу беженцев.

– А вы? Поднимаетесь на гору последними?

– Конечно.

Командир пехоты перевел взгляд за спину капитана, снова всматриваясь в долину.

– Мой приказ звучал «настолько быстро, насколько удастся», капитан. Полагаю, что если мы окажемся на горе быстрее, нежели Стража, – то эта скорость нас устроит... – Полковник усмехнулся без следа веселья. – Кроме того, эти проклятушие дикари впервые не смогут бегать от нас по всему полю битвы. Если захотят сюда войти, мы ощутим их вонь по-настоящему близко. И наконец-то сумеем поприветствовать их как должно.

Капитан лишь кивнул.

– Будете оборонять вход?

Полковник переглянулся со своими офицерами.

– А вам нужны колеса от повозок?

Меекханская пехота славилась двумя вещами. Несгибаемостью в атаке и тем, что смогла бы поставить укрепления хоть и посреди моря. Техника строительства окопов, оборонительных валов, палисадов, умение ставить защитные полосы в чистом поле при помощи лопат и топоров – всему этому солдат учили настолько же хорошо, как и владению мечом, щитом и копьем. Старая мудрость гласила: дай меекханцам три часа – они выроют окоп, но дай им три дня – поставят крепость.

Тут же дело облегчали беженцы. Сотни повозок уже стояли неподалеку от въезда в долину. Полковник сразу выслал солдат, и те принялись отбирать лучшие из них для обороны. В первой линии встанут самые тяжелые фургоны: теми чаще всего оказывались купеческие, с солидными бортами и днищами. Едва лишь тридцать отобранных повозок встали полукругом снаружи прохода, оставив узкую щель, через которую продолжали втекать беженцы, в дело пошли лопаты. Под каждым колесом солдаты выкопали яму, после чего возы всадили в землю до середины оси. Перед линией обороны мигом возник ров, а выкопанная земля отбрасывалась под повозки, делая невозможным проход снизу. Все фуры связали друг с другом цепями и веревками, длинные доски, снятые с других телег, использовали, чтобы укрепить борта и закрыть проходы между ними. Каждые несколько шагов над бортами приделывали козырьки, чтобы уберечь солдат от падающих стрел. Вдоль всей линии обороны стучали молоты, вгрызались в землю лопаты. Вархенн, глядя, как солдаты выламывают дышла из остальных повозок, острят их и втыкают перед фронтом баррикады, почти готов был поверить в три дня и крепость.

Да и вопрос о колесах не стал риторическим. С повозок, которым и так суждено было сгореть, снимали колеса, стягивали ободы и острили спицы. Потом колеса втыкали в землю. Четыре-пять таких выступающих из почвы деревянных колышков могли сорвать любую атаку.

На расстоянии ярдов в сто от защитной линии работали несколько десятков солдат, вооруженных широкими коловоротами. Просверлить дыру глубиной в пару футов и шириной в десяток пальцев у любого из них занимало минуты две.

Черный Капитан некоторое время молча наблюдал за этими трудами.

– Я слышал, – сказал он наконец, – с каждого пехотинца, у которого найдут коловорот, кочевники живьем сдирают кожу. Но говорят и о том, что если перед битвой десятку-другому

солдат пройти перед нашими линиями – то никто уже не отважится на конную атаку. Кони ломают ноги. Скверная штука эти ямы.

– Настолько же скверная, как стрела в брюхо? – раздалось рядом с ними.

Офицер не стал оглядываться на чародея.

– Об этом нужно бы спросить лошадей, мастер. Они далеко?

– Десять миль. Чуть замедлились. Но свободные а'кее-ры – ближе. Четыре-пять миль.

Насколько я могу судить.

– Не пытаются нас обмануть.

– Они еще не знают, что мы здесь. Я лишь слушаю: не напрягаясь, не сияя Силой. – Чародей улыбнулся одними губами. – Честно сказать, я и не отважусь на это. Их шаманы исключительно могущественны. Но даже они не почуют меня, пока я сам не начну накладывать заклятия. Здесь найдется чуток тех, кто слегка использует Силу, кроме того, такая большая толпа нервных и перепуганных людей всегда вносит смятение в аспектные Источники. Только чего бы им укрываться? С вершины Лысицы наверняка уже видно большую часть армии, маскировка с помощью магии – пустая трата сил. Они ведь уверены, что войдут в долину после первой атаки и просто соберут добычу.

Вархенн спросил, не успев остановиться:

– Откуда вы, мастер, знаете, что они уверены?

– Потому что они поют. – Чародей пожал плечами. – Я их слышу. Не знаю слов, но это веселые, боевые песни, те, что звучат на победоносной войне. – Глаза его потемнели. – Когда человек слышит такое пение из уст вражеской армии, он знает, что его страна гибнет. Они идут сюда ради добычи и убийства.

Никто ничего не сказал. Возражать не было смысла.

* * *

—Меняемся!

Очередная пробежка закончилась, когда они оставили за спиной длинный кусок прямой дороги: проложенной согласно лучшим имперским традициям, твердой и ровной, словно стол, с дающими тень деревьями, высаженными на одинаковом расстоянии. Собственно, это был не бег даже, просто приятная прогулка.

Кеннет несколькими нетерпеливыми жестами приказал людям занять свои места. Те даже во время бега старались подгадать, чтобы оказаться поближе к Велергорфу.

– И когда вы увидели первых се-кохладийцев? – спросил он, наведя порядок в отряде.

– Еще до ночи...

* * *

Они появились внезапно, темное пятно отлепилось от маячащего на горизонте леса и потекло к главной дороге. Несколько ударов сердца никто не реагировал – а может, просто ничего не замечал. Солдаты и стражники, сгрудившись у окопанных повозок, были заняты главным образом попыткой управиться с огромным затором при въезде: тот возник, когда две группы беженцев попытались войти одновременно. Дошло до драки с палками и кулаками, и все прекратилось, лишь когда из толпы выдернули несколько самых горячих голов. Уже казалось, что въезд разблокирован, когда от колонны беглецов донесся отчаянный женский крик. Потом раздалось еще несколько, и внезапно группа человек в триста кинулась вперед. Проход в линии повозок был шириной шагов в десять, толпа закупорила его, словно соринка песочные часы. Селянам, еще миг назад занятым дракой, внезапно пришлось сражаться за жизнь. Сол-

даты силой протаскивали людей, не глядя, тянут ли они за одежду или рвут за руки. Какая-то женщина кричала о своем ребенке.

Вархенн не смотрел на нее. Он стоял на повозке рядом с Черным Капитаном и глядел на юг. Солнце едва касалось горизонта, и ночь еще не успела милосердно покрыть все своим плащом. Темное пятно возникло меньше чем в миле от их линии, а несколько ударов сердца спустя распалось на отдельных всадников. Около сотни, если зрение не подводило вестового. Они умело разошлись полукругом и поглотили часть ближайших повозок из каравана, что устремлялись к входу в долину. Подробностей было не разглядеть, но миг назад возы катили вперед, окруженные десятком-другим людей, и вот два из них уже съехали на обочину и уткнулись в канаву, потом остановились еще четыре. Отряд же бросил повозки и помчался вперед. Беженцы на телегах были уже мертвы. Вокруг возов остались тела, с такого расстояния казавшиеся лишь темными, комковатыми туками.

На дороге вспыхнула паника. Около тысячи человек кинулись к спасительной долине. Скот разбежался во все стороны, беглецы бросали на землю мешки, оставляли одолевшие много миль телеги и стремглав неслись вперед. Вот возница махал кнутом, стараясь заставить измученных животных напрячься в последний раз, а потом соскочил с козел и неловко побежал вперед. Другой потерял контроль над упряжкой и перевернул воз, загромождая дорогу; в него сразу же ударила следующая повозка, потом еще одна. В воздухе повисло ржание раненых лошадей.

А в этом хаосе безумствовали всадники. Свистели стрелы, взблескивали сабли, длинные дротики впивались в спины и пригвождали лежащих к земле. Единственной целью начавшейся резни было вызвать ужас и смятение.

Сами же атакующие оставались вне досягаемости.

Рядом с капитаном появилось несколько арбалетчиков. Командовавший ими крепкий десятник коротко отсалютовал и снял со спины оружие.

– У нас, господин капитан, приказ держать их так далеко, на сколько сумеем.

– А на сколько сумеете?

Командир Горной Стражи ткнул в тяжелый арбалет, натягиваемый зубчатой передачей.

– Для этой игрушки норма – четверть мили, господин капитан.

Вархенн понимающе кивнул. Стража пользовалась легкими арбалетами, что натягивались с помощью крюка на поясе или простым приспособлением, называемым «козьей ножкой». Были они легкими, не давали сбоев, и заряжать их получалось куда быстрее, чем тот, с которым нынче морочился десятник. При минимуме умений их можно было взвести даже лежа, а в горах не существовало ничего, с чем они не сумели бы без проблем совладать. А вот оружие, которое нынче держал в руках пехотинец, обычно применяли при обороне городов или в борьбе с тяжелой конницей.

Щелкнули храповики, стрелы легли в выемки. Десять солдат подняли оружие и уперли его в борта повозок. Младший офицер некоторое время изучал поле, после чего коротко рявкнул:

– Влево. Восемь всадников. Двое в плащах. Посредине.

Арбалеты синхронизировали движение и замерли, нацеленные в одну сторону.

– Давай!

Брякнули тетивы. Два-три удара сердца группа всадников продолжала мчаться вперед. Внезапно две лошади сбились с ритма, споткнулись, одна из них не сумела восстановить равновесия и зарылась мордой в землю, сбрасывая всадника. Отряд рассыпался, развернувшись едва ли не на месте, и зарылся в сторону леса.

– Было больше четверти мили.

– Это идея нашего лейтенанта, господин капитан. В них, – десятник снял арбалет с борта и снова принялся накручивать рукоять, – чаще всего используют два вида стрел: легкие, кото-

рыми бьют шагов на триста и которые служат для ранения и замешательства противника, и... уфф, и тяжелые, на короткие дистанции, чтобы пробить доспех. Потому наш лейтенант приказал оружейнику в гарнизоне изготовить немного таких вот стрел – они почти в половину легче обычных. Летят значительно дальше, и хотя на четверти мили не пробивают нормального панциря, но прекрасно ранят лошадей и людей... уфф.

Он положил стрелу в выемку и поднял арбалет к плечу.

Вархенн нашел взглядом обстрелянную минуту назад группу. Осталось в ней только шесть коней. И одно животное отставало, явственно прихрамывая. Прочие кочевники пока не сообразили, что уже находятся на дистанции выстрела.

– Вправо. Рядом с зеленой повозкой. Десятеро. Мчатся в сторону баб и детишек. В середину.

Тянулись мгновения, всадники сократили расстояние до беженцев до одной трети.

– Залп!

Эффект оказался еще более зрелищным. Двоих первых всадников попросту смело с седел, конь третьего споткнулся и опрокинулся, подбивая двух следующих. Из десяти кочевников осталась половина. Уцелевшие тут же осадил коней, и через мгновение стали видны лишь конские крупы и спины всадников.

На повозки взбирались новые солдаты. В несколько секунд арбалетчики заняли всю протянувшуюся на сто пятьдесят ярдов линию обороны. Скрипели тетивы, пощелкивали храповики. В равные промежутки времени баррикада посылала стрелы в сторону всадников. Вскоре у въезда в долину образовался широкий, шагов в пятьсот, пояс ничейной земли. Те из беженцев, кто не успел в нем укрыться, были уже мертвы.

Остальные продолжали бежать: кочевники не отказались от резни. С их стороны тоже начали свистеть стрелы. Крики беглецов были ужасны. Сжимая кулаки, Вархенн смотрел, как в группе бегущих женщин и детей, которую чуть ранее спас точный залп, гибнут новые и новые люди. Какая-то девушка упала на землю, хватаясь за пробитое стрелой горло, одна из женщин пронзительно вскрикнула, сделала несколько неуверенных шагов и упала на колени, некоторое время еще пытаясь ползти на четвереньках. Из спины ее торчало три древка. Потом раненая медленно опустилась на землю, словно желая ее обнять, прижаться, спрятаться в ней, – и стала неподвижна.

Но вскоре кровавый спектакль завершился. Луки се-кохландийцев били ярдов на двести ближе, чем тяжелые арбалеты имперской пехоты, а беженцы на самом деле быстро отступали. Через минуту кочевникам уже не осталось в кого стрелять.

– Это только а'кеер разведки. – Капитан произнес это медленно, цедя каждое слово сквозь зубы. – Остальные наши гости наверняка придут завтра.

– Вы правы, капитан. – Полковник вырос рядом, словно из-под земли. – А нас ждет целая ночь тяжелой работы. Хорошая стрельба, Камень.

– Спасибо, господин полковник. – Десятник арбалетчиков не прекратил целиться в поле. – Эти новые стрелы прекрасно бьют.

– Я знал. Могут ли ваши люди оседлать эти вершины, капитан? – Командир Семнадцатого указал на скальные столпы, обнимающие вход в долину. – Я знаю, что взобраться туда сложно, но возможно.

– Я уже выслал туда нескольких разведчиков. Мы об этом позаботимся. А что с этой всенощной?

– Благодарю. Это, – пехотинец стукнул в борт повозки, – первая линия обороны. Но она слишком широка и растянута. Должна лишь замедлить их. А в самом проходе мы построим вторую, в потом и третью, вогнутую. Хочу также окопаться у подножия Лысицы, чтобы защитить уходящих наверх.

Черный Капитан посмотрел на него как на безумца. Потом приблизил лицо к полковнику и прошипел:

– У тебя восемь сотен измученных людей, а завтра там встанет тридцатитысячная армия, с колдунами, с Наездниками Бури и боги знают с чем еще. Ты и вправду думаешь, что сумеешь их сдержать, а потом отступить?

Некоторое время лицо другого офицера ничего не выражало. Потом он слегка улыбнулся. При виде этой гримасы желудок Вархенна наполнился льдом.

– У меня восемь сотен людей и никакой магической поддержки, это правда, капитан. Мы измучены, как никогда ранее. Это тоже правда. Завтра против нас встанут тридцать тысяч варваров, привыкших к победам, и об этом я тоже не забыл. Но у меня нет другого выхода. Я могу уничтожить механизмы, сжечь фургоны и пробиться на гору силой. И тогда эта долина захлебнется кровью. Наверняка ни один из нас не доживет до следующей ночи, и об этом знаю и я, и мои люди. Но мы – сраная пехота, которая должна сражаться за граждан империи.

– Значит, это граждане империи? Меекханцы?

– Верно, капитан. Это меекханцы.

– Я не советовал бы произносить такие слова слишком громко, потому что тогда придется сражаться на два фронта.

Полковник улыбнулся еще шире:

– Увидим. Камень!

– Так точно!

– Оставляю здесь пятьдесят человек под твоим руководством. Держите их на дистанции.

Остальных забираю на рытье.

– Слушаюсь!

Командир пехоты отвернулся и спрыгнул с повозки. Капитан некоторое время смотрел ему в спину.

– Дурень, – наконец пробормотал он. – Вархенн!

– Слушаюсь, господин капитан.

– Передашь приказы...

* * *

—А когда прибыла остальная армия?

Они остановились на передышку у ручья. Солдаты наполняли фляги, грызли сухари и сушеное мясо, отдыхали. Понятное дело, большая часть их сгрудилась вокруг Велергорфа.

– На рассвете, господин лейтенант. Раньше, чем мы ожидали, пехота едва начала строить третью баррикаду, и тут раздался сигнал тревоги и появились кочевники. А когда они начали выезжать из леса, то казалось, что никогда не остановятся. Выезжали и выезжали, ряд за рядом, под рев труб и дудок, под удары барабанов. Встали по всему горизонту, везде одновременно. Это была охрнительная, страшная демонстрация силы и мощи, спектакль с целью нас напугать и отбить желание сражаться. И почти сразу же они атаковали.

* * *

Начали с правого фланга. От стены кочевников оторвался один а'кеер, потом второй, третий и четвертый. Около пятисот всадников двинулись рысью, затем галопом, чтобы у границы досягаемости арбалетов перейти в карьер. Остальная часть армии кочевников издала оглушительный воинский крик, затрясла оружием, забряцала саблями о щиты. Волна звука ударила в скалу, захлестнула баррикаду и ворвалась в долину. Толпа, сгрудившаяся под горой, заklubилась, словно муравейник, облитый кипятком, и откликнулась криками ужаса.

Мчащийся отряд неся по ничейной земле напрямую, с каждым шагом приближаясь к баррикаде. А та молчала. Полоса проверченных дырок, кольев и заостренных осей растягивалась не дальше чем на сотню шагов от повозок, а до этой границы у конницы была свобода маневра. В первой атаке командиры се-кохландийской армии собирались, скорее всего, проверить расстояние до ловушек и реакцию защитников. Ярдах в ста пятидесяти от повозок кочевники натянули луки и выпустили тучу стрел. Те взлетели в небо по высоким дугам, почти исчезнув с глаз следящих за ними солдат. Прежде чем они достигли высшей точки и обрушились вниз, конники выстрелили снова. До того же, как стрелы смертоносным градом ударили в поднятые щиты и защитные козырьки, в небо ушел третий залп.

Вархенн стоял на одной из скалистых стен, обнимающих долину, и смотрел. Чуть ранее раздался приказ капитана, гласящий, что Стража не должна выдавать своего присутствия, если не окажется замеченной. Высота скал в нижней их части превышала сто футов, а обрывались они – словно кто ножом ударил. Теоретически их можно было штурмовать, у Горной Стражи с этим не возникло ни малейших проблем, но для такого требовались веревки, крючья, ледорубы, а прежде всего опыт в скалолазании. Оба командира решили, что, пока кочевники не попытаются взойти или пока ситуация не станет отчаянной, горцы продолжают сидеть в засаде.

Обе вершины, как и склоны горы, поросли соснами. Между ними можно было легко спрятаться и затаиться, хотя бездеятельное ожидание и противно природе солдат-горцев, особенно когда враг находится от них на расстоянии выстрела.

– Чего они ждут? – Командующий третьей ротой лейтенант Гирвен высунулся из-за ствола и оглядел равнину. – Ты уверен насчет приказа? Сидеть и не высовываться?

– Да, господин лейтенант. Не высовываться.

– Понятно. Но здесь бы пригодилась каждая стрела.

На это у парня ответа не нашлось. С высоты было заметно, что армия кочевников – огромная. Гигантская. Воистину казалась она конско-человеческим морем. Каждый кочевник вел с собой трех-четыре заводных лошадей, чтобы и в битве, и во время бегства всегда иметь под рукой свежее животное. А потому тридцатитысячная армия пришла с более чем сотней тысяч коней. И вся эта силища теперь полукольцом окружала вход в долину и баррикаду, должную ее защитить – вроде бы невыносимо слабую. Это была демонстрация силы защитникам. Казалось, хватит и того, что армия просто двинется вперед – и захлестнет баррикады, словно морская волна песчаный замок. Что атакующим даже не придется доставать оружие: одной своей массой, одним напором сровняют с землей все на своем пути.

Вестовой взглянул на укрепления. Первая линия обороны полукругом выдавалась из выхода в долину, вторая, самая короткая, блокировала вход внутрь каменных врат. Третья, все еще не завершенная, была зеркальным отражением внешних рубежей. Если кому и удастся форсировать первую и вторую линию, они окажутся под перекрестным обстрелом в котле, созданном последней баррикадой.

При условии, правда, что еще хватит защитников, чтобы там встать.

За последними шансами установили всю полковую артиллерию. Командовавший ею капитан утверждал, что сумеет вести огонь над всеми тремя линиями укреплений, не вредя собственным солдатам. Оставалось верить ему на слово.

У скорпионов и онагров роились артиллеристы в черных панцирях, с кожными масками на лицах. Они накручивали коловороты и осторожно клали в ковши катапульт глиняные кувшины с шейками, обвязанными тряпьем. Рядом в железных корзинах горел огонь.

Тем временем атакующие, не переставая обстреливать баррикаду, оказались ровно напротив входа. По некоему незаметному сверху знаку укрывшиеся за повозками арбалетчики высунулись из-под защитных козырьков и заняли позицию для выстрела. Прицелились, раздалась команда, они дали дружный, словно на учениях, залп и спрятались снова. Всё – за время

не дольше пяти ударов сердца, в миг, когда один град стрел уже пробарабанил по баррикаде, а второй только достиг вершины дуги.

Вархенн перевел взгляд на атакующий отряд. Тот был на расстоянии каких-то ста двадцати ярдов, когда получил залп во фланг. Стреляла половина роты, около сотни арбалетчиков, но результат оказался ужасен. Не понять, только ли из-за везения, хотя после вчерашней демонстрации Вархенн был готов поспорить, что – отнюдь нет, но стрелы ударили в голову едущей в тесном строю колонны. «Наверняка били тяжелыми стрелами», – подумал он. Первые шесть-семь коней просто кувыркнулись, будто животным внезапно подрезали сухожилия. Те, что неслись за ними, не имели и шанса избежать столкновения. Мигом, в два-три удара сердца, напротив входа в долину возник затор, наполненный брыкающимися копытами и бьющимися в корчах конскими и человеческими телами.

Колонна мгновенно раздалась в две стороны, обходя опасность и забывая дать очередной залп. И этого хватило. Раздалась команда, остальная часть роты арбалетчиков заняла позицию, сто арбалетов щелкнули единым голосом.

На этот раз солдаты послали залп вдоль колонны. Визг и ржание раненых и умирающих лошадей, прерывистые человеческие вскрики, падающие с седел всадники, опрокидываемые животные, валяющиеся на землю тела. Для того, кто вчера бессильно наблюдал за резней беженцев, не могло существовать более прекрасного зрелища.

Но это было не все, что сумела сказать пехота. Где-то сзади, из-за третьей линии обороны раздалась металлические щелчки, и четыре онагра выбросили рычаги вперед. Были они не большими осадными машинами, но всего лишь полевой артиллерией, а потому кувшины, которые находились в ложках, имели объем не больше полутора галлонов. Однако наполняла их смесь смолы, серы, селитры и горного масла. Волоча за собой огненные хвосты, заряды перелетели над баррикадами и ударили точно в середину отряда врага. Теперь сделалось понятным, зачем всю ночь напролет артиллеристы отмеряли расстояния, выставляли свои игрушки и давали пробные залпы. Благодаря этому они теперь могли поддерживать защитников, даже не видя врага.

Кувшины взорвались огнем, а через миг клубы черного дыма заслонили всё. Звуки, доносящиеся снизу, на миг перестали напоминать хоть что-то, могущее вырваться из горла живого существа. Когда дым рассеялся, на обожженном, окровавленном поле боя лежали тела нескольких десятков людей и лошадей. Остальной отряд стремглав убегал, стараясь оказаться вне зоны обстрела.

Начало дня осталось за Семнадцатым полком.

* * *

– Самым странным... нет, зараза, не странным. Самым необычным было то, что эти проклятые пехотинцы стояли тихо. – Велергорф оперся спиной на изогнутый ствол дуба и прикрыл глаза, будто снова вглядываясь в те картины, о которых только что рассказывал. – Не били мечами в щиты, не издавали воинственных криков, не пытались поднять свой дух, понося врага. Стояли на баррикаде из сомкнутых купеческих повозок, такой малой, что размахнись кто – и брошенный камень без труда перелетел бы от одного края линии обороны до другого, а напротив них громоздились несколько десятков тысяч диких воителей, и, куда ни взгляни, видны были только шеренги врага, – и молчали. Я бы на их месте вопил во все горло, чтобы не обосраться от страха.

Он скривил татуированное лицо в горькой усмешке.

– А мы всю первую половину дня сидели наверху и смотрели, как они сражаются. Атаки шли одна за другой, почти без перерыва, потому что стоящие напротив входа кочевники видели

дорогу на Лысицу и путь, забитый людьми. Видели, как сбегает их добыча. А потому – спешили...

* * *

Пробные атаки продолжались все утро. Одиночные а́кееры отрывались от сомкнутой стены всадников, зачастую в нескольких местах одновременно, и галопом мчались к баррикаде, осыпая ее стрелами. Командовавший армией Сын Войны прощупывал реакцию защитников, расположение ловушек, искал слабые точки в укреплениях. Сперва град стрел сыпался, когда атакующие приближались на расстояние двухсот ярдов от сомкнутой линии повозок. Трупы людей и лошадей постепенно окружали баррикаду кровавым полукругом. Позже защитники изменили тактику, увеличив радиус обстрела сперва до двухсот пятидесяти, а потом и до трехсот пятидесяти ярдов.

– Пристреливаются, – пробормотал Черный Капитан.

Они сидели на корточках подле кривого ствола горной сосны, которая каким-то чудом сумела укорениться на скалах. Кавер Монель использовал минутку передышки, чтобы присоединиться к отряду, занимавшему высоту, и бросить взгляд на поле битвы. Лицо его было серьезным. Пока что Стража ничем не выдала своего присутствия, а се-кохландийцы, похоже, не планировали попыток обойти баррикаду с фланга. И это было неудивительно. Кочевники не сомневались, что они пробьются первой же серьезной атакой.

И она случилась через два часа после рассвета. Под звуки дудок и барабанов во вражеской армии напротив баррикады началось движение. Ряды, что ранее стояли беспорядочно, выровнялись, разделяясь на четко различимые отряды. Если кто до сей поры еще сомневался, что в атакующей армии – опытные, дисциплинированные, вышколенные воины, то, увидав происходящее, сомнений бы он лишился. Неслучайно же империя вот уже третий год проигрывала битву за битвой.

Они двинулись одновременно – пять широких и глубоких колонн, по тысяче лошадей в каждой. Одна в лоб, еще две – по сторонам от нее, две последние – на флангах, почти вдоль скальной стены. Сначала ехали медленно, шагом, ровнехонько, словно гвардия, дефилирующая перед императором. Потом ускорились, перешли в рысь, затем в галоп. Даже притаившиеся в ста футах выше стражники чувствовали дрожание скалы, передающей удары тысяч копыт. Атакующие на флангах отряды первыми ринулись вскачь, засыпая баррикаду градом стрел. Теперь между залпами не было перерывов, дождь стрел равномерно и непрерывно ударял в повозки, острия втыкались в доски, в защитные козырьки, в щиты тяжелой пехоты, стоящей чуть позади в тесном строю.

Баррикада молчала. Атакующие приближались, будто идущая с пяти направлений серо-бурая лавина, а линия повозок выглядела покинутой. Сверху было видно, как пехота с невозмутимым спокойствием принимает стрелы на щиты, как арбалетчики стоят с оружием, готовым к стрельбе, как дрожат напряженные до предела плечи онагров и скорпионов. И все ждут.

А чего ждут, сделалось ясным, когда нападающие перешли магическую до сей поры линию в сто ярдов. Первые четыре лошади в атакующей колонне слева с диким ржанием покапались по земле, попав в замаскированные дыры, проверенные солдатами. Было поздно останавливаться, да и, сказать по правде, вовсе не выглядело, чтобы кочевники имели такое намерение. Сто ярдов, отделяющие их от баррикад, стоили отряду несколько десятков лошадей, но атакующие, скорее всего, ожидали таких подвохов и были готовы к потерям. Видимо, не впервые они сражались с меекханской пехотой.

Обтекая упавших коней, затаптывая собственных товарищей, конница ринулась на баррикады.

А баррикада ожила. Арбалетчики заняли позицию и дали слаженный залп. А потом второй, прорежая атакующих. Но больше не успевали ничего, поскольку одна рота арбалетчиков – это около двухсот человек, двести стрел, пусть даже каждая с легкостью пробивает полный доспех; да только и зарядка оружия даже у хорошо вышколенного солдата занимала как минимум полминуты.

Два залпа, данные в упор, собрали кровавый урожай, но, пока арбалетчики горбились, терпеливо накручивая рукояти, атакующие оказались у баррикад. Свистнули веревки, на очерившиеся в сторону кочевников заостренные колья, установленные перед повозками, набросили петли – и дернули. Удалось не со всеми, меекханцы умели вкапывать дерево в землю, не один конь завалился назад, не один всадник вылетел из седла. Но многие из поспешно приспособленных для обороны дышел и кое-как отесанных деревяшек поддались. В еж, защищающем баррикаду от нападения, появились первые дыры.

Все это продолжалось буквально несколько мгновений, за которые арбалетчики успели сойти с повозок, уступая место пехоте. Тяжелые дротики полетели в сторону всадников, сбивая их с седел и ранив лошадей. Одновременно щелкнули спуски машин, и несколько горящих снарядов упали на поле битвы. Обе атакующие с флангов колонны оторвались от баррикады, рассыпаясь в стороны и уступая место главным силам.

* * *

—Они приготовились к потерям, говорю вам, это было видно по тому, как идут в атаку. Собранные, сжавшиеся в седлах, с поднятыми над головой щитами. Уже не пели, шли в бой не на жизнь, а на смерть. Проклятие: сверху это выглядело глупо – конница, штурмующая окопавшиеся повозки – ничего более безумного и придумать невозможно. Но тогда мы еще не знали, что се-кохландийцы учились брать такие укрепления во времена войн с верданно в восточных степях. Прекрасно знали слабые стороны таких баррикад, особенно когда их строят не из специально предназначенных для этого боевых фургонов, а лишь из простых купеческих повозок.

Лейтенант оглядел собравшихся солдат. Почти весь отряд сидел поблизости. Даже Хавен наконец-то отыскал в ручье камень для кургана при спуске и присоединился к слушающим. Шпиона посадили поблизости и привязали к дереву. Кеннет подумывал было, не скомандовать ли выступление, однако это явно был нелучший момент. Кроме того, они взяли действительно неплохой темп, а потому могли еще немного послушать.

Велергорф продолжил:

– Эти сукины дети умели захватывать усиленные фургоны, еще как умели...

* * *

Атакующие колонны разделились, охватывая укрепления по всему фронту. Всадники выдержали град дротиков, приняли на себя очередной залп из арбалетов, не отступили перед огнем. Не оставались в долгу и сами, стреляя из луков и метая с малой дистанции короткие копья. Прижали пехоту, оттянули на себя внимание. И тогда появилась еще одна группа нападающих.

У этих были тяжелые, массивно скроенные кони, напоминавшие рыцарских скакунов. Они молниеносно подъехали под самые повозки и забросили на борта веревки с крюками, по три-четыре на каждый воз. Развернули животных и пустили их галопом. Все случилось так быстро, что лишь несколько всадников получили дротик или стрелу. Внезапно всю баррикаду сильно встряхнуло. Колеса повозок, хотя и вкопанные по оси, взлетели в воздух, закрутились беспомощно. Скрипели выламываемые доски, трещало дерево. Через миг, когда оборвалось

большинство веревок либо сломалась часть бортов, повозки тяжело опали назад. Но не все. Две, зацепленные особенно крепко, накренились вовне, да так и остались. Повисли, наклонясь, опираясь только на колеса с внешней стороны баррикады.

Молодой вестовой видел, как в одном месте трое солдат отчаянно рубят веревки мечами, пока повозка наконец медленно, словно раздумывая, опадает на четыре колеса, занимая место в строю. А вот на другой оказался лишь один пехотинец. Повозка накренилась так сильно, что борта ее уже не защищали от стрел. Солдат обрубил ближайшую веревку, метнулся к следующей, и тогда стрела ударила его в загривок, сразу над слишком низко опущенным щитом. Он присел, тряхнул головой, словно раненый зверь, и с широкого замаха отрубил второй крюк. Получил еще одну стрелу, в бок, пошатнулся, сделал три неуверенных шага, потом отшвырнул щит и, подхватив меч двумя руками, прыгнул к двум последним веревкам. Рубанул первую, когда брошенный дротик зазвенел о его шлем, – сделал это слишком сильно, клинок меча вгрызся в дерево сразу подле крюка. Он выпустил рукоять и схватился за стилет.

Три стрелы ударили его в грудь, одна за другой, пробивая кольчугу и кожаный доспех под ней. Солдат упал на колени и тут же вцепился окровавленными пальцами в дерево борта, подтянулся вверх, чиркнул стилетом по последней веревке. Казалось, что острие лишь скользнуло по волокнам, но те лопнули со звуком, что перекрыл даже шум битвы. Повозка опустилась на свое место. В нее сразу же вцепились другие пехотинцы, в сторону кочевников полетели дротики, мелькнули стрелы, артиллерийские машины послали над головами очередную порцию кувшинов с зажигательной смесью.

Еще несколько мгновений длился обмен выстрелами, после чего по неслышномуверху сигналу всадники развернулись и галопом помчались назад. Поле перед повозками было усеяно телами людей и лошадей, древками стрел – от лука и арбалета – и дротиками, лужицами догорающего масла. Защитники тоже понесли потери, как минимум с десятков солдат были мертвы или умирали. И – в два раза больше раненых. Вархенн смотрел, как с несчастной повозки снимают напигованное стрелами тело, и руки его, стиснутые на древке топора, сводило от боли.

Капитан поглядел на него пронизательно:

– Ты хотел бы там оказаться, верно? Хотел бы уже смочить свое железо в крови. Не переживай, парень, еще получишь такую возможность. Уверю тебя, – холодно улыбнулся он. – А теперь беги к полковнику и скажи этому проклятому пехотинцу, что ему придется сдать первую баррикаду. Это глупо. Она слишком длинна. Еще один такой фокус с веревками – и они выворотят все повозки.

– Слушаюсь!

Дарвена-лав-Гласдерна он нашел у машин. Полковник негромко разговаривал о чем-то с командиром артиллерии, но при виде вестового прервался и вопросительно приподнял бровь.

– Капитан просил, чтобы я передал, что он не думает, будто вам удастся удерживать первую линию.

– Понимаю. А что произнес на самом деле? – Выслушав, офицер слегка улыбнулся и проговорил негромко: – Передай командиру, что какой-то там горец не станет учить меня обороняться. Ясное дело, нам придется отступить. Пусть он лучше начнет подгонять беженцев: те плетутся, будто пьяные улитки. И при следующей атаке он, коли хватит отваги, может не стесняться присоединиться к потехе.

– Слушаюсь!

Черный Капитан продолжал стоять у скрюченной сосны.

– Что он сказал?

– Господин полковник благодарит за ваше мнение. Он и сам намеревался отступить. Просит, чтобы вы попытались ускорить эвакуацию и помогли при следующей атаке.

– А дословно?

Вархенн сжал зубы и, не глядя командиру в глаза, повторил.

– А яйца у него есть. Клянусь ледяными сиськами Ан-дайи, есть у него яйца. Эвакуацией руководит Девен Ка-вацр, а ему я доверяю, как себе. Если придется гнать людей бичами, он сделает и это. Дай знать остальным, что все с арбалетами должны находиться наверху. Устроим нашим гостям неожиданность.

* * *

Десятник прервался, вглядываясь в даль, потер седую щетину, пробивающуюся на татуированных щеках.

– Во время второй серьезной атаки он позволил нам стрелять. Всего у нас было чуть больше двухсот арбалетов, и каждый оказался наверху. Мы не сомневались, что еще одной атаки баррикада не выдержит, этому фокусу с веревками они должны были научиться у демонов с самого дна Мрака. Но я все равно видел, что солдаты готовятся отражать следующую атаку. Поспешно подновляли разорванные веревки между повозками, прибавляли доски к сломанным бортам. Другие приносили и устанавливали на первой линии обороны какие-то кувшины и меха. Заваливали пространство позади возов вязанками дерева и фашинами.

Он усмехнулся собственным воспоминаниям.

– Я тогда был слишком молод и глуп. Не понимал до конца, в чем там дело...

* * *

Вторая атака случилась через час после первой. Что не значило, будто секохландийцы дали защитникам целый час передышки. Небольшие, по несколько десятков человек, отряды ярились на предполье, засыпая солдат стрелами и то и дело изображая начало атаки. Самые отважные подбирались на расстояние броска дротиком, хотя такое-то им редко сходило с рук. Арбалетчики имперской пехоты не зевали.

В главной же армии шла перетасовка. Отряды делились, маневрировали, разъезжались. Две огромные, по несколько тысяч лошадей, группы заводных отправились в тыл, значительно уменьшая головные силы. Но и так силища, что осталась, пробуждала страх. Вархенн почти завидовал пехоте, которая, стоя на баррикаде, не видела всей армии противника. Потому что в той было куда больше тридцати тысяч воинов. Тридцать пять, может даже сорок, как оценил капитан. Только это не имело значения – тридцать тысяч их или триста. Следующая атака неминуемо пробьет оборону.

– Не стану приказывать вам вести огонь залпами или целиться, – сказал им Черный Капитан перед самым штурмом. – Попросту перезаряжайте так быстро, как сумеете, и стреляйте вниз. Вам нужно просто попасть в целую проклятую армию.

А целая проклятая армия как раз шла в атаку.

На этот раз было всего три колонны. Две с боков и одна по центру, зато, на глазок, насчитывала шесть-семь тысяч лошадей, идущих тремя глубокими линиями. В первой легкая конница, во главе второй – несколько сотен всадников на массивных скакунах, с крюками и веревками, третья трепетала лесом копий, сверкала кольчугами и стальными шлемами.

– Наездники Бури... – Капитан нахмурился, явно шокированный. – Бросают лучшие отряды уже во вторую атаку. Лети к полковнику и сообщи ему об этом.

Вархенн соскользнул по веревке, чуть не ободрав себе ладони, и помчался к артиллеристам.

– Где полковник?!

– На первой баррикаде. – Голос из-за черной маски был глухим. – Двигай отсюда, парень. Зажигай!

Подожгли шейки кувшинов, уложенных на ковши машин. Мотки пропитанных смолой тряпок задымились и зашипели, плюясь искрами. Артиллерист взглянул вверх, на возносящуюся над входом скалу, где маленькая фигурка как раз размахивала двумя цветными флажками.

– Триста ярдов! Прямо! Залп!!

Удар ковшом о поперечную балку заставил онагр дернуть задом, вся конструкция вздрогнула, подпрыгивая. Горящий снаряд пролетел над баррикадой, набирая высоту.

– Выставляй! Ровняй! Натягивай!

Заскрипели канаты.

Вархенн уже бежал в сторону следующих укреплений. В средней баррикаде оставили проход не шире одной повозки, приготовившись тут же его закрыть. Где-то впереди зажигательные снаряды ударили в стену напиральной конницы. Ржание – нет, не ржание – вой раненых лошадей слышен был по всей долине.

Перед средней линией обороны заостренные колья вбили в землю на полосе в сорок футов. И все еще добавляли новые. Оставляли между ними лишь узкую тропку: в несколько футов, с двумя поворотами. К бортам нескольких десятков повозок баррикады продолжали приколачивать новые доски, подпирая их спереди десятками балок. Меекханцы умели учиться на собственных ошибках. Эти повозки уж наверняка не вывернут несколько всадников.

Полковник стоял на первой баррикаде и наблюдал за приближающейся колонной.

– Медленно едут, будто ждут чего-то, – сказал он стоящему рядом лейтенанту.

– Капитан просил передать, что позади – Наездники Бури. – Вестовой произнес это на одном дыхании и замер. Оба офицера повернулись и внимательно взглянули на него. Дарвенлав-Гласдерн слегка улыбнулся.

– А тихо крадутся эти горцы, верно?

– Истинная правда, господин полковник.

– Ладно, поглядим. Мы и так намеревались покинуть эту баррикаду. – Полковник пнул в один из висящих на борту мехов. – По крайней мере то, что от нее останется.

Сзади рычаги онагров снова грохнули о поперечины, и четыре огненных заряда мелькнули над головами солдат. Попали в середину колонны, живописно плеснув огнем. Визг лошадей перекрыл топот тысяч копыт, но на несколько минут все милостиво заволок дым. Когда он развеялся, колонна стояла, раздавшись в две стороны. В образовавшемся посредине проходе мелькало несколько пеших. Потом к ним подвели коней. Неоседланных, без узды.

– Жереберы... – Лейтенант сглотнул и крикнул: – Быстро! Двигайтесь! Больше дерева!!!

– Слишком далеко, шестьсот ярдов... Надеюсь, что Главев хорошо промерил расстояние. У него будет не больше двух выстрелов. – Полковник уже не улыбался. – Ну, парень, давай к своему капитану. Скажи ему...

– Приближаются...

С обоих флангов нарастал топот копыт. С места неторопливо сдвинулся и главный отряд, но Вархенн не отрывал взгляда от восьми людей в сером, стоявших посредине. Самый высокий из них подошел к одному из коней, прижал лицо к его шее, погладил по ноздрям. Вдруг мужчина хлопнул животное по крупу, и конь рванулся с места. С каждым мигом он разогнался: шаг, рысь, галоп. Обогнал голову колонны и вытянулся в диком карьере над землей. А через миг это уже был даже не карьер, но что-то большее – словно конь понес, оседланный стаей демонов. Задрал вверх хвост, вытаращил глаза, выдал неземное, безумное ржание. Топот копыт его заглушил все остальное; казалось, что и целый мир замолчал, а медленно приближающиеся отряды исчезли.

Мужчина же, пославший коня вперед, застыл в странной позе, с руками, вытянутыми вперед, и с полураскрытыми ладонями, словно пустив меж пальцами длинные нити. Внезапно он сжал кулаки и потянул их на себя. Шея коня выгнулась под прямым углом, треснули позвонки,

он зарылся головой в землю и перевернулся, мертвый в тот миг уже, когда шаман выполнил свой жест. Рухнул в каких-то двухстах ярдах от баррикады.

Только вот топот не смолк. Наоборот – нарастал, делался сильнее, громче. Вархенн вытаращился, видя тучу пыли, вздымавшуюся над землей там, куда били призрачные копыта. Душа, дух коня, убитого миг назад чарами шамана, продолжала мчаться вперед, прямоком на баррикаду. Прямо на повозку, стоящую рядом...

– Береги-и-ись!!!

Несколько солдат в последний момент отпрыгнули в сторону. Колья, вбитые перед укреплением, брызнули во все стороны, словно пики, рассаженные конской грудью, а в следующий миг что-то грянуло в укрепления. С оглушительным треском тяжелый купеческий фургон, сколоченный так, чтобы перевозить по любой дороге тысячи фунтов товара, взлетел в воздух, вырванный из шеренги. Веревки и цепи, связывавшие его с остальной баррикадой, рвались, словно льняные нити, а доски, гвозди, куски дерева летели во все стороны. Фургон несколько раз перевернулся в воздухе и грохнулся о землю. Остановился только перед линией частокола, защищающего вторую баррикаду.

«Сто футов, – промелькнуло в голове вестового. – Он пролетел больше ста футов... Великая и Милосердная Госпожа!»

В возникшем проломе могло встать шестеро едущих стремя в стремя всадников.

– Еще один!

Второй конь как раз опередил наступающий отряд и вырвался вперед в безумном карьере. В ста ярдах позади него очередной шаман пропускал сквозь пальцы невидимый шнур. Конь летел прямо на повозку, на которой стояли Вархенн и два офицера.

За ними что-то брякнуло, и над баррикадой мелькнула стрела размером с крупный дротик. Ярko окрашенная, прекрасно видная на фоне неба. Где-то в половине расстояния между повозками и громадой армии она достигла вершины дуги и начала снижаться. Одного из бронированных всадников, что как раз проезжал мимо жереберов, словно сдуло с седла.

– Им нужно взять поправку. И лучше, чтобы не промахнулись.

А через мгновение одиннадцать скорпионов выстрелили залпом. Снаряды длиной в пять футов рванули в сторону шаманов. Тот, что держал на невидимой упряжи рвущегося вперед коня, внезапно сложился пополам, прижал руки к животу, упал, дергаясь. Стоящий подле него чародей схватился за бедро, в которое воткнулась тяжелая стрела. В двух из пяти приготовленных в жертву коней тоже попали, один встал на дыбы, затанцевал на задних ногах и свалился на землю, второй рухнул меж всадников, множа хаос и замешательство. Самый высокий из жереберов, тот, кто первым принес коня в жертву, взмахнул руками, отдав какие-то приказы. Ряды тяжелой конницы сомкнулись перед чародеями, заслоняя их собственными телами. Поднялись щиты.

– Ну, жереберов пока что – вон из головы. – Полковник отряхнул какой-то мусор с плаща, поправил щит на ремне. – Остались прочие.

А прочие как раз рванулись в атаку. Сперва с флангов налетела легкая конница, засыпав все стрелами. Вархенн скорчился за бортом, слыша стук снарядов, впивающихся в дерево. Часть из них шла почти вертикально вверх, чтобы потом упасть прямо на солдат. Две стрелы, одна за другой, воткнулись совсем рядом. Еще одна отрикошетила от шлема и скользнула по кольчуге. Вархенн готов был заползти под повозку, если б сумел.

Внезапно кто-то встал над его головой: полковник упер край щита в борт, создавая временную защиту. Второй офицер присоединился к нему. Оказывается, внизу они прятались втроем. По повозкам загромыхали тяжелые сапоги, и через мгновение вся баррикада была облеплена солдатами. Пехота упирала тяжелые щиты точно так же, как ее командир, арбалетчики сидели на корточках подле солдат или прятались под козырьками. Град стрел словно бы стих.

– Арбалетчики! Сейчас!

Двести стрелков выглянули из-за заслонов в миг, когда к баррикаде приближалась лава всадников, чтобы вывернуть повозки. Солдаты дали залп почти в упор, в конскую грудь, целясь именно в лошадей. Несколько десятков скакунов взвизгнули единым голосом и упали, стрелы из тяжелых арбалетов, предназначенные пробивать полный доспех, порой входили в конские тела полностью. После залпа арбалетчики подхватили оружие и бросились в сторону второй баррикады. В битву вступила пехота.

На баррикаде одновременно могло встать не больше роты. Вторая стояла позади, помогая обороняющимся ливнем дротиков. Тяжелые снаряды летели в нападающих, убивая или раня животных и людей. Однако солдатам не удалось сдержать всех атакующих, десятки крюков стукнули о борта, десятки веревок натянулись и мощно рванули. Несколько повозок, ослабленных предыдущей атакой, вывернулись наружу, пехотинцы, которые не успели соскочить, были вырезаны в мгновение ока. В баррикаде образовалось несколько очередных проломов.

Вархенн в этот момент уже отступал вместе с полковником в сторону второй баррикады и мог убедиться в умениях имперской пехоты вблизи. По знаку командира грянул горн, и почти половина солдат покинули баррикаду, бегом бросившись в сторону прохода в частоколе. Рота за ними сомкнулась, выставляя щиты. Горн заиграл снова, и остальные солдаты соскочили с повозок и бросились назад. Стоявшая рота пропустила их и снова сомкнула ряды. Вестовой встал подле полковника, сразу за тройным рядом пехоты. Вторая рота замерла впереди. «Отчего они не отступают?» – успел еще подумать Вархенн в миг, когда внутри появились первые всадники. Длинные копья они держали высоко, по несколько человек въезжая в проломы. Были на них кольчуги, шлемы и щиты с начертанным знаком тройной молнии, а кони их носили тяжелые, укрепленные металлом кожаные доспехи. Имперская армия уже знала, что знак молнии принадлежит элите кочевников, Наездникам Бури, ближней гвардии Отца Войны всех секохландийских племен. Единственные отряды всадников, которые решались атаковать меекханскую пехоту и разбивали ее во фронт.

Без раздумий всадники бросились на стену щитов. Град дротиков нескольких смел из седел, ранил пару коней, но в следующий миг копья ударили в ростовые щиты. Древки их почти всегда ломались, но сила удара опрокидывала солдат, заставляла отступать, сбивая строй. В возникающие дыры въезжали кони, расталкивая пехоту своим весом, а тяжелые сабли и топоры на длинных рукоятях звенели о шлемы и щиты. Солдатам не хватало пик, копий, рогатин и гизарм, что позволило бы держать всадников на расстоянии. Коротких мечей – для схваток в тесном строю, когда от противника отделяет лишь дыхание, – было недостаточно. Казалось, что пехоту вот-вот припрут к заостренным кольям и вырежут. В пролом баррикады ворвались уже более двухсот всадников и продолжали въезжать все новые.

Полковник сохранял спокойствие. Несколькими экономными движениями он послал вперед с десятков солдат, подперших дрогнувшую было шеренгу. Потом отмахнул в сторону второй баррикады. Брякнули арбалеты. Сотня горящих стрел ударила в повозки покинутой оборонительной линии, куда перед атакой подвесили кувшины или меха. Все они уже были разбиты или продырявлены отступающей пехотой. Сложенные перед повозками купы дерева и сухих веток полыхнули едва ли не мгновенно. Лошади, въезжающие в проломы, ржали, становились на дыбы и отступали перед жаром.

Арбалеты щелкнули снова, и несколько десятков всадников, пойманных внутри горящего полукруга, повалились с седел.

– Щиты! Крыша!

Щиты пехотинцев, стоявших сразу перед лошадьми, пошли вверх. Нападавшие, которые уже должны были думать, что пробились сквозь пехоту, внезапно оказались в ситуации человека, чей конь по брюхо проваливается в зыбучие пески. Щиты пехоты создали ровную поверхность без дыр, куда можно было бы вбить острие, а удары саблей или топором не имели

ни шанса проломить преграду. Несколько мгновений Наездники Бури отчаянно лупили в нее, а потом внезапно один, другой, третий конь заржали и свалились на землю. На глазах Вархенна под защитную крышу скользнули двое солдат, держащие вперехват, словно тяжелое копье, дротики. Молниеносно просочились между товарищами, добрались до лошади и нанесли двойной укол, снизу, ниже клепаной брони. Животное захрипело, словно от удивления, фыркнуло красными брызгами, ручей яркой крови заструился из его ноздрей и рта – и пало на землю. Всадник был убит, прежде чем сумел подняться на ноги. Меньше чем в полминуты все кочевники, что успели проломить строй, оказались мертвы. Как и их кони.

– Стена!

Шеренга выровнялась. Солдаты сомкнулись так, что между щитами не вошло бы и острие ножа. Мечи плашмя ударили в толстую оковку верхнего края щита, и более чем из трехсот глоток исторгся яростный вопль, вызов. Семнадцатый полк насчитывал двести лет боевой традиции, был гордостью Восьмого пехотного соединения, и никакие проклятые каналы не смогут считать их мясом, о которое тупят мечи.

Наездники Бури оказались в безвыходной ловушке и, как видно, поняли это. С баррикады их непрерывно осыпали стрелами, метя с расстояния в десяток шагов в явственные на фоне огня силуэты. Сверху, со скал, возносящихся над входом, также обрушивался град снарядов. Каждый миг кто-то из всадников валился на землю – сам или вместе с конем. Отгороженные кольцом полыхающих повозок, они таяли на глазах. Несколько десятков оставшихся наездников металась, пытаясь выскользнуть из ловушки. Проломы в баррикаде были в парутройку ярдов шириной, однако перед каждым из них оказались навалены кучи досок и веток, плававших теперь не хуже повозок. Только там, где первую баррикаду атаковали магией, дерева не было, его сдуло вместе с фургоном. И именно там уцелевшие всадники искали спасения.

Но Дарвен-дав-Гласдерн не намеревался им этого позволить.

– Рота! Вперед! Бегущий град!

Стоящие в первой линии ряды расступились, пропуская вторую роту. Солдаты умело сформировали разомкнутый строй и двинулись в атаку. Первый ряд метнул свои дротики и встал. Второй миновал его, дал залп и также остановился, третий, четвертый и пятый повторили атаку. В миг, когда последняя линия метала дротики, солдаты первой сомкнули щиты и вытащили мечи...

* * *

—Клянусь яйцами Дикого Быка! Не смогу описать этого лучше. Первая линия метает дротики и останавливается, их минует вторая линия, метает и останавливается, их минует третья, метает и останавливается... И так до последнего солдата. «Бегущий град» – так они это называют, и я лишь единожды видел эту штуку собственными глазами, именно у входа в долину Варес. Если хорошо выполнить такой фокус, то последний дротик бросается в миг, когда первый еще летит, и, пока противник успеет встряхнуться и сомкнуть строй, рота сплавливает ряды и ударяет во врага изо всех сил. Так было и там, в день, когда мы показали секохландийцам, что и сами можем быть такими же жестокими и беспощадными, как они...

Кеннет спросил:

– И ты принимал участие в той атаке?

Десятник широко усмехнулся.

– А как же. Шел вперед вместе с полковником: тот командовал второй ротой, прикрывавшей атаку. И ничто не смогло бы меня тогда удержать...

* * *

Солдаты прижали Молний к пролому. На этот раз ситуация перевернулась зеркально, и уже кочевникам было некуда отступать, дорогу закрывала стена огня с единственным узким разрывом, через который они могли отходить лишь по одному, потому что жар, бьющий от пылающих повозок, сужал дорогу буквально до нескольких футов. Град дротиков возымел страшные последствия, всадники и лошади падали, громоздясь путаницей тел, бьющихся в крови и грязи. Из двухсот Наездников Бури осталось едва ли шестьдесят, прочие были мертвы или умирали, но те, что оказались между горящими повозками и стеной из щитов и мечей имперской пехоты, перестали искать пути бегства. Развернули коней и встали напротив атакующих меекханцев. Длинные копья склонились в сторону врага. Солдаты же расталкивали их щитами и подбирались поближе к лошадям.

– Щиты! Крыша!

Щиты взметнулись над головами. Обезженные для битвы кони пытались кусаться или подниматься на дыбы, бить копытами – безрезультатно. Пехотинцы в первой шеренге все силы клали просто на то, чтобы удерживать щиты на нужной высоте, а вторая шеренга тем временем ринулась в атаку. Солдаты шли под щитами товарищей и, добираясь до лошадей, вбивали копья и мечи им в грудь либо подрезали задние ноги. Клепаные доспехи не уберегали от достаточно сильного укола, нанесенного в упор, а кожаные ленты, обернутые вокруг лошадиных ног, не служили преградой для клинков. Ржание и визг коней наверняка можно было слышать и на вершине Лысицы.

В несколько минут весь первый ряд пал на землю, а пехота двинулась вперед, на ходу добывая лошадей и всадников. Вархенн держался позади, зная, что в тесноте и толчее схватки его топор будет лишним. Внезапно все смешалось: пехотинцы, кочевники, животные. Часть всадников, кони которых были ранены, соскочили на землю, чтобы сражаться с противником пешими. Но в схватке, ведомой в толпе и тесноте, меекханская пехота не знала себе равных. Тяжелый щит заслонял пехотинца почти полностью, а из-за него, в молниеносных выпадах, выскакивали клинки мечей. Пехотинцы старались сомкнуть ряды, сократить дистанцию, чтобы невозможно было размахнуться тяжелой длинной саблей или топором. Били щитами, опрокидывая противника или ломая ему кости. Убивали быстро и умело, как могут только профессиональные солдаты. В несколько минут все было кончено.

– Назад! – крикнул лейтенант.

Пехота отступила с поля боя, оставив на окровавленной земле более двух сотен мертвых кочевников. И, насколько можно разобрать, ранеными – в непосредственной стычке – оказалось всего лишь несколько пехотинцев. Когда меекханцам удавалось навязать врагу собственные условия битвы, их подготовка и вооружение превращали всякий отряд в машину для убийства.

Приближался полдень, и пока что победа оставалась за Семнадцатым.

* * *

—Значит, на самом деле ты не сражался?

– В тот раз – нет, господин лейтенант. Просто стоял позади и сжимал топор, как последний дурак. Как я и говорил, скорее мешал бы им, пытаюсь войти в толпу и ища место для замаха топором. Впрочем, я и был-то лишь вестовым, а вестовой не лезет в первый ряд. Но, – Велергорф кисло усмехнулся, – я надеялся, что, возможно, представится случай или еще что...

– Кочевники обычно используют своих шаманов.

– Мы тоже об этом задумывались тогда. Каждую минуту ожидали огненного дождя или орды демонов, призванных из-за Мрака. Но теперь-то я уже знаю, отчего они экономили их силы.

– И отчего?

– Жеребер – не просто чародей, это некто вроде нашего великого боевого мага, вроде Венриса Окелана или Йовеля-лес-Креаба. Правильно применяемые в битве, они стоят тысячи тяжеловооруженных воинов. Но потеря любого из них – серьезный удар для армии. А та армия, когда встала на битву против Семнадцатого и Двадцать третьего, имела, говорят, одиннадцать жереберов. Потеряли троих. Потом, в короткой стычке у баррикады, еще двух. Пока у нас оставались скорпионы, а то и вероятный чародей в резерве, се-кохландийский командир не желал их подставлять. Для него меньшей потерей были триста Молний, чем один жеребер.

Десятник потянулся так сильно, что в спине его что-то хрустнуло, и вопросительно глянул на Кеннета.

– Да-да, знаю, Вархенн. Подъем! Выходим через минуту!

Отряд поднялся и встал свободным строем. Пленника поместили во главе группы. Лейтенант оглядел его. Несмотря на без малого получасовой отдых, шпион не выглядел вполне пришедшим в себя.

– Начнем помаленьку. Бегом до Перепутья, – решил лейтенант.

Их ждали три мили пути. Солдаты моментально окружили Велергорфа.

* * *

– Хорошо управились.

Черный Капитан сидел там же, где Вархенн его оставил, отправившись выполнять приказы. В руках он все еще сжимал арбалет.

– Лучше, чем я ожидал, – сказал вестовому. – Станут защищать вторую баррикаду?

– Так сказал полковник. И просил передать, что будет благодарен за каждую стрелу, которую мы пошлем. А еще, по его мнению, беженцы все еще слишком медленно поднимаются наверх.

– А дословно?

Вархенн, смущенный, опустил взгляд.

– Сказал: «Передай своему капитану, чтобы стреляли всем, что у него есть, даже если придется использовать собственные черепушки. Ага, и скажи ему, что те, на дороге, сделали, похоже, перерыв на обед», – процитировал вестовой.

– Хорошо. – Короткая, холодная усмешка искривила губы капитана. – Я послал на Лысицу всех людей, у которых нет арбалетов на руках. Подгоним их. Ступай-ка сюда.

Вархенн подошел к краю скалы.

– Смотри.

Первая баррикада медленно догорала. Вокруг нее громоздились кучи трупов, взрытая копытами земля выглядела как свежевспаханное поле, на котором как раз взошел странный урожай: стрелы луков и арбалетов и дротики. По внутренней стороне огненного полукруга несколько десятков солдат поспешно снимали сей урожай, вырывая наконечники из земли и тел. В меекханской армии каждый снаряд использовался столько раз, сколько это было возможно.

– Не туда. На них.

Вархенн оторвал взгляд от суеты солдат и глянул дальше. Кочевники готовились к очередной атаке. И на этот раз было понятно, что они подходят к делу со всей серьезностью. Разделялись на четкие отряды, на глаз человек по тысяче, между которыми то и дело сновали гонцы. Как минимум три группы по несколько сотен человек направлялись в сторону ближай-

шего леса; посредине армии, внутри пустого пространства, что-то обсуждали около двадцати всадников.

– Сын Войны, несколько его советников и, если меня не подводит зрение, жереберы. Уже знают, что не возьмут врата долины с ходу, а потому готовятся к битве всерьез. Если полагаешь, что предыдущая атака была сильной, то посмотришь, что здесь будет твориться через час.

– Зачем они это делают? В смысле, господин капитан, зачем они вообще сюда лезут? У них ведь вся провинция в руках...

Кавер Монель сплюнул сквозь зубы:

– Дерьмо у них в руках. Я тут поговорил с парой старост и бургомистров. Те пожары, которые мы видели, – это не кочевники. Их зажгли мы. Приказ губернатора: отступая, оставлять им руины и пепелища. Беженцы уничтожили все, что не смогли унести с собой.

Свели в эту долину все свое добро, золото, серебро, драгоценности и ткани, привели лучшие свои племенные стада. Наверняка за нашей спиной нынче больше богатств, чем в императорской сокровищнице. А они, – кивнул он в сторону готовящейся к битве армии, – прекрасно об этом знают. И видят, как все это утекает от них за Малый хребет. Им необходимо еще до темноты захватить долину.

– Не захватят.

Взгляд командира скользнул по лицу парня.

– Ты был внизу и охвачен теперь горячкой боя, да? Ты пережил первую стычку без царапины, и тебе кажется, что так будет вечно? Кое-что скажу тебе, парень. Эти солдаты внизу сперва маршировали всю ночь и весь день, чтобы сюда добраться, следующую ночь окапывались без минутки отдыха, а нынче с самого утра сражаются. Они уже смертельно устали, а к вечеру будут мертвы. Се-кохландийцы не простят им, станут атаковать раз за разом, пока пехота от усталости не сможет поднять мечи и щиты. И тогда, возможно, ты таки окропишь железо кровью. А теперь – лети к полковнику и скажи ему, что с этого момента у него не будет ни минуты передышки. А потом отыщи лейтенанта Кавацра и вели ему поторопиться. Даже если придется погонять людей кнутом. И отыщи того чародея, пусть проверит, как идет резня скота. Проклятие... Мне бы еще с пару вестовых, а есть только ты. Здесь каждый арбалет, а у входа в долину – каждая пара рук – просто необходимы... Ну ничего, пока что хватит. Бегом!

– Так точно!

* * *

Десятник замолчал, но как-то никто и не думал его подгонять. Некоторое время они маршировали в молчании.

– Резня, – пробормотал он наконец. – Резня, которая шла у входа в долину, была ничто по сравнению с тем, что происходило в ее глубине. Весь скот согнали в одно место, и около ста человек с топорами и тяжелыми ножами шагали по щиколотки в липкой от крови грязи, убивая животных одно за другим. Перерезали горла, разрубали головы и шли дальше, оставляя на земле еще подрагивающие трупы. Эти люди... у них были мертвые лица. Не думаю, чтобы хоть кто-то из них хорошо спал несколько следующих месяцев. А овцы, коровы и козы, вместо того чтобы разбегаться во все стороны, стояли, ошеломленные, и гадили под себя от страха. И пусть никто, не видевший этого, не улыбается глупо. Животные словно онемели от ужаса, как если бы круг крови и тел, который припирали их к скальной стене, обладал какими-то магическими свойствами и делал бегство невозможным. А впрочем, может, так оно и было? Всем заправлял чародей, и его небесного цвета одеяния были почти по пояс забрызганы кровью. Увидев меня, он лишь махнул рукою и приказал убираться прочь. Если хоть когда-нибудь увидите такое выражение глаз у чародея, то поймете: с ним невозможно спорить. Мне казалось, что воздух

вокруг него танцует и вихрится. Смерд крови, желчи и дерьма почти не давал дышать... Я сбежал оттуда так быстро, как сумел.

Кеннет осмотрелся. Через какие-то полмили были Перепутья, где отходила дорога на восток. Оттуда до Белендена было совсем близко.

– Тем временем продолжался подъем. – Вархенн усмехнулся одними губами. – Ну не совсем. На узкую, идущую откосами дорогу всходили несколько десятков тысяч человек. Селяне, купцы, ремесленники, дворяне. Наверное, впервые в жизни все были равны в правах и обязанностях. Имели лишь одно право: идти вверх – и одну обязанность: идти вверх. Откосы были завалены тюками и мешками, что оказались слишком тяжелы, чтобы их нести. Люди ругались, плакали, бормотали себе под нос, но восходили – друг за другом. А толчея и теснота... Доныне рассказывают легенды о некоем купце, который умер по дороге, но, мол, теснота была столь велика, что он не упал, а оказался вынесен человеческой рекой на самую вершину и только там рухнул на землю. С той поры, как люди избавились от повозок, скорость их возросла вдвое, но все равно добрая половина беженцев все еще толпилась у подножия Лысицы. Я даже не попытался передать приказ капитана. Сам император не заставил бы их взбираться быстрее...

Десятник поправил пояс с топором, глаза его потемнели, а на покрытом сине-черными татуировками лбу появились морщины.

– И, пока я был у горы, началась очередная атака. Та, которая обещала стать серьезной...

* * *

Рычаги онагров ударили в поперечные балки, и четыре горящих кувшина мелькнули над баррикадой. Сразу же после брякнули скорпионы. Машины подпрыгнули на своих позициях, и тут же их обступили артиллеристы. Заскрипели натягиваемые веревки. С первого же взгляда становилось понятно, что их служба ничем не уступает в умении пехоте: ни один взмах, ни одно движение, жест не были бессмысленными, все находилось на своих местах и действовало как слаженный механизм.

По крайней мере так это выглядело для молодого вестового Горной Стражи.

Прежде чем он успел преодолеть треть обратной дороги, машины дали следующий залп. Когда отыскал командира Семнадцатого – третий. Все с точностью до удара сердца. Полковник обронил несколько фраз и отослал мальчишку наверх. Роль вестового оказывалась адски мучительной.

Он ухватился за веревку и начал подъем, раздумывая, сколько еще раз сегодня ему придется подниматься и спускаться этой дорогой.

Наверху его встретил град стрел. Кочевники сориентировались, что на скалах подле входа засели некие стрелки. Если кто и рассчитывал, что сто футов высоты сохранят солдат от стрел, то композитные тугие луки всадников развеяли эти надежды. Стрелы летели в небо так высоко, что почти исчезали с глаз. На миг повисали неподвижно, после чего неторопливо поворачивали и падали к земле, наращивая скорость. Десятки стрел с десятков луков каждую секунду. Стражники искали укрытия под рахитичными деревьями, между скалами, вползали в любую щель. Те, у кого были щиты, могли считать себя счастливыми.

Но Горная Стража продолжала сражаться. Арбалеты регулярно натягивались, что ни миг, то несколько, а то и с десяток солдат высовывались из укрытий и стреляли. Визг и ржание лошадей свидетельствовали, что – вполне точно.

Капитан лежал у самого края скальной стены и наблюдал за битвой, совершенно игнорируя падающие вокруг стрелы. Вархенн коротко отрапортовал.

– Я так и думал. Что в точности сказал тот пехотинец?

– Передай своему командиру, что я знаю, и пусть меня не учит. И что, когда проломают вторую баррикаду, он должен отступить, это приказ.

– Когда проломают, да? Нет – если проломают. И он начинает отдавать мне приказы... Он и вправду уже ступил на Дорогу Сна. Как видно, отсюда и его отвага. Гляди.

Вестовой лег рядом, хотя все в нем вопило, что лежа он увеличивает вероятность попадания стрелы. Но позабыл о том, едва глянув вниз.

Легкая кавалерия сгруппировались на флангах, главным образом обстреливая Стражу на скалах. Тем временем в центре продолжались приготовления. Кочевники совершенно игнорировали выстрелы машин – просто время от времени кувшины взрывались огнем или залп из скорпионов прошивал их ряды. Они же стояли на месте твердо, словно лучшие отряды империи.

– А они хороши. – Капитан кивнул, неохотно признавая правду. – Пара-другая машин их не испугает.

Внезапно в центре заклокотало, и во главе се-кохландийской армии появились сотни пеших, несущих перед собой вязанки фашинов. Потом побежали вперед.

– Будут атаковать пешим строем. И они уже установили граничную дистанцию.

– Чего?

– «Чего, господин капитан?», стражник. Не забывай о формальностях. Дистанцию выстрела из скорпиона. Все они стреляют полого, к тому же – над двумя баррикадами. Это значит, что снаряды их не могут упасть дальше трехсот – четырехсот ярдов. Минимальное же расстояние для онагров – сто пятьдесят ярдов, разве что рискнут попасть в собственных солдат. Когда эти дикари приблизятся на такую дистанцию, нам останутся только арбалеты.

Атакующие пешим ходом кочевники двигались быстро и, по мере того как приближались к остаткам первой баррикады, смыкали строй. Когда были ярдах в трехстах от укреплений, получили залп из тяжелых арбалетов. Без видимого результата.

– Рано, проклятие, рано. Готов поспорить, что эти, в первом ряду, одеты в два-три кожаных доспеха поверх кольчуги. Даже если стрела пройдет сквозь фашины, ей не хватит сил, чтобы пробить такой панцирь. Они три года сражаются с имперской пехотой и кое-чему успели научиться.

Наступающие одолели еще сотню ярдов. Теперь шли спокойно, плечом к плечу. Четыре пылающих кувшина взорвались в колонне, собирая свой урожай, но пролом заполнился в несколько мгновений. Сто пятьдесят ярдов.

Очередной залп ударил в стену связанных вместе веток. На этот раз несколько атакующих споткнулись, упустили вязанки, опрокинулись. Тут же их заменили другие, и по неслышному наверху сигналу вся колонна бегом бросилась вперед. В миг, когда одолели линию первой сожженной баррикады, получили последний залп, но это уже не имело значения. Около тысячи кочевников кинулись в сторону прохода, из тысяч глоток исторгся дикий рев. В несколько ударов сердца они оказались у второй линии обороны и, прикрываясь фашинами, принялись рубить и выворачивать колья. За первой линией атакующих появились лучники, лупящие с расстояния нескольких десятков шагов прямо по баррикаде. Всякий солдат, что выставил бы из-за защиты голову, потерял бы ее. На несколько минут напор атакующих отобрал у меекханских солдат инициативу.

Среди защитников началось движение, арбалетчики покинули позиции, уступая место пехоте. Эта баррикада была самой важной, она имела всего шагов семьдесят длины, потому на повозках заняла позицию лишь половина роты. Более двухсот пятидесяти остальных пехотинцев встали в тылу. Сверху линия их казалась жалко тонкой по сравнению с клубящейся по ту сторону толпой.

Двинулась вторая волна кочевников, вооруженная примитивными лестницами. Эти, поскольку обстрел с баррикады несколько утих, даже не несли щитов, чем весьма облегчили

задачу стрелкам из Горной Стражи. Их стрелы валили одного се-кохландийца за другим, но на месте всякого убитого появлялись двое других. Вархенн посмотрел вдаль и тихонько вздохнул. Гигантская армия, что стояла перед долиной, казалась совершенно неубывающей.

– Три тысячи, не более, – бормотал капитан. – Столько они отправили в атаку. Наверняка у них в резерве множество всадников, которые, едва баррикада падет, двинутся вперед, чтобы ворваться в долину и отрезать дорогу наверх. Стоят и ждут, чтобы начать захватывать добычу. Вот проклятие! Арбалеты слишком медленны. Руку бы отдал за три сотни хороших лучников!

Вторая линия кочевников добралась до баррикады и подперла атакующих. Большинство кольев были уже вырваны или выкорчеваны, и через миг штук тридцать лестниц стукнули о борта повозок. И это словно стало сигналом – молчащая до той поры баррикада ожила. Стоящие в резерве пехотинцы послали поверх нее тучу дротиков, потом вторую и третью. С такого расстояния тяжелые снаряды пробивали кожаный доспех се-кохландийцев навывлет. Толпа атакующих закружилась, вскипела, рыкнула единым звуком. Солдаты, стоявшие на повозках, высунулись из-за бортов и метнули дротики – прямо в лица нападающим. Почти все взбиравшиеся на лестницы враги были сметены вниз. Лучники, поддерживавшие атаку, даже не успели выстрелить во врага.

В тот самый миг щелкнули замки онагра, и горящий снаряд, медленно, лениво проплыл, вычерчивая низкую дугу, в воздухе и, едва не задев за верх баррикады, разбился в десятке шагов от нее. Огонь поглотил как мертвых, так и живых.

Этого оказалось слишком – атакующие сломались. Се-кохландийцы отскочили от связанных повозок и, преследуемые стрелами, бросились наутек. Сразу за ними отступила и обстреливающая скалы легкая кавалерия. Они получили минуту передышки.

– Неплохой выстрел... – Кавер Монель встал, небрежным движением отряхнул штаны. – Накрутили машины в треть силы. Хорошая шутка, но, как я и говорил, отчаянная. На три выстрела как минимум один наверняка попадет в баррикаду, поскольку не удастся хорошенько прицелиться. Слишком уж рисковали эти проклятушки артиллеристы. Скажи полковнику, что раненых он может отправить наверх вне очереди.

* * *

Они миновали Перепутья трусцой, вызвав интерес у нескольких едущих телегами селян. Кеннет красноречивым жестом указал на свой плащ, обрезая их желание задавать вопросы. Приближался вечер. До Белендена отсюда был неполный час марша, и лейтенант решил, что неплохо будет войти в город после заката, чтобы к их пленнику не присматривалось слишком много любопытных глаз.

– Ша-а-агом!

Они пошли медленнее. Отряд моментально собрался подле Велергорфа.

– А что было дальше? Я слышал от отца, что ни один из Семнадцатого не поднялся на перевал... – Волк позволил себе по-неуставному опустить чин.

– Потому что ни один и не поднялся. – Велергорф смотрел куда-то вдаль, лицо его сделалось хмурым. – У них тогда было уже с полсотни раненых, главным образом от стрел и дротиков, но все твердо стояли на том, что могут еще сражаться. Что-то в них тогда вошло, говорю вам: я смотрел им в глаза и видел там только спокойствие. Не страх, не отчаяние и не проклятушку, глупую и высокомерную отвагу, но спокойствие и волю. Они знали, что погибнут, и знали, что смертью своей купят время остальным, и приняли это без размышлений. Я видел, как те, кто не встал на баррикаде, смеются и шутят, как делают вдох-другой, пьют, едят, поправляют оружие и доспехи. И я знал, что о них разобьется и следующая атака, потому что те, кто против них стоял, хоть и были прекрасными воинами, не обладали и каплей такой обреченности. Кочевники шли за добычей и пленниками, но, чтобы насладиться тем и другим,

им пришлось бы пережить битву. И тогда я понял, что это значит – быть жителем империи, и как южанам удалось ее выстроить. С того момента я никогда никому не разбивал головы, если называли меня меекханцем. Самое большее – расквашивал нос.

Он усмехнулся насмешливо, но сразу же сделался серьезен.

– Это была первая серьезная атака, но за ней пошли и следующие. И я был прав: откатывались ни с чем одна за другой. Я никогда не видел и наверняка никогда уже не увижу ничего подобного: эти проклятые пехотинцы стояли, словно скала, и рубили, резали, кололи без передышки. Баррикаду они выстроили исключительно крепкую, со всех сторон присыпали повозки землей, подперли балками. Когда у них закончились дротики, метали камни. Когда один из отчаянных натисков все же прорвался сквозь баррикаду, они пошли в контратаку, отбили ее и встали там снова. Полдня сражались, словно стая демонов, а мы могли только стоять и смотреть, потому что Дарвен-лас-Тласдерн, тот их проклятуший полковник, не соглашался, чтобы мы сошли вниз, хотя стрелы у нас закончились уже довольно давно и мы могли лишь метать камни.

Кеннет усмехнулся.

– Черный Капитан был недоволен, верно?

– Хватит и того, что скажу: большую часть времени он скалился. Был готов послать в бой всех имевшихся у него людей, потому что ряды Семнадцатого таяли на глазах. Ко второй половине дня из тяжелой пехоты на ногах осталось только двести солдат. Арбалетчиков – чуть больше сотни, но это значения не имело, потому что стрелы закончились и у них. Даже артиллеристы потеряли пару десятков человек. Пространство на двести шагов перед баррикадой было так напиговано стрелами, что люди ходили по ним словно по жнивью. А у нас, в четырех ротах, оставалось едва ли с десятков лучников, от которых все равно не было никакого толку, поскольку от постоянной стрельбы пальцы у них кровоточили.

Десятник тяжело вздохнул и замолчал. На этот раз его никто не подгонял.

– А беженцы все еще продолжали подниматься. Всю половину дня, без минутки отдыха, шагали и шагали. Я разговаривал потом со многими людьми, которые шли той дорогой. Говорили, что сверху все было прекрасно видно. Баррикады, солдат, неисчислимую армию у врат долины. И штурмы, один за другим. Ветер доносил отзвуки битвы до самой вершины горы, и те, кто уже взошел на Лысицу, останавливались и смотрели, и даже солдаты не могли заставить их уйти, сдвигали их с места только очередные группы беженцев. И на самой дороге тишина была – словно в похоронной процессии. Никто не стонал, никто не жаловался. За полдень, когда у подножия горы осталось всего несколько тысяч человек, когда закончилась резня скота, се-кохландийцы наконец-то захватили баррикаду. Захватили ее так же, как мы избавились от первой. Огнем.

* * *

Эта атака отличалась от предыдущих, что было заметно уже по тому, как они в нее отправлялись. Не заслонялись ни щитами, ни фашинами, потому что вот уже долгое время баррикада не приветствовала их губительными залпами из арбалетов, да и стоящие позади машины стреляли реже, явно пытаясь беречь заряды. Пешие появились едва ли не вдоль всех порядков атакующей армии, но всего лишь в трех шеренгах. Только лучники. Приблизились к баррикаде на сто шагов и встали, сплотив ряды. Три ровных, отделенных друг от друга несколькими шагами полукруга. Между ними заняли место несколько десятков человек с горящими факелами.

– Огонь, – пробормотал Кавер Монель. – Наконец-то до них дошло.

Огненная линия пробежала вдоль рядов, натянулись луки. Три светящиеся волны полетели в сторону баррикады.

Горящая стрела в полете издает звук, какого не услышишь больше нигде в мире. Когда же летят тысячи таких стрел, кажется, что дракон вздыхает, втягивая воздух пастью, в которой уже горит неугасимый пламень. Вархенн считал драконов созданиями из легенд, из мрачных времен Войн Богов – но именно так ему тогда и казалось. Чудовище готовится испепелить мир.

Наконечники ударили в дерево, раздалось шипение и треск пламени. В несколько минут вся внешняя сторона баррикады загорелась. Стояли в ней купеческие фургоны из толстых, хорошо высушенных и просмоленных досок, которые должны были защитить от дождя и снега. Огонь любит такое дерево сильнее всего в мире.

Кочевники не довольствовались одним залпом, продолжали стрелять в баррикаду и над ней, словно хотели спалить все окрест. Через миг загорелись древки стрел, воткнувшихся в землю, запылали и повозки в последней, все еще не законченной баррикаде, а несколько стрел долетели даже до машин. Щиты стоявшей в резерве пехоты украсились горящими древками. А потом солдаты после неслышного наверху приказа принялись отступать в сторону прохода в последнем укреплении. Те, что стояли на средней баррикаде, выждали еще минутку и отправились следом. Стены их укрепления пылали, словно внутри печки, а вся конструкция шипела и тряслась под ногами. Они уже не могли ничего поделать.

– Спускаемся. – Черный Капитан широко, от уха до уха, осклабился. – Кажется, парень, ты еще сегодня успеешь омыть железо в крови.

Он встал.

– Вниз! Все вниз!!!

Почти двести стражников бросились к веревкам. Съезжали по ним так быстро, как только и умела Горная Стража. Меньше чем в пять минут обе роты встали за внутренней баррикадой. Кавер Монель отыскал стоящего к нему спиной полковника.

– Она будет гореть с полчаса, – начал он без экивоков, – потому, полагаю...

Командир Семнадцатого повернулся, и капитан замолчал на полуслове. Вархенн тихо застонал. Левая глазница Дарвена-лав-Гласдерна пугала пустотой, должно быть, горящая стрела ударила чуть пониже края шлема, когда он поворачивал голову вправо. Сломала кость у глазницы, пробила глаз и наверняка полетела дальше. Кожа на левой половине лица почернела и покрылась пузырями.

Заметив их, полковник скривился в жуткой полуусмешке.

– Наверняка это уменьшит выбор невест до тех, кто слеп от рождения, – прохрипел он. – Но, по крайней мере, мне не придется слишком уж капризничать.

Черный Капитан стоял неподвижно, а потом – молодой вестовой заморгал от удивления – вытянулся в струнку и отдал честь.

– Капитан Кавер Монель готов принять командование, – сказал он тихо.

Гримаса пехотинца сделалась резче, правый глаз блеснул издевкой.

– Я должен отдать моих солдат какому-то полудикому горцу? Тебе сперва придется меня убить.

Целое мгновение казалось, что капитан начнет спорить. Но он только пожал плечами.

– Мне пришлось бы занимать место в слишком длинной очереди. Что теперь? Полагаю, нам стоило бы присоединиться к веселью здесь, внизу...

Полковник вздохнул.

– А как вы, капитан, думаете, почему я до этого времени приказывал вам оставаться подальше? Потому что нам нужны будут солдаты, что удержат дорогу наверх. Когда мы все уже дадим себя здесь поубивать, се-кохландийцы могут захватить Лысицу. А это значит, что все провинции между Малым и Большим хребтами окажутся открыты для них. Мы потеряем весь Север, с шахтами, плавильнями и ремесленниками. А там производят половину стали империи и две трети ее доспехов. Это будет конец войны. Поэтому я хочу, чтобы вы и ваши люди прикрыли дорогу. Четыреста солдат удержат ее без труда.

– Еще не все взойшли наверх, осталось несколько тысяч. Два-три часа и...

Полковник прервал его, вскинув ладонь.

– Мы дадим вам эти два часа. Два – наверняка, больше не смогу обещать, оттого, господин капитан, вам стоит поторопить оставшихся. Те, кто останутся, могут винить только себя. Приступить!

* * *

– Ты шутишь. – Кеннет широко ощерился. – А Черный, что же, развернулся и приступил? Вархенн Велергорф не ответил на усмешку.

– Да, господин лейтенант. Развернулся и приступил. И я вместе с ним. Как и обе наши роты. Такова была роль Горной Стражи в обороне долины Варес – немного пострелять из арбалетов и загнать шестьдесят тысяч людей на Лысицу. А потом развернуться и уйти, потому что тот проклятуший пехотинец был прав. Если бы мы дали себя поубивать там, то кочевники могли бы взойти на перевал. Толпа перепуганных купцов, селян и горсточка дворян наверняка бы его не защитили. И, боги, ведь мы после даже молились, чтобы они попытались туда взойти. Когда уже все закончилось, мы встали на дороге, на заторах из перевернутых повозок и стволов деревьев, и молились Реагвиру, Сетрену и прочим ублюдкам, которые именуют себя Господами Битв, чтобы они отобрали у кочевников разум и бросили их в атаку. Но они...

– Торопись. Рассказывай обо всем по порядку.

– Хорошо, господин лейтенант. То, что они готовятся к смерти, я понял, только когда увидел, как артиллеристы принимаются рубить свои машины, обливать их остатками зажигательной смеси и поджигать. А потом – берут щиты и мечи у мертвых и встают в строй. Всего, считая с остатками роты арбалетчиков, осталось их человек триста. И, пожалуй, ни один из них не вышел из схватки без ран. Я видел их вблизи: прорванные кольчуги, гнутые шлемы, кое-как затянутая перевязь, пропитанные красным повязки, кровь, сочащаяся из ран. Они не обращали на это внимания. Щиты их были так утыканы наконечниками стрел, что наверняка весили вдвое больше обычного. Но и это им совершенно не мешало. Когда становились напротив прогорающей баррикады, в глазах их вспыхивали пламя и гордость. Можете смеяться, но именно так подсказывает мне память. Пламя и гордость. Гора мертвых по ту сторону догорающих повозок достигала в высоту роста высокого мужчины, предполье же так густо усеивали тела людей и лошадей, что можно было бы пройти по трупам ярдов двести, прежде чем человек ступил бы на землю. В углублениях и канавах вдоль дороги кровь стояла по щиколотку. Земля уже не желала ее пить. И все это – была их работа. Они защитили вход в долину, выстояв против атак целой армии, – и дали всем время. Никто на их месте не сумел бы сделать большего.

Он замолчал, словно не зная, что еще сказать.

– Нам бы это наверняка не удалось, – тихо произнес он наконец. – Даже будь там целый полк в полном составе, тысяча людей, – он не удержал бы позиции почти целый день. Не такому нас учили. А если вы думаете, что солдаты показали уже все, что могли, то ошибаетесь.

* * *

У подножия горы находилось еще около двух тысяч гражданских. Остатки той армии беженцев, что стояла в долине еще вчера. Лейтенант Аннавер Гирвен, командующий третьей ротой, сделал все что мог. Вот уже некоторое время он не позволял брать с собой наверх ничего, кроме небольшого узелка и малого запаса воды и пищи. Не церемонясь, приказывал бросать на землю тюки, если считал, что тяжесть их замедлит движение. Выжимал из людей все силы, любыми способами, разве что не колот отстающих мечом.

Командира он приветствовал коротким кивком.

– Через два часа взойдут последние беженцы. Нужно ли нам готовиться к обороне прохода?

– У тебя час, чтобы их туда загнать. – Черный Капитан огляделся вокруг. – Потом втащите на дорогу столько пустых повозок, сколько сумеете, и на каждом повороте выстроите из них баррикаду. Начиная с третьего сверху. Остальные повозки мы подтянем сюда и подожжем. Где чародей?

Барен-кла-Вердонелл вышел из толпы. Одежды его по пояс были пропитаны подсыхающей кровью, лицо напоминало маску. Он даже не моргнул при их появлении.

– Остальные к нам не присоединятся, верно?

– Откуда...

– Слышу. Они напевают «Светлую дорогу», это старая песня, с юга империи, солдаты поют ее, когда идут на смерть. Будут сражаться до конца.

– То есть довольно недолго, – безразлично пробормотал капитан, а Вархенн почти ненавидел его в тот миг. – Они обещали мне два часа, и было бы лучше, сдержи этот сукин сын свое слово. Вы ведь до сих пор не использовали свою силу, мастер, я прав?

Это «мастер» прозвучало почти оскорбительно.

– Правы.

– Мы бы хотели создать запорный вал из огня, чтобы конница не наседала нам на пятки, но разгореться он должен быстро.

Чародей кивнул:

– Я помогу.

Обе роты принялись стягивать поближе брошенные повозки. Те, на которых лежали легковоспламеняющиеся вещи вроде мебели или одежды, притаскивали вместе с грузом. Остальные опорожнялись, при случае уничтожая все, что могло представлять для всадников хоть какую-то ценность. В пыль били бесценные зеркала, стекло, фарфор, выливали бочки вина, разбивали любую мелочь, которую владельцы не решались уничтожить. Согласно приказу, се-кохландийцы должны были получить долину, наполненную трупами и золой. Менее чем за полчаса у подножия громоздилось около сотни повозок.

– Баррикада догорает, – сказал чародей. – Сейчас начнется последняя атака.

– Кто идет?

– Бряцанье кольчуг, много железа. Конские копыта. Молнии. Хотят прорваться одним ударом.

Капитан прищурился, пытаясь хоть что-то различить. Дым догорающей баррикады и пылающих машин заслонял вид.

– Вархенн! Наверх! Может, оттуда лучше получится разглядеть. Дашь мне знать, когда они проломают оборону. Сразу же.

Вестовой стремглав ринулся взбираться на скалу. Здесь было не слишком отвесно, потому он довольно быстро достиг уровня третьего поворота. Повернулся. Легкий ветерок, союзник всех наблюдателей, как раз повеял к выходу из долины, разгоняя дым, а потому Вархенн отчетливо увидел первое столкновение. Около тысячи тяжеловооруженных всадников, сформировав мощный клин, перелились через остатки первой баррикады, почти перелетели пепелище, оставшееся на месте баррикады второй, и – склонив копья – ударили в узкий строй пехоты.

Шеренга выгнулась, центр ее оказался прорван, такая масса всадников – это было чересчур для солдат, которые сражались день напролет. Еще мгновение, доля секунды – и обороняющиеся распадутся на малые группы и будут вырезаны до последнего человека. И тогда – Велергорф запомнил эту картину до конца дней – клин остановился. Навершие его завязло, словно клинок, воткнутый в смоляную голову. Задние ряды напирали, но это создавало лишь толчею и замешательство. Меекханская пехота стояла под напором невообразимой массы, ее

кололи и рубили, но она не отступала ни на шаг. Пролом в центре строя затянуло, шеренга сомкнулась, напряглась. А потом... Раздавшийся рык было слышно даже на перевале. И оба крыла узкой линии пехоты вдруг двинулись вперед, сцепились с остановившимся клином, и началась резня. Они контратаковали, охваченные неожиданной яростью, убивая как людей, так и лошадей, а кочевники, которые надеялись уже на легкую победу, начали нести потери.

Внутри клина было так тесно, что наездники не могли использовать свои любимые копья, им остались только сабли и топоры. А в сражении на короткой дистанции с меекханской пехотой никто не мог сравниться. Несколько минут заблокированный отряд толкся на месте, сражаясь и умирая в борьбе с врагом, который смерти не боялся, и вдруг... задние ряды задрожали, по ним прошла странная волна, и они бросились наутек. Бежали, отрываясь целыми группами, бросив раненых и погибающих товарищей, неспособные сопротивляться безумцам. Только последний отряд, тонкая шеренга коней и наездников, не имела и шанса: его строй внезапно перемешался с атакующей пехотой, животные и люди валились на окровавленную землю, нескольких последних всадников стянули с седел и убили.

И установилась тишина.

Вархенн протер глаза, не в силах поверить, сколь немного солдат все еще остается на ногах. Сто, может – сто двадцать. Потом еще несколько их поднялось, шатаясь, с земли и присоединилось к истончившейся шеренге. Они выровнялись и сомкнули щиты. Перед ними разгромленный отряд Наездников Бури гнал скакунов в сторону своих главных сил. Остатки Семнадцатого заняли позицию у входа в долину и закрыли ее стеной ростовых щитов. Стеной толщиной в одного человека. Ни малейшего шанса выстоять в следующей атаке у них не было.

А следующая атака уже начиналась. Большая часть Наездников Бури поворотила коней и ехала теперь назад. В конце концов, это ведь была гвардия Отца Войны, и у нее тоже имелась своя гордость. Несколько сотен конных обрушились на остатки меекханской пехоты.

И внезапно, подчиняясь негласному приказу, защитный строй свернулся на флангах, и прежде, чем конница приблизилась на расстояние нескольких десятков ярдов, на входе стоял защитный круг. Около шести десятков тяжеловооруженных – снаружи, остальные – внутри. Бронированный круг. Конница, воя, бросилась на меек-ханцев и сомкнулась вокруг их построения. Копья ударили в поисках щели в стене щитов, сабли и топоры били в шлемы, кони брыкались, пытаясь вторгнуться внутрь. Через минуту пепел и сажа, вознесшиеся с земли, заслонили всю картину. Вархенн не стал ждать очередного порыва ветра и стремглав сбегал к капитану.

– Сколько еще? – спросил Черный, но ему хватило просто увидеть лицо вестового. – Конец! Они пробились! Все наверх!

Последние из беженцев побежали на дорогу, и вся их колонна ускорила – что еще миг назад казалось невозможным. Стражники готовили оружие.

А звон стали о сталь, рычание людей, визг лошадей не затихали ни на миг.

Солдаты замерли, напряженно вглядываясь в тучу пыли, что скрывала вход в долину. В любой миг ожидали увидеть вырывающийся из нее лес се-кохландийских копий. У подножия уже выстроили огромный завал из повозок, мебели, одежд – всего, что беженцы не могли забрать с собой наверх. Несколько солдат ожидали там с факелами в руках. Подожженный, завал должен был дать им еще немного времени, отгородив от погони.

А звон стали о сталь не стихал, и от входа в долину вместо радостных криков победителей неслись стоны, неясные вопли, терзающее уши ржание коней.

Вархенн оглянулся. Конец колонны уже добрался до поворота. За беженцами шагали несколько солдат, чьим заданием было поддерживать необходимую скорость беглецов.

А звон стали о сталь, казалось, усилился, становился все яростней, пока не слился в протяжный звук, заглушивший все: крики людей, визг животных, топот копыт.

И внезапно его перекрыл крик страха, смешанный с яростью и гневом. А потом звон железа стих, заглушенный сотнями быющих в землю копыт.

Но из тучи пыли не выехали шеренги всадников.

Прошло некоторое время, пока кто-то не произнес:

– Отбросили их. – В голосе чародея было слышно нечто большее, чем удивление. – Милостивая Госпожа, Защитница Страждущих, Молнии бегут. Кто такие эти солдаты?

– Проклятушие дурни, – прохрипел Черный Капитан и сплюнул. – Никто более.

Солдаты зашевелились, будто с них сняли заклятие. Несколько глянули на своего командира, скривившись. Стояла тишина.

– Заткнулись бы вы, господин капитан, – оборвал ее Вархенн, удивляясь собственному спокойствию, удивляясь отваге и тому, что руки на рукояти топора уже не дрожат. – Они остались там, а мы – стоим здесь, они мертвы, а мы – живы, и тут больше нечего говорить. И когда падет последний из них, мы подожжем завал и поднимемся наверх.

* * *

—В это не поверю.

– Во что, господин лейтенант?

Кеннет чуть улыбнулся, осматриваясь. Они приближались к Белендену, через несколько минут должны были миновать спуск с Лысицы и несколько гигантских курганов, насыпанных у ее подножия. Хавен Рицв уже некоторое время подбрасывал в ладони найденный в ручье камень. Шпион выглядел смирившимся с судьбой, шел быстро, с головой, опущенной так, чтобы волосы заслоняли ему лицо. Молчал.

– Ну ладно, я поверю, что они выстояли большую часть дня, поверю, что восемьсот человек задержали тридцати-, а то и сорокатысячную армию, поверю, что вы загнали на гору шестьдесят тысяч беженцев, и поверю даже в то, что солдаты сумели отразить две атаки Молний, просто стоя за стеной щитов, понимаешь?

Велергорф смерил его взглядом.

– Потому что все это истинная правда.

– Разумеется. Но в то, что ты приказал заткнуться Черному Капитану и выжил, я не поверю ни при каких обстоятельствах.

Ближайшие стражники закивали.

– Ха, я был в ту пору молод, – десятник иронично ухмыльнулся, – и не научился еще врать офицерам.

– Хе-хе, хорошо сказано. И что было дальше?

– Дальше не было ничего, господин лейтенант. – Усмешка его внезапно исчезла. – Их расстреляли. Несколько сотен конных лучников окружили наконец пехоту и начали лупить из луков, пока не пал последний солдат. А потом двинулись к подножию. Но конец колонны уже прошел второй поворот, а мы заканчивали ставить баррикаду на первом. Когда кочевники приблизились к дороге, мы подожгли собранные там повозки. Чародей справился, призвал ветер, и тот в несколько минут раздул пожар так, что пламя встало футов на тридцать. Всадники даже не думали атаковать. И это был конец битвы при долине Варес. Как я уже и говорил, се-кохландийцы не попытались взойти на гору, хоть мы и молились, чтобы боги отобрали у них разум. Они не получили там ничего: ни единого пленника, ни единого животного, ничего из богатств, которые намеревались наgrabить. А у входа в долину оставили три тысячи мертвых и в два раза больше раненых. До времен битвы за Великие Врата они не несли на севере такого поражения.

– А при Великих Вратах ты тоже был?

– Да, господин лейтенант. Но это совсем другая история.

Велергорф отвернулся к молодому стражнику, который как раз укладывал свой окатыш в ближайший курган.

– Хавен, поспеши с этим, мы не станем ждать всю ночь. Вы спрашивали, отчего Волк считает себя меекхан-цем? Мы все считаем себя ими, в меньшей или большей степени. Не мягкими, разнеженными южанами, – улыбнулся он с ласковой насмешкой, – но гражданами империи. Когда восстанавливали Семнадцатый пехотный полк, в него вступили почти одни весирцы. Мы знаем, как платить долги. Еще вы спрашивали, откуда эта традиция. Полагаю, эта идея принадлежала лейтенанту Каваццу, тому самому, что получил приказ подсчитать беженцев. У него не было времени заниматься этим наверху, дорога выплевывала на перевал все новых и новых людей, а потому он приказал, чтобы каждый взял с собой камень и оставил его по ту сторону хребта, когда сойдет с горы. Потом собирались подсчитать их количество. Это старый, проверенный способ. И, говорят, один селянин, из Маавах или Ка-лесса, был с женой на сносях, а потому опустил на курган три камня, за себя, жену и нерожденное дитя, громко поклявшись, что и за каждого следующего ребенка положит по одному ради памяти о солдатах Семнадцатого. И людям это пришлось по нраву. Многие из тех, кто перешел тогда через Лысицу, уже не вернулись на юг. Было некуда. Остались здесь, создали семьи, воспитали детей, а теперь и внуков. И все так же приходят и добавляют камень во имя тех, кто родился, поскольку восемь сотен солдат, вместо того чтобы взойти на гору, остались защищать долину. Впрочем, как я слышал, и те, кто вернулся за Малый хребет, также приходят сюда с камнями, на которых пишут имя новорожденного ребенка. А коли не могут сами – платят какой-то грошик едущим сюда купцам, чтобы такой камень те оставили здесь. Вот и вся наша традиция – куча камней вместо памятника.

Кеннет покивал:

– И память, Вархенн. И память.

– Верно, господин лейтенант. И память.

Перед ними в вечерних тенях проступили стены города.

* * *

Шпиона отправили в подвалы сразу после рапорта командира Шестой роты. Закрыли его в одиночке с узкими нарами, единственным трехногим табуретом и ведром с нечистотами. Узники могли рассчитывать на подобную роскошь до допроса. Мужчина, войдя в камеру, сел на табурет, склонил голову, сделался недвижим. Он ждал.

Заскрежетал засов. Пришел высокий, худой, иссушенный мужчина. Кожа его белела, словно хорошо выделанное полотно.

– Ну и дела, – начал он с порога. – Гончая в клетке. Пойманная там, где ее не должно быть, из-за глупости и невнимательности.

– И из-за нервного мула, добавь. – Пленник поднял голову и послал пришедшему издевательскую ухмылку. – Хотя я должен признать, Гельргорф, что эти солдаты сумели меня удивить. Девять из десяти помогли бы собрать карты и с благословением послали бы меня в дальнейшую дорогу.

– А тебе повезло напороться на соображающего офицера?

– Но благодаря этому я узнал, какие в Вессире царят настроения, что, хе-хе, несколько подняло настроение мне.

– Что ты делал в границах империи?

Мужчина пожал плечами:

– Шпионил, что же еще?

– Вы, Гончие, должны разнюхивать вне дома. Тут бдим мы.

– Разумеется. И в этом наша всегдашняя проблема, Крыса. Вы бдите дом, мы – его округу, но никто не стережет самих границ... Мне удалось пробраться к слугам его святейшества Кса-

генна Лавеннера и получить информацию о нескольких его агентах в империи. Я должен был установить с ними контакт и, – он повысил голос, – полагаю, что еще ничего не потеряно.

– Лавеннер? Хенверийцы? О том, что у них есть здесь шпионы, мы знаем, но...

– Нет.

– Что «нет»?

– Я не отдам тебе их имен. Три года понадобилось, чтобы он доверился мне настолько, чтобы поручить эту простенькую миссию. Если ты получишь их имена, они раньше или позже попадут в камеры, а это будет мой конец как шпиона. Я должен сам добраться до них и передать соответствующий пароль. А потом смогу вернуться к Лавеннеру.

Худощавый склонил голову к плечу.

– И как ты себе это представляешь? Твое лицо видело множество людей.

– Только эти солдаты. Я специально шел так медленно, как только мог, чтобы они добрались до города в сумерках. Со склоненной головой, согбенный и жалкий. Если этот отряд на некоторое время исчезнет из провинции, то не будет никого, кто узнает во мне шпиона, схваченного в трактире. Используй свои связи, чтобы отослать их куда-то, где они не сумеют со мной повстречаться. Этого должно хватить.

– А зачем, собственно, – улыбка допрашивающего была острой, словно бритва, – я должен буду оказывать тебе эту услугу?

– Потому что мы оба служим империи, Крыса. К тому же я тогда скажу тебе, что за весточку должен был передать хенверийским шпионам.

– А она наверняка будет сногшибательной?

Пленник взглянул на него так, что усмешка человека испарилась.

– Разведка Лавеннера ищет молодую девушку. Пятнадцать-шестнадцать лет, черные волосы, голубые глаза. Вокруг нее должны происходить странные вещи. Воистину странные. – Шпион взглянул серьезно. – Ты побледнел, Крыса. Значит, правда, что и вы ее ищете. А потому развяжи меня и позволь действовать. Будем ругаться – ее найдет кто-то другой.

Бывший узник поднялся с табурета.

– Рад был с тобой встретиться, Гельггорф.

БАГРЯНЕЦ НА ПЛАЩЕ

Дарвен-кан-Лаверр натянул поводья и осадил коня. Животное недовольно фыркнуло. Боевой скакун почти месяц провел в конюшне и был полон энергии, наверняка жаждал махнуть галопом по выющейся широкими петлями горной дороге. Но владелец его прекрасно знал, что в этой скачке ему бы сопутствовали еще несколько всадников. А приятного в таком немного.

Ну и, конечно, оставалась проблема людей, вышедших из лесу шагах в ста впереди. Все вооружены до зубов, он заметил даже несколько арбалетов, к счастью пока что небрежно брошенных за спины. Остановил колонну, подняв руку:

– Капитан!

Двое конных тут же выехали вперед, прикрыв его от подозрительной группки. Третий остановился рядом.

– Это они?

– Должны же ждать нас в Арбердене. Не представляю, что они могут делать здесь, господин граф.

– Наверняка ищут нас. Впрочем, сейчас разберемся: один как раз приближается.

Три тяжелых фургона и едущая в конце каравана мощная телега остановились, скрипнув осями. Десяток-другой кавалеристов окружили их железным кордоном, возницы же и их помощники, храня притворное спокойствие, потянулись за спрятанным под козлами оружием.

Глядя на эти приготовления, Дарвен-кан-Лаверр позволил себе иронично усмехнуться. «Мы в империи, а ведем себя словно едем по землям врага, – подумал он. – И к тому же не имеем права взять должный эскорт, поскольку могли бы оскорбить его высочество Аэрисса Клависса, а поэтому при виде такой вот банды вооруженных людей формируем охранный круг и готовимся к битве».

Приближавшийся мужчина был молод, с короткими рыжими волосами и подстриженной рыжей бородой. Если отпустил ее, чтобы добавить себе солидности, то получилось не очень. Он все еще выглядел не старше чем на двадцать пять. Серый, а некогда белый плащ он носил накинутым на кольчугу, стянутую солидным поясом. Округлый щит, заброшенный за спину, скорее подошел бы тому, кто служит в панцирной сотне, – как, впрочем, и длинный прямой меч. Спереди на плаще был узор в виде песьей головы, а над ним – две шестерки.

Дарвен окинул взглядом красный кант.

– Приветствую, господин лейтенант, – кивнул он. – Мы не ждали вас так рано.

– А мы вас – так поздно, господин... – Молодой офицер сделал паузу, пристально оглядывая всадника.

– Граф Дарвен-кан-Лаверр, императорский посол к его высочеству, Сыну Топора, Аэриссу Клависсу.

– Приветствую, господин граф.

Голос у лейтенанта был молодым, тихим, спокойным и ледяным. И все же граф не сомневался, что офицер в ярости.

Граф подождал мгновение-другое и улыбнулся – на этот раз широко. И очень, очень холодно.

– Я слышал, что в Горной Страже дисциплина – понятие относительное и что служат там те, кого в нормальную армию не приняли бы, даже если б они ежемесячно сами платили императору свое жалованье, вместо того чтобы его получать. Однако представляться тем, кого ты повстречал на дороге, – дело очевидное даже для горцев.

Молодой офицер слегка покраснел.

– Прошу прощения. Лейтенант Кеннет-лив-Даравит, Шестая рота Шестого полка Горной Стражи. Прошу вас за мной, господин граф.

Отвернулся и зашагал к своим людям. Аристократ после короткого колебания направился следом, приказав остальной части малого каравана оставаться на месте. Стражник некоторое время шагал молча, дожидая, пока конный его догонит.

– Когда стала известна дата этого визита, э-э-э, – поколебался он, – господин граф?

– С полгода шли доверительные переговоры.

– Полгода – это немалый срок. Кто об этом знал?

– Я, моя жена, которая едет вместе со мной, несколько человек из дипломатического корпуса. А в чем, собственно, проблема, господин лейтенант? Что вы делаете на дороге, если должны ждать нас в Арбердене? Что значит все это представление?

– Ваш отряд должен был добраться в Арберден еще вчера вечером, верно?

– Да, но на венском пути сошла лавина. Нам пришлось искать другую дорогу. В результате мы ночевали в каком-то селе, кажется, оно называлось Клацвен.

– Клахен, я о нем слышал. Чтобы перейти к сути, господин граф: моя рота получила приказ добраться до долины Гевенах и встретиться с вами в Арбердене. Уже вчера вечером все в городе сидели, словно на углях, а бургомистр бегал туда-сюда, будто кто ему бешеного кота в порты зашил. В сумерках он уже готов был посылать вестовых на все окрестные заставы с приказом начинать розыски. Я едва его отговорил.

– Весьма рассудительно.

Лейтенант слегка пожал плечами.

– Ночью поиски в любом случае ничего бы не дали.

Они приблизились к стоящей при дороге группе. Граф поглядел на солдат. Всякий носил непохожий на другого доспех и разное оружие, многие вытатуировали себе на коже всякие чудные знаки, хотя всех перещеголял высокий седой десятник, выглядевший так, словно он родился с черно-синим лицом. Его тяжелый топор, должно быть, являлся в кошмарах каждому бандиту в радиусе многих миль. Все они походили на шайку разбойников, разве что оружие имели получше, да грязно-белые плащи создавали вид униформы.

Внезапно конь фыркнул и вызывающе ударил копытом в землю. Посол взглянул туда, где должно было находиться нечто, обеспокоившее боевого скакуна. Там лежали в траве несколько псов темного окраса. При виде огромного, словно рига, коня они только лениво оскалились.

– Не стоит опасаться, они не голодны. – Сидящий при псах солдат произнес это совершенно серьезно и почесал ближайшего за ухом. И только быстрота реакции спасла его от утраты руки.

Дарвену пришлось признать, что рассказы о Горной Страже не преувеличивали. В Класс-Дев, столице крупнейшей северной провинции и резиденции великого губернатора, много лет распространяли цветистые сплетни об этих солдатах. Город лежал милях в ста от Малого хребта, а потому Горная Стража, редко заходившая в долины за хребтом, была там наполовину мифом. Истории о битвах с дикими племенами или с ордами темных порождений, приходящими с севера, распаляли воображение и вызывали удивление. Эти же, здесь, выглядели именно так, словно убивают чудищ пару раз на день – и исключительно для развлечения.

– Туда. – Молодой офицер направил графского коня глубже в лес. Запах крови мешался с влажным, сладковатым ароматом гниющих растений, а на растоптанных, покрытых темнеющими уже пятнами папоротниках лежало шесть тел. Бороздки в подлеске указывали, что трупы стянули сюда из нескольких мест. Кан-Леверр осмотрел один, с головой, разрубленной ровнехонько напополам. Ему вспомнился топор сержанта.

Боевой скакун фыркнул, почуяв кровь, и склонил голову, словно готовясь к схватке. Посол успокаивающе похлопал его по шее.

– Кто это?

Он старался задать вопрос настолько равнодушно, насколько может тот, кто десяток лет провел на службе в имперском дипломатическом корпусе. Прозвучало так, словно он на приеме спрашивал об именах пришедших гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.